D

ВЕ325
Р812

Вопросы международной политики
Вып. I.

П. РОРБАХЪ

ВОЙНА и ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА.

Съ предисловіемъ проф. С. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА—1915.

4.
П 87

ВЕ325р
Р812

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА
~~132-1024~~ 230480

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

Типогр. и цинкогр.
Т-ва „МЫСЛЬ".
Москва, Петровка, 17.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскому обществу извѣстна наиболѣе распространенная въ Германіи точка зрѣнія на происхожденіе современной войны. Знакомство съ ней имѣетъ для насъ, конечно, не только теоретическій интересъ. Намъ нужно знать не только военно-техническіе и народно-хозяйственные, но и психологическіе рессурсы, которыми располагаютъ наши враги. А среди этихъ рессурсовъ весьма важнымъ является сложившійся взглядъ на смыслъ, причину и слѣдствія войны, взглядъ, сдѣлавшійся частью національнаго самосознанія.

Переводъ книги Рорбаха вполнѣ соотвѣтствуетъ этой цѣли. Авторъ ея извѣстный публицистъ, политикъ и географъ. Ему принадлежитъ выдающаяся работа «Deutschland unter den Weltvölkern», рядъ статей, по внѣшней политикѣ Германіи и по основнымъ вопросамъ современной европейской и внѣевропейской жизни. Особенное вниманье всегда посвящалъ Рорбахъ Ближнему Востоку, считая что здѣсь—въ Европейской Турціи, въ Малой Азіи, въ Месопотаміи — Германія обладаетъ интересами первостепенной важности. Этотъ взглядъ былъ высказанъ имъ еще въ очень содержательной работѣ, вышедшей въ 1902 г.: «Die wirtschaftliche Bedeutung Westasiens», основанной на большомъ личномъ знакомствѣ съ изображаемымъ раіономъ.

Рорбахъ—выдающійся представитель современнаго имперіалистическаго пониманія германской политики. Это пониманіе рѣзко противополагаетъ Германію Вильгельма I и Бисмарка, который былъ столь равнодушенъ къ колоніальнымъ вопросамъ и такъ опасался ближневосточныхъ авантюръ, и Германію Вильгельма II. Послѣдняя основана на базисѣ крупной промышленности и міровой торговли, такъ безмѣрно возросшихъ

за четверть вѣка. Въ то же время Рорбахъ былъ чуждъ крайнимъ пангерманистическимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова притязаніямъ и не ссылался на предопредѣленное свыше расовое и національное превосходство германскаго народа. Онъ осуждалъ шовинистическую агитацію, которую подняла пангерманская пресса противъ канцлера и отчасти самого императора въ 1911 г. по поводу марокскаго конфликта, обвиняя ихъ въ слабости передъ Франціей. Точно также онъ не видѣлъ очередной задачи въ возсоединеніи съ австрійскими нѣмцами. Нѣтъ у него и культа войны ради войны въ стилѣ Трейчке. У Рорбаха мы такимъ образомъ встрѣчаемся съ мнѣніями, которыя на общемъ фонѣ современной германской политической жизни не могутъ почитаться крайними. Тѣмъ поучительнѣе они для насъ. Мы видимъ здѣсь, на чемъ воспитывается общественное мнѣніе Германіи—не кучки ослѣпленныхъ фанатиковъ и крикливыхъ политикановъ, а широкихъ бюргерскихъ слоевъ, являющихся носителями современной германской культуры. Если бы конституція имперіи и отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ измѣнилась въ направленіи большей зависимости правительства отъ представительства, если бы политическій вѣсъ остэльбскихъ аграріевъ былъ приведенъ въ соотвѣтствіи съ ихъ мѣстомъ въ соціально-экономической жизни, мнѣнія и стремленія указанныхъ слоевъ еще болѣе отразились на внутренней и внѣшней политикѣ страны. Но и теперь ни создаютъ то настроеніе національнаго довѣрія къ власти, которое такъ необходимо для современной великой, безпримѣрной войны.

Тѣмъ характернѣе фактическія и логическія несообразности, съ которыми мы встрѣчаемся у Рорбаха,—встрѣчаемся и въ части книги, написанной до войны, даже до убійства Франца Фердинанда. Нужно имѣть въ виду уже слишкомъ легковѣрнаго читателя, чтобы, напримѣръ, приписывать Россіи на основаніи разговора съ какимъ-то неизвѣстнымъ вліятельнымъ лицомъ намѣреніе утвердиться у Александретскаго залива, приписывать руководителямъ русской внѣшней политики послѣ 1906 г. дилемму «Дарданелы или Александрета». Вся наша

политика на Ближнемъ Востокѣ со времени русской-японской войны представляется въ изложеніи Рорбаха какимъ-то завоевательнымъ замысломъ. Совершенно игнорируется, что до 1908 г. Россія, уже сознавая всѣ неудобства мюрцштегскаго соглашенія съ Австро-Венгріей, не разрывала его. Этотъ разрывъ былъ произведенъ гр. Эренталемъ въ началѣ 1908 г. когда онъ выступилъ съ проектомъ санджакской желѣзной дороги, долженствующей соединить прямымъ путемъ Боснію и Салоники, не только не получивъ согласія Россія, но и не увѣдомивъ ея. Забывается та чрезвычайная сдержанность, которую въ интересахъ европейскаго мира проявила Россія во время балканской войны. Столь же невѣрны и указанія Рорбаха на планъ захвата Россіей турецкой Арменіи въ это время. Опубликованная нынѣ оранжевая книга нашего министерства, посвященная документамъ, касающимся Арменіи (26 ноября 1912—10 мая 1914 г.), ясно указываетъ, что мы стремились лишь къ созданію нѣкотораго минимальнаго правового порядка въ этихъ областяхъ, гдѣ младотурецкое правительство усвоило себѣ традиціи абдулъ-гамидовскаго управленія. Изъ этого сборника также явствуетъ, что Германія, которая несетъ столь тяжкую отвѣтственность за поддержку Абдулъ-Гамида въ эпоху армянскихъ избіеній 90-хъ годовъ, и теперь вмѣстѣ со своей вѣрной союзницей Австро-Венгріей оказала самое упорное сопротивленіе сколько-нибудь серьезнымъ реформамъ въ Арменіи. И вообще Рорбахъ въ оцѣнкѣ нашей политики на Ближнемъ Востокѣ прибѣгаетъ къ весьма простому средству: всякое признаніе со стороны Россіи, что у ней есть здѣсь матеріальные и моральные интересы, онъ именуетъ «панславизмомъ» — призракъ, которымъ пользуются въ Германіи Вильгельма II ничуть не менѣе, чѣмъ пользовались въ Германіи Бисмарка.

Послѣ этого насъ не удивитъ, что германскій военный законъ 1913 г. объясняется отвѣтомъ на вооруженія Россіи и Франціи. Ложность этого утвержденія достаточно показывается простымъ сопоставленіемъ хронологическихъ датъ. Толчекъ новому германскому закону, какъ это призналъ и Бетманъ-Гольвегъ въ бюджетной комиссіи рейхстага въ засѣданіи 7 ап.

рѣля 1913 г., дала балканская война и торжество балканскаго славянства. Столь же невѣрно, будто бы законъ о трехлѣтней военной службѣ былъ навязанъ Франціи Россіей. Нѣтъ, это была жертва, которую принесла французская демократія единству и цѣлости Франціи,—и французскій народъ на выборахъ 1914 г. одобрилъ эту жертву, хотя никто еще не думалъ, что война у порога. Наконецъ, весьма тенденціозно изображена англійская политика. Если бы намѣренія англичанъ сосредоточивались на одной цѣли разрушенія германской промышленности и торговли, то непонятно, почему они не перешли къ протекціонизму, который оказалъ бы весьма пагубнымъ для этой промышленности и торговли? А что касается морскихъ вооруженій Англіи и Германіи, то предложеніе ихъ взаимно ограничить исходило отъ Англіи и было отвергнуто Германіей. Впрочемъ, очевидно, что вообще германская морская программа отнюдь не создавалась лишь съ цѣлями защищать Гамбургъ и Бременъ отъ англійской блокады.

Всѣ этѣ искаженія и несообразности, естественно, въ чрезвычайной степени увеличиваются, когда Рорбахъ переходитъ къ современной войнѣ. Нечего и говорить, что война въ изображеніи его навязана Германіи. Германія сражается за свое существованіе; ея противники—за искусственную политическую комбинацію. Императоръ Вильгельмъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ миролюбія, но всѣ его усилія были разрушены русской мобилизаціей, противъ которой не возражала и которую такимъ путемъ ковсенно поощряла Англія. Мы нигдѣ не найдемъ у Рорбаха объясненія, почему Германія отвергла предложенное Греемъ посредничество четырехъ державъ (Англіи, Франціи, Италіи и Германіи) между Россіей и Австріей, и какъ объясненій того, почему Австрія въ послѣдніе дни этой роковой недѣли 13—20 іюля (по с. с.) оказывалась гораздо болѣе уступчивой, чѣмъ Германія, почему, наконецъ, она объявила войну Россіи лишь 24 іюля, когда уже русскія войска были въ предѣлахъ Восточной Пруссіи, Калишъ былъ занятъ нѣмцами, Либава подглась обстрѣлу и т. п.

Но еще поразительнѣе основное противорѣчіе, въ которое

впадаетъ здѣсь Рорбахъ. Онъ говоритъ въ предисловіи, что убійство Франца Фердинанда было въ концѣ-концовъ счастливымъ событіемъ для Германіи: благодаря ему война вспыхнула уже въ 1914 г., а не въ 1916 г., какъ готовились Франція и Россія, что было бы для нихъ гораздо выгоднѣе. Война началась во время года, наиболѣе благопріятное для Германіи въ смыслѣ обезпеченія ея продовольствіемъ. Союзниковъ увлекалъ рокъ! Нуженъ весь гипнозъ, который владѣлъ Германіей при началѣ войны, чтобы изъ объясненій Рорбаха не заключить противоположнаго. Война начата Германіей во время для нея наиболѣе благопріятное. Дальнѣйшая отсрочка при осуществленіи новыхъ вооруженій въ Россіи и закона 1913 г. во Франціи была бы для нея опасна. Но опасно было бы начать войну и раньше, напримѣръ, въ 1911 г. во время марокскаго кризиса, когда Германія была неготова, когда въ особенности—какъ на это глухо намекаетъ Рорбахъ—кильскій каналъ еще не былъ приспособленъ для дрэднотовъ. Если война была вызвана союзниками, они избрали наиболѣе благопріятный моментъ для Германіи. Дѣйствительно, для объясненія тутъ приходится уже обращаться къ року.

Въ сравненіи съ этимъ основнымъ противорѣчіемъ отступаетъ на задній планъ совершенно необоснованныя утвержденія, вродѣ того, что Италія не пошла вмѣстѣ съ Германіей и Австро-Венгріей исключительно подъ давленіемъ Англіи. Но нельзя здѣсь не остановиться на одномъ пунктѣ, который долженъ былъ представлять неразрѣшимыя затрудненія для Рорбаха. Мы разумѣемъ нарушеніе бельгійскаго нейтралитета. Въ сущности говоря Рорбахъ повторяетъ доводы Бетмана-Гольвега: необходимость не знаетъ законовъ! Надо отдать ему справедливость, онъ и не пытается найти здѣсь правовое оправданіе. Вѣдь нельзя видѣть послѣдняго въ ссылкахъ на поведеніе Англіи въ 1807 г., когда она уничтожила датскій флотъ и бомбардировала Копенгагенъ. Нельзя также серьезно говорить, что бельгійскій нейтралитетъ былъ ранѣе нарушенъ Франціей, стянувшей свои силы къ бельгійской границѣ, что въ Мобежѣ были англійскія артиллерійскія вооруженія и т. п. Требованіе Англіи отъ Гер-

маніи—соблюдать нейтралитетъ Бельгіи—по Рорбаху имѣло лишь цѣлью ослабить Германію, заставивъ ея армію наступать черезъ эльзасъ-лотарингскую границу. Нельзя не изумляться, что Рорбахъ даже не считаетъ нужнымъ объяснять, какъ Германія могла разсчитывать, что она безнаказанно нарушитъ одну изъ основъ международнаго европейскаго права, и какъ все это примирить съ заявленіями Бетмана-Гольвега въ 1911 г. и Ягова въ 1913 г., что Германія отнюдь не считаетъ возможнымъ нарушить нейтралитетъ Бельгіи? И уже настоящимъ цинизмомъ звучитъ сожалѣніе Рорбаха, что Бельгія отвергла лояльныя предложенія Германіи. А что касается англійскаго отвѣта на германское второжение въ Бельгію, то германское правительство было о немъ предупреждено, если оно даже нуждалось въ предупрежденіи. Ибо трудно вѣрить искренности Рорбаха, когда онъ какъ-будто не понимаетъ, что для Англіи независимость нидерландскихъ государствъесть дѣйствительно абсолютный жизненный вопросъ, и такъ понимаетъ его англійская политика съ времени Людовика XIV.

Наконецъ весьма поучительны и, цѣли войны, какъ ихъ изображаетъ Рорбахъ. По отношенію къ Англіи это—полное крушеніе ея морского могущества. Книга заканчивается словами: долой англійское морское пиратство! И это пишется въ странѣ, которая превратила морскую войну въ дѣйствительное пиратство, которая не останавливается передъ гибелью беззащитныхъ и безоружныхъ людей, передъ разрушеніемъ всего международнаго оборота, передъ такими чудовищными актами, какъ потопленіе «Лузитаніи». Въ одномъ Рорбахъ правъ: англо-германская борьба будетъ доведена до конца, ибо Германія поставила ее совершенно внѣ рамокъ обычнаго военнаго столкновенія.

Что касается Россіи, то общее отношеніе къ ней Рорбаха представляется довольно сложнымъ. Онъ чрезвычайно охотно изображаетъ нашу экономическую, политическую и культурную слабость. Не менѣе чѣмъ гр. Пурталесъ онъ надѣется на внутреннее броженіе въ Россіи, на сепаратизмъ окраинъ, и т. п. «Бояться Россіи», по его словамъ, «можетъ лишь тотъ, кто ея не знаетъ». И въ то же время онъ не можетъ скрыть страха передъ

поступательнымъ движеньемъ Россіи, ростомъ ея населенія, ея матеріальнаго и духовнаго богатства. Нужно предупредить эту опасность, отрѣзавши отъ Россіи ея западъ и ея югъ, отрѣзавъ ее отъ морей, расчленивъ ее. Только такимъ образомъ средняя Европа можетъ быть обезпечена. Ей угрожаетъ не только непосредственное вторженіе. Разгромъ Россіей Турціи, наше утвержденіе на проливахъ и въ Арменіи есть непоправимый ударъ для Германіи. Можно быть благодарнымъ Рорбаху за эти категорическія указанія, насколько наши цѣли на Ближнемъ Востокѣ являются для насъ объективно-необходимыми помимо всего прочаго, какъ отраженіе наступательнаго германизма. И въ плоскогорьяхъ и долинахъ Арменіи и на Босфорѣ идетъ та же самая борьба, которая тянется отъ Балтійскаго моря до венгерской низменности. Но и вообще намъ полезно знать, какъ рисовались нашимъ врагамъ результаты пораженія Россіи.

И тѣмъ не менѣе въ одномъ Рорбахъ правъ. Война дѣйствительно имѣетъ весьма глубоко уходящія причины. Признать это вовсе не значитъ впадать въ какой-либо фатализмъ. Какъ бы ни была велика отвѣтственность здѣсь императора Вильгельма, кронпринца, Бетманъ-Гольвега, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ руководителей германской государственной жизни, она не можетъ отвлекать нашего вниманія отъ тѣхъ соціологическихъ силъ, которыя создали и поддерживаютъ германскій милитаризмъ. Именно поэтому современная война должна быть доведена до конца—она должна измѣнить соотношеніе этихъ силъ, ибо это есть единственное условіе прочнаго мира въ Европѣ. Чрезвычайно важно, чтобы русское общество прониклось этимъ сознаніемъ, ибо только при свѣтѣ его можетъ быть правильно оцѣнено національное для насъ значенье войны. Мы боремся противъ чего-то гораздо большаго, чѣмъ личное ослѣпленіе и безотвѣтственный авантюризмъ, и если борьба окажется неразрѣшенной, она возгорится черезъ нѣкоторое время съ новой силой. Создастся положеніе, при которомъ надъ внѣшней безопасностью и внутреннимъ развитіемъ Россіи будетъ висѣть вѣчная угроза. Создастся новый, еще невиданный милитаризмъ. По-

бѣда для насъ есть элементарная, жизненная необходимость, и великія жертвы, приносимыя на полѣ брани, есть жертвы всему грядущему нашей родины.

И въ началѣ и въ концѣ своей книги Рорбахъ говоритъ, что настоящая война для Германіи есть испытаніе не столько военныхъ, сколько моральныхъ силъ. Мощь германской арміи не можетъ внушать сомнѣнія: нужно лишь, чтобы на высотѣ ея стояло единство, нравственная дисциплина и самоотверженіе всей націи, начиная съ ея высшихъ классовъ. Сумѣемъ примѣнить эти слова къ себѣ. Наша великая армія—гордость и любовь Россіи—исполняетъ и исполнитъ свой долгъ до конца. Да будемъ же и мы всѣ, составляющіе ея тылъ, достойны ея великаго дѣла своимъ единодушіемъ, своимъ нравственнымъ подъемомъ, который не падаетъ отъ неизбѣжныхъ частичныхъ невзгодъ своей готовностью принести всѣ жертвы. Въ этомъ залогъ побѣды и того духовнаго обновленія, которое побѣда намъ принесетъ.

С. Котляревскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Эта работа была начата за нѣсколько мѣсяцевъ до убійства въ Сараевѣ и закончена въ тотъ моментъ, какъ произошли первыя великія сраженія въ Бельгіи и Лотарингіи. Поэтому первыя пять главъ имѣютъ въ виду опасность войны только въ будущемъ, хотя во всякомъ случаѣ недалекомъ; шестая глава считается съ возникновеніемъ конфликта на почвѣ сербскаго преступленія, а седьмая говоритъ о германской войнѣ. Нѣкоторое время я сомнѣвался, слѣдуетъ ли мнѣ вообще заканчивать работу послѣ того, какъ разразилась война. Послѣ зрѣлаго размышленія и посовѣтовавшись съ издателемъ, я, въ концѣ-концовъ, это сдѣлалъ и одновременно рѣшилъ оставить *безъ всякихъ измѣненій* главы, написанныя до войны, полагая, что такимъ образомъ, быть-можетъ, скорѣе всего станетъ яснымъ, насколько внезапная и грозная развязка кризиса создавалась въ силу логическаго хода вещей.

Мы были вынуждены начать борьбу, но мы должны считать для себя счастьемъ, что смертная жертва эрцгерцога Франца-Фердинанда вызвала *преждевременный* взрывъ великаго антигерманскаго заговора въ Европѣ. Два года спустя война была бы для насъ много труднѣе, потребовала бы больше жертвъ, и, можетъ-быть, исходъ ея былъ бы сомнительнымъ. Но при томъ положеніи вещей, какимъ оно было въ началѣ войны и какимъ оно остается и теперь, мы можемъ спокойно признать, что побѣда надъ всѣми нашими врагами—кто бы къ нимъ ни присоединился—*представляетъ для насъ не столько военную, сколько моральную задачу*. Для такой увѣренности мы находимъ въ исторіи древній и знаменитый примѣръ. Мы читаемъ въ книгѣ Исаіи разсказъ о нападеніи королей Дамаска и Самаріи на домъ Давида въ Іерусалимѣ. «Король Ахавъ,—говорится у пророка,—получилъ извѣстіе о союзѣ обоихъ могущественныхъ противниковъ, и его сердце и сердце народа затрепетали, какъ листья

въ лѣсу. Тогда явился къ нему пророкъ и сказалъ: пусть сердце твое не приходитъ въ отчаяніе изъ-за двухъ дымящихся костровъ пожаровъ; моли Бога о знаменіи! Ахавъ боялся, однако, и возразилъ: я не хочу искушать Господа. Тогда Исаія сказалъ: развѣ вамъ недостаточно затруднять людей, что вы хотите затруднять еще Бога? Поэтому Господь самъ дастъ вамъ знаменіе; молодая женщина зачнетъ и родитъ сына, и наречетъ ему имя Еммануилъ, что значитъ—съ нами Богъ». Это значитъ: опасность пройдетъ такъ скоро, что дитя, зачатое молодой матерью въ дни скорби, будетъ названо ею при рожденіи побѣднымъ именемъ: «съ нами Богъ».

Этотъ образъ долженъ намъ служить поученіемъ. Намъ выпало на долю самое тяжелое испытаніе за все время нашей исторіи, и мы можемъ и должны встрѣтить его съ такой же увѣренностью, какая звучитъ въ словѣ пророка объ Еммануилѣ. И вы, тысячи молодыхъ женщинъ, которыя теперь, при началѣ войны, соединились съ своими избранниками, ушедшими въ походъ, можете заранѣе съ увѣренностью выбрать побѣдное имя для ребенка, который появится на свѣтъ, когда эта міровая борьба будетъ рѣшена. Вы можете это сдѣлать; нужно только, чтобы нашъ народъ созналъ, что мы не можемъ быть побѣждены, если сохранимъ достаточно нравственной силы. Напротивъ, если мы потерпимъ пораженіе, то это будетъ не потому, что мы были слабы въ военномъ отношеніи, но потому, что передъ испытаніемъ мы не оказались на достаточной нравственной высотѣ.

Мы вступили въ эту войну не такъ, какъ въ 1870 году, когда у насъ имѣлся непосредственный опытъ двухъ побѣдоносныхъ войнъ. Въ началѣ войны у насъ еще не было такихъ вождей, которые каждому, и дома, и на полѣ сраженія, внушали бы то же довѣріе, какъ предыдущему поколѣнію, призванному къ оружію противъ Франціи. Съ дипломатической стороны война также не могла быть подготовлена въ той мѣрѣ, какъ война, создавшая объединеніе Германіи. Тѣмъ болѣе очевидно, что мы не же-

лали войны. Война ниспослана намъ для того, чтобы мы пережили внутреннее единеніе, великій подъемъ нашего народнаго духа и завоевали бы себѣ, наконецъ, положеніе мірового народа. Ничего нельзя себѣ представить страшнѣе и опаснѣе для насъ, какъ если бы и на этотъ разъ война миновала для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе поразить насъ двумя годами позднѣе, когда наши противники удвоили бы свои силы. Одну минуту,—когда новые враги поднялись противъ насъ, а наши союзники насъ покинули,—казалось, что на нашъ народъ, легла тѣнь заботы. Но и ее мы теперь преодолѣли. Мы узнали на опытѣ, что въ военномъ отношеніи мы сможемъ устоять передъ всѣми врагами. Если дѣло идетъ о побѣдахъ въ сраженіяхъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, то мы можемъ со спокойной душой сыновей 1915 года назвать заранѣе дѣтьми побѣды.

Теперь мы подходимъ къ самой великой задачѣ, которая въ сущности есть задача нравственныхъ силъ народа. Передъ нашими противниками мы имѣемъ то глубокое внутреннее преимущество, что мы сражаемся потому, что вынуждены сражаться, не выбирая и не уклоняясь, ибо на насъ напали, чтобы насъ уничтожить [1]).

Наши противники, напротивъ, сражаются изъ различныхъ политическихъ соображеній и инстинктовъ, и поэтому каждый изъ нихъ въ различной степени заинтересованы въ войнѣ и участіи въ военномъ союзѣ. Война разразилась въ срединѣ лѣта, а не тогда, когда нашъ хлѣбъ былъ бы на исходѣ, что было бы наиболѣе благопріятно для нашихъ враговъ. Нашъ урожай на этотъ разъ былъ на-рѣдкость обильнымъ, и мы въ достаточной мѣрѣ снабжены мясомъ и другими жизненными продуктами. Въ области военнаго снаряженія, артиллеріи, оружія, аммуниціи мы именно въ данный моментъ значительно опередили французовъ и русскихъ. Также и лич-

---

[1]) Германская публицистика за немногими исключеніями и до сихъ поръ, вопреки всякой очевидности, поддерживаетъ то положеніе, что война была начата союзниками. Рорбахъ вноситъ въ это положеніе одно характерное признаніе, что война была начата союзниками въ самый благопріятный *для Германіи* моментъ. *Прим. перев.*

ный составъ флота какъ-разъ этимъ лѣтомъ находился въ полной своей готовности. Тѣмъ не менѣе рокъ уже теперь присудилъ нашихъ противниковъ къ выступленію. Въ противоположность русскимъ, мы въ состояніи независимо отъ другихъ странъ изготовлять для себя весь необходимый военный матеріалъ. Увѣренность въ побѣдѣ сталкивается только съ одной дѣйствительной трудностью; возникаетъ вопросъ о томъ, могутъ-ли продовольственные запасы, имѣющіеся налицо въ предѣлахъ Германіи, стать дѣйствительно доступными всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя нуждаются въ нихъ для поддержанія жизни и здоровья.

Англія присоединилась къ нашимъ обоимъ врагамъ, Франціи и Россіи, исходя изъ того разсчета, что если она отрѣжетъ намъ подвозъ и истощитъ насъ въ хозяйственномъ отношеніи, то война тѣмъ скорѣе кончится неблагопріятно для насъ, и англійская торговля послѣ этого получитъ нераздѣльное міровое господство. Что касается продуктовъ питанія въ собственномъ смыслѣ, то именно въ этомъ году попытка истощить насъ являлась бы безнадежнымъ предпріятіемъ; однако, было-бы возможно лишить нашу промышленность большей части необходимаго ей сырого матеріала. У насъ имѣются нѣкоторые запасы, быть-можетъ, больше, чѣмъ это предполагаютъ наши враги, но по истеченіи опредѣленнаго срока они должны истощиться. Мы совсѣмъ не вырабатываемъ ни хлопка, ни шелка и производимъ только незначительную часть необходимой намъ шерсти и другихъ животныхъ продуктовъ, большинства металловъ, дерева и минеральныхъ маслъ. Поэтому наши заводы по прошествіи извѣстнаго срока будутъ вынуждены прекратить свою работу не потому, что на войну будутъ призваны рабочіе, а потому, что у насъ не хватитъ сырого матеріала. Болѣе половины нашего ввоза составляетъ сырой матеріалъ и почти двѣ трети нашего вывоза приходится не готовые продукты. На этомъ основываются разсчеты англичанъ, которые въ крайнемъ случаѣ врядъ ли задумаются объявить военной контрабандой весь тотъ сырой матеріалъ, который можетъ быть намъ доставленъ черезъ нейтральныя страны. Если не останется ничего другого, ан-

гличане будутъ готовы заплатить американцамъ,—съ послѣдними имъ придется считаться,—за весь тотъ хлопокъ, который не долженъ попасть въ Германію.

Каковы тѣ разсчеты, которые мы можемъ этому противопоставить? Они должны быть таковы, чтобы изъ нихъ вытекали рѣшимость государства и состоятельныхъ классовъ оказать поддержку всѣмъ голоднымъ и нуждающимся, оставшимся дома, всѣмъ неспособнымъ къ военной службѣ мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сломленъ натискъ врага и не будетъ заключенъ миръ, который дастъ намъ возможность залѣчить всѣ нанесенныя намъ раны и укрѣпить свое положеніе въ качествѣ міровой державы. Германія и Австро-Венгрія насчитываютъ круглымъ счетомъ 120 милліоновъ жителей, и для обоихъ государствъ поставленъ вопросъ о существованіи. Военнаго матеріала и оружія у насъ имѣется въ изобиліи и достаточно продовольствія. Если даже нашимъ арміямъ не достанется на долю вождей съ исключительными способностями и исключительнаго военнаго счастья, то безъ дальнѣйшаго ясно, что Россія и Франція по всѣмъ возможнымъ разсчетамъ не могутъ разбить насъ настолько, чтобы диктовать намъ условія мира. Для этого внутреннія условія Россіи и Франціи не стоятъ на должной высотѣ. Ни одна изъ обѣихъ націй не располагаетъ достаточной силой и внутренней сплоченностью, чтобы довести эту борьбу до послѣдняго предѣла.

Если не произойдетъ какихъ-либо стихійныхъ катастрофъ то единственное, что можетъ вынудить Германію на заключеніе мира это—голодъ неимущихъ. Быть-можетъ, намъ придется ввести добровольный или принудительный высокій поимущественный налогъ не для покрытія военныхъ издержекъ, а въ цѣляхъ передачи нѣмецкаго хлѣба и мяса въ руки тѣхъ, которые не въ состояніи его себѣ заработать. Запасы продовольствія и военныхъ матеріаловъ въ Германіи истощиться не могутъ. Въ борьбѣ, которая ведется не изъ-за крѣпостей, провинцій и границъ, а изъ-за существованья народа и имперіи, этимъ все сказано. Вопросъ о побѣдѣ есть для насъ вопросъ нашихъ нравственныхъ національныхъ силъ,

вопросъ о томъ, насколько способны къ жертвамъ для пропитанія трудящейся части народа тѣ имущіе классы, которые въ состояніи удѣлить отъ себя что-нибудь даже тогда, когда заработная плата рабочихъ будетъ все меньше и меньше удовлетворять его потребностямъ. Приметъ ли это форму добровольной организаціи или форму государственнаго принудительнаго налога,—по существу безразлично; безъ содѣйствія органовъ государственной власти дѣло ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть осуществлено. Германія только тогда можетъ проиграть эту войну, если ея богатые и состоятельные граждане, вообще всѣ тѣ, доходы или заработокъ которые обезпечены, станутъ говорить: жертвы для поддержанія безработныхъ, т. е. для поддержанія отечества для насъ становятся слишкомъ тяжелы. Въ настоящій моментъ, вмѣсто того, чтобы допускать дальнѣйшее уменьшеніе нашего имущества путемъ обложенія его въ пользу неимущихъ, мы скорѣе согласны заключить унизительный миръ который лишитъ Германію мѣста въ ряду міровыхъ державъ.

Это испытаніе способности къ нравственному самоотверженію руководящихъ слоевъ народа есть то испытаніе, которое намъ предстоитъ. Намъ не приходится сомнѣваться въ нашемъ войскѣ, въ нашей чисто военной готовности. Если мы выдержимъ нравственное испытаніе, то побѣда въ нашихъ рукахъ, и только въ этомъ случаѣ мы дѣйствительно ее заслужимъ. Если мы не выдержимъ его, то мы окажемся недостойными побѣды, и ни намъ, ни міру нечего сѣтовать о нашей гибели. Вся та помощь, которая оказывалась до сихъ поръ общественными организаціями и частными лицами, послужила хорошимъ началомъ. Но намъ должно быть ясно, что это было только начало. Никто не будетъ обманывать себя въ томъ, сколько нравственной вины и ошибокъ скопилось и у насъ, въ Германіи. Достаточно назвать одно: позоръ сокращенія рождаемости, страхъ передъ ребенкомъ. Пусть эта война явится для насъ столь суровой школой, чтобы вновь выступило на свѣтъ все доброе и героическое, на что способенъ германскій духъ!

I.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО МІРОВОГО МОГУЩЕСТВА.

Современныя отношенія между великими державами и націями сложились подъ вліяніемъ великихъ столкновеній XVIII вѣка. При этомъ и возникновеніе Пруссіи, и политика испанскихъ Габсбурговъ, и французская политика съ ея континентальными, европейскими задачами настолько лежатъ въ кругу нашихъ историческихъ представленій, что едва ли требуютъ особаго разсмотрѣнія. Иное дѣло—столкновенія между Франціей и Англіей, продолжавшіяся болѣе столѣтія. Исторія и исходъ этихъ столкновеній важны прежде всего потому, что они оказали рѣшающее вліяніе на міровое политическое развитіе прошлаго столѣтія, а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы всѣ эти взаимоотношенія были настолько ясны политически образованному человѣку, насколько это требуется для пониманія современности.

Втеченіе XVIII вѣка отношенія европейскихъ государствъ къ колоніямъ и заокеанскимъ странамъ пріобрѣтаютъ огромное значеніе, бо́льшее даже, чѣмъ въ эпоху великихъ открытій. Съ одной стороны, принимаетъ бо́льшіе размѣры фактическая колонизація этихъ странъ, съ другой—растетъ значеніе, колоніальныхъ продуктовъ для мірового хозяйства. Правда, оба эти явленія несравнимы съ современными отношеніями, однако основы теперешняго развитія уже повсюду были заложены въ то время. Англія представляла при этомъ единственную или почти единственную націю, господствующую надъ морями, а англичане были колоніальнымъ народомъ по преимуществу. Однако въ сере-

динѣ XVIII столѣтія исходъ колоніальнаго заокеанскаго соперничества между Англіей и Франціей ни въ коемъ случаѣ не былъ разрѣшенъ.

Въ Индіи французскія силы стояли наравнѣ съ англійскими, а въ Америкѣ англо-саксонская нація въ территоріальномъ отношеніи играла очень незначительную роль по сравненію съ романскими народами. Значительно большая часть западнаго материка принадлежала испанцамъ, португальцамъ, французамъ. Въ Сѣверной Америкѣ Мексика, въ два раза болѣе обширная, чѣмъ въ настоящее время, и Флорида были испанскими; къ западу отъ Миссисипи и неограниченно въ направленіи на сѣверъ тянулась громадная французская область, Лузіана, земля Людовика. Правда, французскихъ силъ было недостаточно, чтобы занять всю эту землю и колонизировать ее, но тѣмъ не менѣе французскія притязанія оставались въ силѣ, и названія поселеній, какъ Новый Орлеанъ при устьѣ Миссинипи, Санъ-Луи при сліяніи Миссисипи и Миссури и многія другія обозначенія вплоть до подошвы Скалистыхъ горъ и современной Канады, еще теперь даютъ намъ понять, что вся эта область между Мексиканскимъ заливомъ и великими канадскими озерами была нѣкогда землей французскаго будущаго. Отъ устья рѣки св. Лаврентія въ Атлантическомъ океанѣ и отъ его береговъ французскія колоніи простирались на западъ и на югъ вглубь материка, пока въ предгорьяхъ Аллеганской горной цѣпи не сливались съ Лузіаной. Не только Южная Америка, но и почти весь сѣверо-американскій континентъ принадлежалъ, такимъ образомъ, романскимъ народамъ. Если кто-либо около 1750 года вздумалъ бы дѣлать предсказанія о будущемъ Америки, онъ врядъ ли могъ бы ее себѣ представить иною, чѣмъ страной съ иберо-романскимъ населеніемъ и французской католической культурой.

Тѣмъ не менѣе исторія Америки сложилась иначе. И прежде всего потому, что Франція въ семилѣтнюю войну поставила себѣ недостижимую цѣль: бороться одновременно и съ Пруссіей на европейскомъ континентѣ, и съ Англіей

въ океанахъ и колоніяхъ. Быть можетъ, болѣе цѣлесообразная система налоговъ и дала бы возможность французскому королевству, напрягая свои силы на континентѣ, оказаться въ то же время на высотѣ требованій, предъявленныхъ морской и колоніальной войной, ибо французскій народъ былъ достаточно богатъ, и только государство и правительство терпѣли финансовую нужду. Но при наличномъ положеніи вещей война на два фронта должна была кончиться неблагополучно для Франціи. Въ Европѣ Франція ничего не достигла, на морѣ побѣдительницей осталась Англія. Послѣ семилѣтней войны Индія была окончательно утеряна для Франціи, а Канада, въ то время лучшая французская колонія, перешла во владѣніе Англіи; также и Лузіана къ востоку отъ Миссисипи. Другія области остались за Испаніей и только при Наполеонѣ снова вернулись къ Франціи.

Такимъ образомъ было рѣшено, что будущее Сѣверной Америки будетъ принадлежать новой англо-саксонской міровой націи; оставалось еще невыясненнымъ, какое изъ двухъ государствъ, Франція или Англія, пріобрѣтутъ рѣшающее вліяніе на государственное развитіе остальныхъ неевропейскихъ странъ. Правда, уже въ теченіе XVIII столѣтія англичане имѣли надъ французами нѣкоторый перевѣсъ на морѣ, но перевѣсъ этотъ не былъ абсолютнымъ; напротивъ, французскій флотъ выступалъ въ океанахъ, какъ самостоятельная сила, а при благопріятныхъ условіяхъ могъ не бояться столкновенія съ англійскимъ. Во время американской войны за независимость французскіе военные корабли оказались въ состояніи прикрывать транспорты вспомогательныхъ войскъ, посланныхъ изъ Франціи въ Америку. Рѣшающее вліяніе оказали тѣ условія развитія военно-морскихъ силъ Франціи, которыя были созданы благодаря великому революціонному подъему, захватившему всѣ силы страны. Истинная государственная жизнеспособность французскаго народа сказалась только послѣ устраненія негодной сословной системы налоговъ. Роковымъ образомъ эта перемѣна не принесла никакой пользы морскимъ силамъ Франціи, ибо въ противоположность арміи

послѣднія считались опорой королевской власти. Политическіе дѣятели республики смотрѣли на морскихъ офицеровъ и судовую команду, настроенныхъ роялистически, какъ на опасность, угрожающую существованію республики; они поэтому не только лишили флотъ необходимой поддержки, но и намѣренно допустили его до полнаго упадка. Менѣе, чѣмъ въ одно десятилѣтіе прежнія морскія французскія силы были разрушены. Когда управленіе страной перешло въ руки Наполеона, онъ увидѣлъ, что безъ сильнаго флота борьба съ Англіей не можетъ быть доведена до благопріятнаго конца. Однако военно-морская организація Франціи, однажды пришедшая въ упадокъ, несмотря на всѣ усилія, уже не могла быть возстановлена, ибо для этого недоставало самаго необходимаго условія—спокойствія мирнаго времени.

Такимъ образомъ случилось, что неустранимое противорѣчіе между наполеоновской Франціей и интересами англичанъ было разрѣшено въ пользу послѣднихъ. Къ Наполеону перешла отъ французской революціи программа такъ называемыхъ «естественныхъ границъ Франціи». Понятно, что съ точки зрѣнія англичанъ было недопустимо, чтобы Франція занимала большую часть побережья Сѣвернаго моря и включала въ себя такія богатыя промышленно-производительныя и издавна мореходныя страны, какъ Нидерланды и Бельгія, ибо легко можно было предвидѣть, что французы, опираясь на свои новыя владѣнія, превзойдутъ Англію въ развитіи промышленности, внѣшней торговли и въ морскихъ вооруженіяхъ.

Выходя далеко за предѣлы европейскихъ отношеній, Наполеонъ вполнѣ сознательно пытался вести французскую міровую политику въ истинномъ смыслѣ слова. Такъ какъ американскія колоніи, еще сохранившіяся у Франціи, не могли быть прочно обезпечены за нею въ виду господства Англіи на океанахъ, то основой новой Франціи за моремъ долженъ былъ стать Египетъ. Поэтому египетская экспедиція Наполеона ни въ коемъ случаѣ не можетъ разсматриваться, какъ авантюристическое предпріятіе, въ основѣ котораго не

лежало никакихъ военныхъ и политическихъ разсчетовъ. Но успѣхъ всего плана исключительно зависѣлъ отъ того, удастся ли ему сохранить при этомъ связь съ Франціей. Проектъ завоеванія Египта долженъ былъ рушиться въ тотъ самый моментъ, какъ англичане въ 1798 году разбили при Абукирѣ французскій флотъ, перевозившій войска Наполеона въ Египетъ. «Судьба египетской экспедиціи освѣтила самымъ трагическимъ свѣтомъ морское безсиліе Франціи, но она не могла удержать страну отъ дальнѣйшихъ колоніальныхъ предпріятій, ибо политическіе интересы повелительно того требовали. Вслѣдъ за заключеніемъ морского мира съ Англіей, въ 1801 году, по условіямъ котораго Франція отказалась отъ своихъ притязаній на Египетъ, но сохранила за собой свои старыя колоніи, непосредственно послѣдовала реорганизація колоніальныхъ владѣній, понесшихъ значительный ущербъ изъ-за войны... Однако, Наполеонъ задавался болѣе широкими планами, чѣмъ возстановленіе дореволюціоннаго порядка вещей; онъ расширилъ колоніальное господство Франціи, вновь присоединивъ бассейнъ рѣки Миссисипи, и питалъ замыслы о захватѣ Флориды и другихъ провинцій слабой сосѣдней Испаніи, стремясь такимъ путемъ основать великую новую Францію съ главными землями Лузіаной и Санъ-Доминго въ Центральной Америкѣ и южной части Сѣверной. Старое бурбонское королевство оспаривало у англо-саксовъ сѣверо-американскій континентъ на сѣверѣ, а новая сила, вышедшая изъ нѣдръ революціи, пыталась вновь начать борьбу на югѣ и на западѣ. (Roloff. «Geschichte der europäischen Kolonisation»).

Если бы планамъ Наполеона въ Америкѣ суждено было осуществиться, то этимъ самымъ вновь былъ бы поставленъ вопросъ о замѣнѣ впослѣдствіи въ этой части свѣта англо-саксонской и протестантской культуры романо-католическою подъ гегемоніей міровой французской державы. Испанія и всѣ испанскія владѣнія въ Америкѣ должны были непосредственно перейти въ сферу французскаго вліянія подъ управленіемъ какой-либо боковой линіи наполеоновскаго дома. Къ такому подчиненію Испаніи французскому королев-

скому дому въ свое время уже стремился Людовикъ XIV. Сѣверная Америка между Миссисипи и Тихимъ океаномъ, въ качествѣ испанско-французской колоніи, должна была бы положить твердую преграду англо-саксонскому элементу на полпути его движенія на западъ. Однако и такой планъ былъ осуществимъ только въ томъ случаѣ, если бы Франціи въ борьбѣ съ Англіей удалось бы обезпечить свои заокеанскія сношенія, а между тѣмъ это стало невозможнымъ послѣ того, какъ Англія въ 1805 году одержала рѣшительную морскую побѣду надъ соединеннымъ французскимъ и испанскимъ флотомъ при Трафальгарѣ.

Это сраженіе характеризуетъ собой кульминаціонный пунктъ столѣтней міровой политической борьбы между англичанами и французами за расширеніе сферы ихъ національнаго господства за океанами. Но Трафальгаръ собственно былъ проигранъ для Франціи уже въ то время, когда французская революція уничтожила французскій флотъ. Несмотря на всѣ усилія, оказалось невозможнымъ уже во время войны съ значительно превосходными силами англичанъ поднять флотъ на должную высоту. Наполеонъ дѣлалъ энергинныя попытки осуществить это, однако недостаточно было только строить новые корабли, и снабжать ихъ въ силу необходимости неполнымъ экипажемъ: созданная такимъ путемъ морская сила по своей внутренней пригодности далеко уступала англійской.

Даже послѣ Трафальгара Наполеонъ не считалъ окончательно проигранными свои планы колоніальной и морской политики. Послѣ того, какъ англичане заперли ему путь черезъ океанъ, онъ снова сталъ пробовать военное счастье на востокѣ, и его европейскія побѣды, казалось, открывали для Франціи новыя возможности. Это становится вполнѣ очевиднымъ послѣ того какъ было сломлено сопротивленія Австріи и Россіи при Аустерлицѣ и Пруссіи при Іенѣ. «Наполеонъ имѣлъ въ виду, заключивъ въ Тильзитѣ миръ и союзъ съ Россіей, раздѣлить Турцію между тремя имперіями, при чемъ Египетъ и обширные участки сирійскаго и малоазіатскаго побережья дол-

жны были перейти къ Франціи; онъ хотѣлъ далѣе при помощи Россіи и Австріи напасть на Индію сухимъ путемъ черезъ Персію и моремъ черезъ островъ св. Маврикія, тогда еще принадлежавшій Франціи. Въ связи съ этими проектами онъ имѣлъ въ виду также пріобрѣтеніе Алжира. Все это вмѣстѣ должно было поднять Францію на уровень первой державы на ближнемъ Востокѣ и дать ей полное господство въ Индійскомъ океанѣ. Указанныя предпріятія, для которыхъ по мнѣнію Наполеона французскій флотъ былъ еще достаточно силенъ, должны были въ его рукахъ явиться средствомъ для достиженія двойной цѣли: создать для Франціи необходимыя колоніальныя владѣнія и разбить Англію. Послѣдняя не могла быть побѣждена въ открытомъ бою, но послѣ потери своей индійской и восточной торговли была бы вынуждена просить мира. Планы эти не осуществились, такъ какъ отпаденіе Испаніи отъ союза съ Франціей (1808) и послѣдовавшія за этимъ континентальныя войны, а также связанный съ ними разрывъ съ Россіей помѣшали ихъ выполненію. Наполеону, повидимому, было суждено вести свою міровую политику безъ достаточныхъ средствъ къ ея осуществленію; грѣхи революціи мстили за себя ея преемнику и побѣдителю».(Roloff).

Когда въ 1815 году на вѣнскомъ конгрессѣ былъ установленъ новый порядокъ въ политическихъ отношеніяхъ Европы и остальныхъ частей свѣта, то въ качествѣ великой морской державы осталась только одна Англія. Казалось, что и въ будущемъ она всецѣло обезпечитъ за собой это положеніе и еще больше укрѣпитъ его. Вѣдь совершенно очевидно, что новая эра господства человѣка надъ природой, новый вѣкъ искусственныхъ путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ, какъ и вѣкъ механической прялки, ткацкаго станка и всевозможныхъ машинъ для обработки желѣза, дерева и любого другого матеріала въ началѣ XIX столѣтія, —все это способствовало исключительному укрѣпленію англійскаго преобладанія, такъ же какъ еще прежде и контроль Англіи надъ морскими путями въ другія части свѣта. Все то, что изъ европейскихъ товаровъ, изъ европейской техники и

даже изъ европейской культуры въ теченіе двухъ первыхъ третей прошлаго столѣтія и даже послѣ того было перевезено черезъ океанъ, все это шло почти исключительно подъ англійскимъ флагомъ, а также и то, что привозилось къ намъ съ той стороны океана. Англія была промежуточнымъ звеномъ, единственной передаточной инстанціей въ сношеніяхъ Европы съ заокеанскими странами. Только незадолго до середины 19 вѣка въ Германіи намѣтились первыя попытки завязать прямыя сношенія съ Сѣверной Америкой. Казалось неизбѣжнымъ, что Англія съ ея культурнымъ и экономическимъ вліяніемъ за океанами со временемъ станетъ единственной великой державой міра. Правда, еще существовали отдѣльныя области, которыя не находились подъ англійскимъ господствомъ, но это были частью небольшіе черезполосные остатки неанглійскаго колоніальнаго владычества, частью же значительныя земельныя территоріи, но безъ особаго значенія для мірового хозяйства, какъ напр. Азіатская Россія.

«Міръ съ поразительной быстротой становится англійскимъ». Эти слова англійскаго политическаго дѣятеля, сказанныя въ концѣ XIX вѣка уже послѣ возникновенія Германской имперіи, казалось, дѣйствительно опредѣляли неизбѣжную судьбу внѣевропейскихъ частей свѣта. Около 1870 года на вопросъ: можетъ ли гдѣ-либо на земномъ шарѣ какой-либо народъ, кромѣ англійскаго, при помощи не англійскаго капитала стяжать себѣ міровое политическое и міровое хозяйственное будущее,—отвѣтъ могъ быть только отрицательный. Великій индійскій міръ былъ англійскимъ, въ Китаѣ едва ли былъ извѣстенъ другой флагъ или другой языкъ, кромѣ англійскаго. А Индія и Китай составляли половину человѣчества. Сѣверная Америка частью была непосредственнымъ англійскимъ владѣніемъ, частью страной, унаслѣдовавшей англійскую культуру. На южно-американскомъ материкѣ, если исключить испанское вліяніе, все англійское отожествлялось съ европейскимъ. Африка въ большей своей части не была никому подчинена, но если бы тамъ представлялись какія-либо новыя возможности, ими, очевидно, должны были воспользоваться также англичане.

II.

ЭВОЛЮЦІЯ ГЕРМАНІИ.

Мы должны были предпослать этотъ краткій очеркъ возникновенія англійской міровой державы для того, чтобы выяснить природу политической проблемы, возникшей съ момента появленія рядомъ съ Англіей новой державы, имѣвшей міровыя политическія стремленія, Германіи. Какъ ни недавно она возникла, подъ вліяніемъ этого новаго фактора повидимому должны были измѣниться старыя и, казалось, уже окончательныя рѣшенія, опредѣлившія собой болѣе ста лѣтъ назадъ, въ эпоху семилѣтней войны и Наполеона, раздѣлъ міровыхъ территорій и господство надъ ними. При этомъ перемѣна въ положеніи вещей произошла поразительно быстро и неожиданно какъ для нѣмецкаго, такъ и для европейскаго сознанія. Мы припоминаемъ, какъ въ концѣ періода, когда нѣмецкой политикой руководилъ Бисмаркъ, во время краткаго правленія императора Фридриха, одной изъ прусскихъ принцессъ представлялась возможность выйти замужъ за бывшаго болгарскаго князя, Александра Баттенбергскаго. Принцъ былъ изгнанъ изъ Болгаріи въ виду его столкновенія съ требованіями русской политики, однако въ извѣстномъ смыслѣ онъ все еще оставался претендентомъ на болгарскій престолъ и союзъ его съ сестрой нѣмецкаго императора могъ значительно повысить его шансы на успѣхъ. Совершенно понятно, что именно поэтому по отношенію прусско-германской политики были высказаны пожеланія, чтобы Германія использовала свое вліяніе, для того, чтобы вновь возвести принца и его супругу въ княжеское достоинство на Балканахъ. Нужно было ожидать, что въ

Россіи этотъ планъ не встрѣтитъ одобренія. Не желая вовлекать Германію въ подобнаго рода конфликты, Бисмаркъ, съ рѣшительной прямолинейностью воспротивился браку Баттенберга. Онъ сказалъ при этомъ часто повторявшіяся впослѣдствіи слова: «Для насъ Балканы не стоятъ костей ни одного померанскаго гренадера». Такое признаніе полной незаинтересованности Германіи въ міровой политикѣ врядъ ли могло быть высказано съ большей рѣзкостью, ибо именно на Ближнемъ Востокѣ былъ завязанъ узелъ всѣхъ политическихъ вопросовъ, выходившихъ за предѣлы непосредственныхъ интересовъ средне-европейскихъ континентальныхъ державъ. Если Германія не была заинтересована въ восточномъ углу Европы, то могла ли она имѣть какіе-либо интересы во всѣмъ остальномъ мірѣ?

Нѣсколько лѣтъ спустя это отсутствіе міровыхъ политических притязаній было совершенно откровенно и очень внушительно подтверждено съ другой стороны: въ 1890 году Англія уступила Германіи островъ Гельголандъ. Германія хорошо оплатила эту уступку, отказавшись ради нея отъ цѣлаго ряда своихъ важныхъ притязаній въ Африкѣ. Но стоитъ только задать себѣ вопросъ, что дала бы теперь Англія для обратнаго пріобрѣтенія Гельголанда, чтобы ясно увидѣть все значеніе такого обмѣна. Если бы англичане и въ настоящее время занимали Гельголандъ, то нѣмецкому флоту было бы совершенно не подъ силу вступить въ борьбу съ англійскимъ въ Сѣверномъ морѣ. Возможно, что при такихъ условіяхъ намъ совсѣмъ не удалось бы настолько усилить наши морскія вооруженія, чтобы они получили для Англіи какое либо важное и опасное значеніе. Если бы Гельголандъ остался англійскимъ, то англичане однимъ ударомъ могли бы схватить насъ за горло, ибо Гельголандъ господствуетъ надъ Эльбой, надъ Везеромъ, надъ Ядой и надъ Кильскимъ каналомъ. Изъ всего этого мы можемъ сдѣлать опредѣленный выводъ, что англичане, уступая намъ Гельголандъ, были далеки отъ мысли въ одинъ прекрасный день увидѣть въ Германіи державу съ міровыми политическими интересами, которые могутъ серьезно столкнуться съ англійскими и требовать себѣ признанія. Слова Бисмарка о Балканахъ и уступка Англіей Гель-

голанда являются одновременно яркимъ доказательствомъ того, что спустя двадцать лѣтъ по основаніи германской имперіи пути ея міровой политики еще не намѣчались.

Ровно черезъ 25 лѣтъ послѣ того, какъ Бисмаркъ не далъ осуществиться браку Баттенберга, боясь вовлечь Германію въ конфликтъ изъ-за восточныхъ дѣлъ, мы были вынуждены, опираясь на всѣ наши вооруженныя силы, вмѣшаться въ разрѣшеніе вопроса, увлекавшаго насъ значительно дальше вглубь Востока. Въ началѣ 1913 года Россія дѣлала видъ, что она собирается ввести свои войска въ Турецкую Арменію для того, чтобы понудить Турцію къ уступкамъ балканскимъ союзникамъ. Арменія по своему географическому положенію и устройству поверхности является ключемъ къ позиціи, дающей господство и надъ анатолійскомъ полуостровомъ, и надъ мессопотамской долиной. Переходъ Арменіи въ русскія руки означалъ бы ничто иное, какъ конецъ существованія Турціи въ качествѣ самостоятельнаго государства. А мы въ настоящее время настолько заинтересованы въ томъ, чтобы турецкое государство умѣло бы удержать свою самостоятельность, что германское правительство считало себя вынужденнымъ заявить Россіи: переходъ русскими войсками турецкой границы въ Арменіи подвергнетъ опасности европейскій міръ. Сказано это было съ полной опредѣленностью и также было понято. Русскія войска не перешли границы и опасность паденія Турціи была устранена *). Какой переворотъ въ условіяхъ внутренней жизни Германіи долженъ былъ совершиться для того, чтобы вызвать такую перемѣну въ нашей восточной политикѣ?

Переходя теперь къ развитію Германіи со времени основанія имперіи и слѣдя за ея постепенной эволюціей, мы прежде всего обратимъ вниманіе на хозяйственныя измѣненія внутри націи, а затѣмъ уже на возникшія отсюда политическія послѣдствія, поскольку они выразились въ фактическомъ положеніи вещей,

---

*) Всѣ эти утвержденія автора явно противорѣчатъ документамъ, опубликованнымъ въ Оранжевой книгѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. См. предисловіе къ русскому переводу стр. III.

Прим. перев.

въ сужденіи о насъ заграницей и въ народномъ сознаніи. Замѣчательно то, что эволюція въ послѣдней области происходила значительно медленнѣе, чѣмъ само измѣненіе матеріальныхъ и политическихъ предпосылокъ. Только черезъ 10—15 лѣтъ послѣ того, какъ Германія очевидно была вовлечена въ новую для нея эпоху мірового хозяйства, большинство германскаго народа поняло, что ихъ страна вступила въ новый для насъ вѣкъ міровой политики. Медленность, съ которой мы перешли отъ фактической заинтересованности въ міровомъ хозяйствѣ къ сознанію нашихъ міровыхъ политическихъ задачъ, временами даже подвергала большой опасности наше національное будущее, а именно тогда, когда наши такъ называемыя охранительныя партіи изъ-за политическихъ принциповъ оказывали упорное сопротивленіе усиленію войска и флота.

Политическіе интересы великаго народа опредѣляются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ характеромъ и объемомъ его хозяйственной жизни, и какъ къ самому надежному показателю современнаго народнаго хозяйства мы можемъ обратиться къ даннымъ о величинѣ внѣшней торговли. Вывозъ и ввозъ Германіи черезъ десять лѣтъ послѣ основанія имперіи составляли вмѣстѣ около 5 милліардовъ марокъ. До 1891 года вывозъ возросъ до $3^1/_2$, ввозъ до $4^1/_2$ милліардовъ. Еще черезъ десятокъ лѣтъ величина экспорта возросла еще на $1^1/_2$ милліарда, величина импорта почти на два милліарда, такъ что въ 1902 году ввозъ поднялся круглымъ счетомъ до 6, а вывозъ до 5 милліардовъ марокъ. Въ общемъ такимъ образомъ внѣшняя торговля Германіи за 22 года возросла болѣе, чѣмъ вдвое.

Съ 1902 года наступилъ внезапный и стремительный подъемъ германской хозяйственной жизни. Втеченіе шести лѣтъ до 1907 года ввозъ и вывозъ увеличились значительнѣе, чѣмъ съ 1881 по 1902 годъ—промежутокъ, почти въ четыре раза болѣе долгій. Общая сумма оборотовъ внѣшней торговли, которая въ 1902 году не составляла еще 11 милліардовъ, оцѣнивалась въ 1907 году около 17 милліардовъ, давая приростъ болѣе милліарда ежегодно. Мы получаемъ такимъ образомъ представленіе о томъ, что по даннымъ внѣшней торговли хозяйственная жизнь Гер-

маніи, послѣ образованія имперіи развивалась сначала медленно, затѣмъ нѣсколько энергичнѣе, а съ начала новаго столѣтія начинается быстрый, можно сказать, безпримѣрный въ хозяйственной исторіи подъемъ. Признаніе Бисмаркомъ незаинтересованности Германіи въ міровой политикѣ и уступка Англіей Гельголанда относятся къ серединѣ періода умѣренно-быстраго роста. Англичане, очевидно, не рѣшились бы на такой серьезный по своимъ послѣдствіямъ шагъ, если бы участіе Германіи въ міровой торговлѣ уже тогда находилось бы въ такомъ быстромъ развитіи, какъ послѣ 1900 года.

Въ 1908—1909 году ростъ внѣшней торговли временно пріостановился вслѣдствіе общаго хозяйственнаго кризиса, который затронулъ не только Германію, но и всѣ другія страны. Въ настоящее время и эта пріостановка въ развитіи смѣнилась новымъ подъемомъ. Въ 1912 году общая величина оборотовъ нѣмецкой внѣшней торговли превысила 21 милліардъ. Въ 1890 году, когда съ Англіей былъ заключенъ такъ называемый договоръ о Гельголандѣ и Занзибарѣ, нѣмецкіе вывозъ и ввозъ, вмѣстѣ взятые, были меньше англійскаго ввоза, общій торговый оборотъ Германіи былъ приблизительно вдвое меньше англійскаго. Черезъ десять лѣтъ наша торговля стояла къ англійской въ отношеніи 11:18 теперь же въ отношеніи 21:27. То, что два десятилѣтія назадъ, въ эпоху, когда Гельголандъ сталъ нѣмецкимъ, казалось совершенно невозможной и фантастической идеей, а именно, что Германія по своему участію въ міровомъ хозяйствѣ и міровой торговлѣ можетъ стать рядомъ съ Англіей, въ настоящее время очевидно для всѣхъ стало возможностью ближайшаго десятилѣтія.

Въ 1890 году Германія по своему хозяйственному развитію стояла не только значительно ниже Англіи, но и позади Франціи. Незадолго передъ тѣмъ у насъ даже не было попытокъ строить на своихъ верфяхъ военныхъ кораблей и большихъ торговыхъ пароходовъ. Въ 1885 году только послѣ нѣкоторыхъ колебаній общество Сѣверо-Германскаго Ллойда рѣшилось принять условіе, чтобы его пароходы, субсидируемые имперскимъ казначействомъ для поддержки почтовыхъ сношеній съ Дальнимъ Востокомъ, были построены въ Германіи и изъ нѣмецкаго мате-

ріала. Въ настоящее время и самые совершенные, и самые быстроходные большіе нѣмецкіе военные корабли построены въ Германіи и ни одна тонна матеріала для постройки флота не получается изъ-за границы. Германія стоитъ во главѣ другихъ странъ также въ постройкѣ океанскихъ пассажирскихъ пароходовъ, и намъ же принадлежатъ два самыхъ крупныхъ пароходныхъ предпріятія міра.

Достаточно бросить взглядъ на цифры нашей внѣшней торговли, измѣнившіяся втеченіе жизни одного человѣческаго поколѣнья, чтобы понять, что такая перемѣна характеризуетъ собой и полное измѣненіе внутреннихъ условій нашей хозяйственной жизни. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ мы послѣдній разъ продали за-границу избытокъ своего хлѣба. Тотъ фактъ, что мы еще тридцать лѣтъ тому назадъ имѣли достаточно хлѣба для собственнаго потребленія и для вывоза, представляется современному поколѣнію почти невѣроятнымъ. И тѣмъ не менѣе это было такъ. Въ то время закрытіе во время войны нашихъ сухопутныхъ и морскихъ границъ, пріостановка нѣмецкой внѣшней торговли, правда, не могли быть безразличными для нашей хозяйственной жизни, но и не составляли бы для нея несчастья.

При основаніи имперіи избытокъ экспорта нашихъ фабрикатовъ составлялъ только какую-нибудь сотню милліоновъ. Продуктовъ питанія мы производили совершенно достаточно для нашего потребленія; отъ ввоза колоніальныхъ товаровъ можно было бы временно отказаться, а нѣмецкая промышленность, какъ въ пріобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ, такъ и въ своемъ сбытѣ были далеко не такъ зависимы отъ мірового рынка, какъ въ настоящее время. Напротивъ, если теперь нашимъ противникамъ удалось бы во время войны отрѣзать намъ надолго подвозъ жизненныхъ продуктовъ, сырыхъ матеріаловъ и сбытъ фабрикатовъ, то нельзя себѣ представить во всей полнотѣ всѣ послѣдствія такого положенія. Наша текстильная, металлическая промышленность, обработка дерева и кожи и почти каждая отрасль нѣмецкой промышленной жизни были бы вовлечены въ катастрофу, которая втеченіе самаго короткаго времени создала бы крайнюю

нужду для половины народа... Прежде мы жили почти исключительно замкнутымъ хозяйствомъ, теперь мы живемъ преимущественно нашей связью съ хозяйствомъ міровымъ. Въ глубинахъ народной жизни вышли на просторъ необычайныя силы благодаря результатамъ нашей несравненной школьной системы, нашему образовательному строю, нашимъ техническимъ и научнымъ успѣхамъ и ихъ результатамъ въ промышленной области. Что стоитъ фунтъ чугуна? Нѣсколько пфенниговъ. Что стоитъ тотъ же фунтъ желѣза, переработанный скажемъ въ пружины для карманныхъ часовъ? До 10.000 марокъ. Мы беремъ такимъ образомъ сырой матеріалъ, который намъ приходится покупать по всему свѣту, хлопокъ, шерсть, дерево и кожи, металлы и каучукъ, всевозможныя растительныя и минеральныя масла, облагораживаемъ его и при этомъ вкладываемъ въ него наши научныя, техническія пріобрѣтенія, нашу выучку, нашу творческую выдумку, вкусъ—все наше духовное богатство. Затѣмъ, превративъ эти матеріалы въ цѣнные промышленные продукты, мы предлагаемъ ихъ на міровомъ рынкѣ. Чужіе народы покупаютъ ихъ у насъ, и изъ того, что мы выручаемъ въ качествѣ покупной цѣны, мы пріобрѣтаемъ во-первыхъ новый сырой матеріалъ, во вторыхъ пользуемся ею для поддержанія части нашихъ жизненныхъ потребностей, съ каждымъ годомъ все полнѣе и шире, и въ третьихъ сберегаемъ еще значительную долю, какъ приростъ нашего народнаго богатства. Какъ невелика должна была быть прибыль нашей національной промышленности, когда она только на 5 милліардовъ покупала товаровъ и отпускала за-границу, и какъ значительно должны были возрасти эти доходы послѣ того, какъ цѣнность внѣшней торговли такъ возросла.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Шмоллеръ опредѣлялъ общую цѣнность нѣмецкаго національнаго богатства приблизительно въ 200 милліардовъ марокъ. Въ настоящее время, такой авторитетъ, какъ директоръ Нѣмецкаго Банка, Гельфферихъ, оцѣниваетъ его въ 300 милліардовъ, а экономистъ Штейнманъ-Бухеръ идетъ еще дальше, опредѣляя его сумму между 350 и 400 милліардовъ. Даже изъ осторожной оцѣнки Гельфферихa вытекаетъ, что богатство Германіи въ настоящее время превышаетъ богатства

Англіи и Франціи. Правда въ отношеніи богатства къ численности населенія мы, по даннымъ Гельфериха, еще отстаемъ отъ англичанъ и французовъ, ибо средняя величина народнаго богатства во Франціи равняется 6000 марокъ, въ Англіи вѣроятно 5500 въ Германіи нѣсколько ниже 5000. По даннымъ Штейнмана-Бухера среднее благосостояніе Германіи уже достигло французскаго уровня. Однако рѣшающій вопросъ не въ томъ, насколько мы отстали или нѣтъ отъ нашихъ конкурентовъ, рѣшающимъ является фактъ быстраго накопленія нашего богатства. Согласно подсчетамъ Гельфериха ростъ богатства за послѣднее время долженъ опредѣляться отъ 6 до 12 милліардовъ ежегодно! Такое увеличеніе національнаго богатства естественно опирается на успѣхи нашей страны въ міровомъ хозяйствѣ. Поэтому, если мы были бы лишены этого участія или если бы оно было существенно ограничено,то послѣдствія такого положенія не замедлили бы сказаться самымъ чувствительнымъ образомъ.

Ростъ мірового хозяйства въ Германіи находитъ свое отраженіе въ томъ фактѣ, что эмиграція изъ Германіи втеченіе жизни послѣдняго поколѣнія съ ужасающе высокой цифры упала до ничтожно-малой; и даже больше того, она стала отрицательной величиной благодаря значительному приросту населенія, даваемому иммиграціей. Въ 1882 году изъ Германіи при населеніи въ 46 милліоновъ выселялось ежегодно 220 тысячъ, ибо для нихъ слишкомъ тѣсна была возможность существованія на родинѣ. Наша ежегодная потеря отъ эмиграціи составляла въ среднемъ въ указанное десятилѣтіе около 150.000 душъ. Это было въ то время, когда нѣмецкая экспортная промышленность оказывала еще малое содѣйствіе нашей хозяйственной жизни, ввозила мало сырыхъ матеріаловъ и вывозила мало фабрикатовъ. Въ настоящее время численность германскаго народа достигла до 70 милліоновъ и эмиграція упала до 15.000 душъ въ годъ. Несмотря на увеличеніе населенія въ 20 милліоновъ, Германія въ состояніи удерживать въ странѣ весь ежегодный приростъ своего населенія болѣе, чѣмъ въ 800.000 человѣкъ, давать ему занятія и пропитаніе и кромѣ того еще нуждается въ большомъ количествѣ чужихъ рабочихъ рукъ.

Еще не прошло десятилѣтія послѣ перваго англо-германскаго колоніальнаго договора 1890 года, какъ благодаря внезапно измѣнившейся картинѣ нашей внѣшней политики обнаружились послѣдствія происходившихъ въ Германіи перемѣнъ. Въ 1897 году мы заняли Кіао-Чау, а въ 1898 германскій императоръ посѣтилъ Константинополь, Іерусалимъ и Дамаскъ. Первое событіе временно вызвало неудовольствіе не столько съ англійской, сколько съ русской стороны, ибо Россія въ то время заявляла притязанія на весь сѣверный Китай, какъ на область своихъ спеціальныхъ интересовъ. Но послѣ того какъ императоръ отправился на Востокъ и при своемъ посѣщеніи гробницы Саладина выставилъ въ извѣстномъ смыслѣ программу политической дружбы между Германіей и мусульманскимъ міромъ, послѣ того, какъ стало очевиднымъ снабженіе турецкой арміи германскими офицерами-инструкторами, а въ связи съ поѣздкой императора планъ багдадской дороги принялъ болѣе твердыя очертанія, общественное мнѣніе въ Англіи насторожилось и пришло въ безпокойство. Незадолго передъ тѣмъ англійское общественное мнѣніе было возбуждено другимъ шагомъ германской политики: поздравительной телеграммой императора къ президенту Крюгеру послѣ взятія въ плѣнъ экспедиціи Джэмсона при Бургерсдорпѣ. Не только легко возбуждаемому англійскому общественному мнѣнію, но и отвѣтственнымъ политическимъ дѣятелямъ Англіи Китай, Мессопотамія и Южная Африка представлялись достаточно широкимъ полемъ для германской политики, чтобы дѣйствительно опасаться внезапнаго проявленія ея честолюбивыхъ стремленій.

Лѣтомъ 1900 года въ то время, когда Англія еще не справилась съ бурскимъ возстаніемъ, германское правительство представило рейхстагу свой законопроектъ о большомъ увеличеніи флота; уже за два года передъ тѣмъ статсъ-секретарь Тирпицъ добился менѣе значительнаго увеличенія морскихъ вооруженныхъ силъ. Теперь, однако, въ 1900 году появилась морская программа, которая по своимъ размѣрамъ, и по законченности, а также по тому промежутку времени, на который она была разсчитана, должна была произвести особенное впечатлѣніе. Однако на основаніи тѣхъ обстоятельныхъ и очень внушительныхъ со-

230480.
Библиотека Института В. И. Ленина

ображеній, которыми по иниціативѣ морскаго министерства, былъ обоснованъ новый законъ о флотѣ, политически сознательныя круги не только Германіи, но и другихъ странъ должны были дѣйствительно убѣдиться въ томъ, что проектъ новаго закона является только политическимъ выраженіемъ сильно измѣнившагося хозяйственнаго положенія Германіи. Хотя наши заокеанскіе интересы въ 1900 году далеко не могли выдержать сравненія съ современностью и съ теперешней точки зрѣнія представляются только началомъ дѣйствительнаго развитія Германіи, все же и тогда можно было утверждать, что ростъ этихъ интересовъ долженъ съ необходимостью измѣнить въ самой основѣ условія жизни нашего народа. Это положеніе, представляющееся теперь общимъ мѣстомъ, было привито народному сознанію только благодаря той просвѣтительной агитаціи, которую вело морское министерство для обоснованія закона о флотѣ. И несмотря на успѣхи, которые въ этомъ отношеніи сдѣлала наша политическая мысль, намъ необходимо постоянно помнить о томъ, въ какой значительной мѣрѣ наше современное существованіе опирается на доходы нашей экспортной промышленности и внѣшней торговли, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе рѣшающее значеніе будетъ пріобрѣтать эта сторона нашей хозяйственной жизни.

III.

АНГЛІЙСКАЯ ИДЕЯ ИЗОЛЯЦІИ ГЕРМАНІИ.

Само по себѣ не могло быть конечно удивительнымъ, что цѣлый рядъ мѣръ германской внѣшней политики, начиная съ занятія Кіао-Чау, телеграммы Крюгеру, поѣздки императора на Востокъ и кончая закономъ о флотѣ, вызвали извѣстное безпокойство въ Англіи. Англійскіе политики совершенно правильно усматривали причину этихъ мѣропріятій во все растущихъ измѣненіяхъ нѣмецкаго народнаго хозяйства и тѣмъ не менѣе они страннымъ образомъ не соглашались признать ихъ необходимость. Какъ извѣстно, англійскій морской министръ, Черчиль, однажды сказалъ, что между морскимъ могуществомъ Англіи и Германіи существуетъ та разница, что сильный флотъ, безусловно необходимый для Англіи, является своего рода роскошью для Германіи, и поэтому совершенно ложно предположеніе о томъ, что обѣ страны имѣютъ совершенно одинаковыя основанія для своихъ заботъ о флотѣ. У насъ нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ личной искренности словъ Черчилля, но эти слова во всякомъ случаѣ показываютъ и односторонность и поразительную предвзятость политическаго мышленья. Бывало ли когда-либо въ жизни народовъ, чтобы какія либо иныя основанія, кромѣ оцѣнки взаимныхъ силъ, заставляли ихъ считаться или не считаться съ политическими жизненными интересами своихъ соперниковъ? Только сильный народъ можетъ разсчитывать на то, что у его сосѣдей желанія и опасенія взаимно нейтрализуютъ другъ друга. Если онъ недостаточно силенъ и въ то же время не настолько ничтоженъ, чтобы его слабость могла служить ему защитой, то понятно, что его сосѣди и соперники въ

силу естественной и непреодолимой необходимости должны, удовлетворять свои потребности за его счетъ, если для нихъ это представляется выгоднымъ и возможнымъ. Конечно и англичане по отношенію къ намъ не составили бы исключенія изъ этого правила, если бы они увидали, что наши интересы распространяются за счетъ англійскихъ и въ то же время не находятъ себѣ достаточной защиты въ соотвѣтствующемъ ростѣ вооруженныхъ силъ.

Всякій, кто сколько-нибудь основательно знакомъ съ дѣйствующими пружинами германской политики со второй половины 90 годовъ, будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицать, что мы имѣли въ виду чѣмъ бы то ни было угрожать Англіи. Мы стремились прежде всего къ расширенію различныхъ возможностей нашей хозяйственной дѣятельности за океаномъ, для чего намъ нужны были опорные пункты и пути экономическаго вторженія, а затѣмъ мы принимали мѣры къ защитѣ нашихъ интересовъ на тотъ случай, если бы кто-либо имъ сталъ угрожать. Тѣмъ не менѣе англичане постоянно смотрѣли на германскую политику, въ особенности на нашу политику на востокѣ, съ той точки зрѣнія, будто она должна была лишить Англію свободы политическаго развитія и заставить ее по необходимости считаться съ нашими желаньями. Тотъ же взглядъ установился и по отношенію къ постройкѣ нѣмецкаго флота и прежде всего къ проекту багдадской дороги.

Багдадская дорога съ самаго начала предназначалась для того, чтобы установить связь между Константинополемъ и коренными малоазіатскими областями Турецкой имперіи съ Сиріей и провинціями по Евфрату и Тигру. Было понятно само собой, что постройка дороги разовьетъ вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственныя и финансовыя силы Турціи и со временемъ сдѣлаетъ изъ нея страну, имѣющую крупное, не только пассивное, но и активное политическое значеніе. Тѣмъ не менѣе въ Англіи смотрѣли на этотъ планъ подъ совершенно опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, съ величайшимъ недовѣріемъ, а именно какъ будто онъ представлялъ собой угрозу англійскому положенію въ Египтѣ или даже прямое нападеніе на него. Конечно, можно было предвидѣть, что багдад-

ская дорога въ связи съ желѣзными дорогами въ Сиріи и Аравіи, частью проэктированными, частью находящимися въ постройкѣ, а частью уже законченными, дастъ возможность воспользоваться турецкими войсками и для наступленія на Египетъ. Даже и въ настоящее время, когда послѣ окончанія постройки туннелей въ горныхъ хребтахъ Тавра и Амана на очереди стоитъ смычка багдадской дороги съ сирійскими линіями,—отъ Хайфы, у подошвы предгорья Кармела, гдѣ турецкіе рельсы ближе всего подходятъ къ границамъ Египта,—до Суэцкаго канала все еще остается 400 километровъ для пѣшихъ переходовъ арміи. Однако даже и для значительной арміи такое разстояніе при современныхъ условіяхъ благодаря полевымъ желѣзнымъ дорогамъ не является непреодолимымъ. Никто не станетъ отрицать, что при условіи заключенія нѣмецко-турецкаго союза и при нѣкоторыхъ другихъ предпосылкахъ, осуществленіе которыхъ не такъ просто, багдадская дорога явилась бы своего рода обезпеченіемъ политическаго существованія Германіи. Однако нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго повода для предположенія, что мы сами нападемъ на Англію съ этой стороны, за исключеніемъ развѣ того случая, что намъ пришлось бы, имѣя опредѣленныя свѣдѣнія о непосредственно предстоящемъ на насъ нападеніи, предупредить его, подобно тому, какъ Фридрихъ Великій началъ семилѣтнюю войну формально, какъ нападающій, а фактически въ положеніи обороны. Война съ Англіей во всякомъ случаѣ является для насъ самымъ большимъ рискомъ. Если мы ее проиграемъ, то послѣдствій изображать не приходится; если мы выиграемъ ее, то и въ этомъ случаѣ побѣда можетъ не принести намъ дѣйствительнаго успѣха; ибо въ ту же самую минуту мы несомнѣнно увидимъ всю Европу, съ оружіемъ въ рукахъ объединившуюся противъ угрозы абсолютной гегемоніи Германіи, и мы потеряемъ плоды своей побѣды.

Тѣмъ не менѣе одно изъ двухъ: или англійскіе руководящіе политики серьезно вѣрили въ такую невѣроятную и непонятную вещь, какъ агрессивные планы Германіи, или же Англіи представлялась невыносимой самая возможность того, что въ будущемъ нѣмецкая міровая политика можетъ преслѣдовать свои интересы, опи-

раясь на багдадскую дорогу Египетъ господствуетъ надъ Суэцкимъ каналомъ, а черезъ Суэцкій каналъ пролегаетъ англійскій путь въ Индію, восточную Азію, Австралію и восточную Африку. Если когда-либо Англія потеряетъ господство надъ каналомъ, то она сможетъ поддерживать свои сношенія съ областями, входящими въ сферу ея владычества и интересовъ въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ, только далекимъ и труднымъ путемъ вокругъ мыса Доброй Надежды. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы положеніе Англіи, какъ разъ въ Индіи, было бы сильно поколеблено, но и помимо того Южная Африка уже не представляетъ изъ себя прочнаго англійскаго владѣнія. Правительство въ Южной Африкѣ составляютъ теперь говорящіе по-голландски туземцы, когда-то бывшіе бурами, для которыхъ однако это наименованіе чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе приложимо. Раньше, до южно-африканской войны положеніе дѣйствительно было таково, что африканскіе туземцы были большей частью бурами, то есть сельскимъ населеніемъ крестьянскаго типа. Если у бура было шесть сыновей и шесть дочерей, то эти шесть дочерей выходили замужъ за молодыхъ буровъ, фермеровъ, занимавшихся скотоводствомъ, а шесть сыновей въ свою очередь становились фермерами, иногда занимая еще свободныя земли на границахъ оккупированной области, иногда передѣляя между собой уже обработанную землю. Возможность такого дробленія земельной собственности поддерживалась ростомъ земельныхъ цѣнъ, все повышавшихся подъ вліяніемъ широкаго развитія горной промышленности. Однако уже ко времени великой южно-африканской войны положеніе вещей начало измѣняться, ибо подрастающее поколѣніе не находило полнаго приложенія своему труду въ фермерскомъ хозяйствѣ. Въ настоящее время молодые туземцы занимаются профессіями, бывшими прежде въ рукахъ пришлаго имперіалистически настроеннаго городского англійскаго населенія: торговлей и банковымъ дѣломъ, техническими и юридическими, вообще интеллигентными профессіями, а также занимаютъ правительственныя должности. Благодаря этому господство англійскаго элемента въ Южной Африкѣ теряетъ большую часть своего прежняго оправданія. То, что

послѣ пораженія буры получили обратно свое самоуправленіе, затѣмъ изъ различныхъ областей Южной Африки возникъ теперешній южно-африканскій союзъ, а въ настоящее время бывшіе буры занимаютъ въ немъ руководящее, даже господствующее положеніе, все это—только выраженіе отмѣченной внутренней перемѣны. Въ началѣ 1914 года, когда въ Южной Африкѣ разразилась большая политически-промышленная стачка, бурское правительство, во главѣ котораго стоялъ Луи Бота, бывшій бурскій генералъ въ войнѣ съ англичанами, быстро расправилось со стачечниками, и выслало ихъ руководителей и при этомъ въ Англію, хотя они такъ же, какъ номинально и буры, являлись англійскими подданными. Съ формальной стороны правительство обосновывало эту мѣру на англійскомъ законѣ, предоставляющемъ право высылать нетерпимыхъ въ странѣ иностранцевъ. Однако примѣненіе такого закона къ англичанамъ въ Южной Африкѣ все же представляетъ изъ себя довольно странно обоснованную мѣру, и тѣмъ не менѣе англійское правительство не имѣло возможности помѣшать ея осуществленью. Точно такъ же и всѣ вооруженныя силы Южной Африки за исключеніемъ сравнительно небольшого числа имперскихъ войскъ, еще расположенныхъ въ странѣ, находятся въ рукахъ и распоряженіи бурскаго правительства. Поэтому, если бы Южная Африка когда-либо захотѣла добиваться своей самостоятельности, то Англія теперь ни въ коемъ случаѣ не могла бы подчинить ее силой. Бурская война, въ томъ видѣ какъ она велась 15 лѣтъ назадъ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ повториться, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что земли между мысомъ Доброй Надежды и Замбези остаются въ союзѣ съ британской имперіей только благодаря доброму желанію и временнымъ практическимъ интересамъ голландскаго населенія Африки *).

*) Всѣ разсчеты на сепаратистскія стремленія южно-африканскихъ колоній, какъ извѣстно, рѣшительно не оправдались. Впрочемъ и самъ Рорбахъ готовъ признать, что англійская политика содѣйствовала укрѣпленію лояльности буровъ; въ другомъ мѣстѣ (стр. 76) онъ говоритъ: „чѣмъ независимѣе эти прежніе буры будутъ въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе будутъ они склонны оставаться на положеніи могущественнаго члена англійской міровой имперіи“. *Прим. перев.*

Такое положеніе вещей въ Южной Африкѣ естественно еще возвышаетъ для Англіи громадное значеніе Египта и объясняетъ нервность англійскаго отношенія къ этой области имперіи. Въ послѣдніе годы царствованія старой королевы Викторіи въ англійской политикѣ наблюдалась нѣкоторая задержка въ принятіи важныхъ рѣшеній, ибо руководящіе политическіе дѣятели совершенно такъ же, какъ въ настоящее время въ Австро-Венгріи, должны были считаться съ преклоннымъ возрастомъ монарха. Но какъ только, при вступленіи на престолъ Эдуарда VII въ началѣ 1901 года, этотъ моментъ былъ устраненъ, тотчасъ обнаружилось перемѣна въ англійской восточной политикѣ. Повидимому, въ первое время царствованія Эдуарда Англія колебалась между двумя путями: или путемъ союзнаго соглашенія удержать Германію отъ развитія ея политической системы въ опасномъ для Англіи направленіи, или парализовать его при помощи тѣхъ средствъ, которыя впослѣдствіи получили названіе «изоляціи Германіи». На первый планъ указываютъ попытка заключить англо-германо--японское соглашеніе, направленное противъ Россіи; въ томъ, что она имѣла мѣсто, не приходится сомнѣваться послѣ сдѣланныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разоблаченій изъ японскихъ источниковъ. Это предложеніе Германіей не было принято, да оно и не могло быть принято въ виду необходимости считаться съ Россіей и изъ опасенія, что въ случаѣ союза съ Англіей придется взять на себя ограничительныя обязательства на востокѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Германія должна была дать отрицательный отвѣтъ, прежде всего потому, что она была далеко еще не такъ сильна, чтобы вступить въ союзъ съ Англіей. Но въ виду ея отказа, Англія прямо вступила на тотъ путь, конечную цѣль котораго она несомнѣнно имѣла бы въ виду и при добровольномъ соглашеніи съ Германіей. А эта цѣль сводилась къ тому, чтобы отторгнуть отъ Турціи Аравію, земли по Тигру и Евфрату и южную Сирію и въ той или иной формѣ подчинить ее своему господству. Если Англія получитъ въ свои руки полный политическій контроль надъ всей этой областью отъ Персид-

скаго залива и до восточнаго побережья Средиземнаго моря, то она можетъ считать. Египетъ неприступнымъ даже въ случаѣ осуществленія багдадской дороги по теперешнему нѣмецко-турецкому плану. Конечно для Англіи было бы выгодно, если бы она имѣла возможность провести свою багдадскую дорогу, которая проектировалась въ противовѣсъ такъ называемой нѣмецкой линіи. Англійская багдадская дорога такъ же, какъ и германская, имѣла бы свою начальную или конечную восточную станцію въ Персидскомъ заливѣ, слѣдовательно на берегу тѣхъ водъ, которыя находятся подъ непосредственнымъ и дѣйствительнымъ англійскимъ контролемъ. Затѣмъ эта дорога пошла бы черезъ Багдадъ, но не въ верхнюю Мессопотамію и черезъ сирійскіе проходы въ Малую Азію, какъ германская, а была бы построена вдоль Евфрата до оазиса Пальмиры и оттуда черезъ Дамаскъ или какой-либо другой городъ къ Средиземному морю, гдѣ ея западная морская конечная станція была бы защищена съ фланговъ англійскими позиціями въ Египтѣ и на Кипрѣ.

Англія не могла желать для себя ничего болѣе отвѣчающаго англійскимъ интересамъ, чѣмъ этотъ желѣзнодорожный проектъ, выработанный извѣстымъ инженеромъ Вилькоксомъ. Сирія, Мессопотамія, Вавилонія, Аравія съ одной стороны вовлекались въ экономическій оборотъ, съ другой попадали подъ самый бдительный англійскій контроль; и наконецъ по прежнему не имѣли бы желѣзнодорожной связи съ Анатоліей и Константинополемъ, этими центрами военныхъ силъ и политической администраціи турецкой имперіи. Понятно, что англичане пытались дать этой «англофильской» багдадской дорогѣ серьезное хозяйственное обоснованіе. Только этимъ путемъ, говорили защитники проекта, будущіе продукты огромной орошенной области Вавилоніи могутъ доставляться по низкимъ провознымъ ставкамъ къ Средиземному морю; при нѣмецкомъ же проектѣ, какъ только товары пойдутъ морскимъ путемъ черезъ Персидскій заливъ и Суэцкій каналъ, перестанетъ окупаться болѣе дальняя багдадская дорога. Повидимому, эти аргументы звучатъ убѣдительно. На самомъ же дѣлѣ они ошибочны, ибо дорога, проектиро-

ванная англичанами, большею частью проходитъ по безводной пустынѣ, нѣмецко-турецкая линія напротивъ пролегаетъ черезъ обработанныя земли или черезъ такія, которыя въ высшей степени доступны для культуры; поэтому врядъ ли она нуждается въ установленіи болѣе высокихъ ставокъ прямого тарифа между Багдадомъ и Средиземнымъ моремъ, чѣмъ при осуществленіи теперь уже упраздненнаго англійскаго проекта; а мы вѣроятно должны были бы примкнуть къ послѣднему, если бы раньше пошли на предложеніе короля Эдуарда и послѣ бурской войны совмѣстно съ Японіей вступили бы въ союзъ съ Англіей.

Тотъ же самый выдающійся инженеръ, который выдвинулъ англійскій планъ багдадской дороги, Вилькоксъ, приблизительно въ то время, когда корона Англіи перешла отъ королевы Викторіи къ королю Эдуарду, въ крайне интересномъ публичномъ выступленіи изложилъ цѣли, которыя должна преслѣдовать англійская политика въ отношеніи обширной промежуточной области, расположенной къ востоку отъ Египта, отъ Ливана до устья Евфрата и Тигра. Въ докладѣ, представленномъ зимой 1900—1901 года географическому обществу въ Каирѣ, Вилькоксъ утверждалъ, что не только древняя хозяйственная культура Вавилоніи должна быть возстановлена исключительно при помощи англійскаго капитала, при содѣйствіи англійскихъ инженеровъ и на основаніи тѣхъ предварительныхъ изысканій, которыя уже производятся подъ руководствомъ офицеровъ англо-индійскаго межевого корпуса, но и что заселеніе вновь пріобрѣтенной земли должно производиться англійскими подданными, переселенцами изъ Египта и Индіи. Въ этомъ предложеніи Вилькоксъ обнаруживалъ ясное пониманіе того, въ чемъ состоитъ дѣйствительная трудность задачи, ибо несомнѣнно легче построить систему плотинъ, каналовъ и шлюзовъ, при помощи которой Вавилонія можетъ быть сдѣлана такой же плодотворной, какой она была въ древности, а отчасти и во времена арабовъ, чѣмъ привлечь сюда милліоны людей, необходимыхъ для обработки всей вновь пріобрѣтенной земли. Однако, какъ только мы слышимъ, что изъ пограничныхъ областей

Британской имперіи будетъ организована грандіозная эмиграція въ багдадскую область, мы естественно тотчасъ убѣждаемся въ существованіи связанныхъ съ этимъ политическихъ плановъ, ибо нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что англійскіе подданные, переселившіеся въ Вавилонію, перейдутъ въ турецкое подданство. Не довольствуясь тѣмъ, что этотъ колонизаціонный планъ съ самаго начала открывалъ политическій характеръ англійскихъ намѣреній, Вилькоксъ очень выразительно придалъ своей идеѣ значеніе антинѣмецкаго политическаго выступленія, поставивъ щекотливый вопросъ о томъ, будетъ ли большой каналъ, орошающій земли вокругъ Багдада, называться каналомъ императора Индіи или императора Германіи?

Болѣе ясно высказать англійскую точку зрѣнія было невозможно и поэтому почти одновременное выступленіе тогдашняго вице-короля Индіи, лорда Керзона, только подтвердило высказанное Вилькоксомъ положеніе. Въ рѣчи, обращенной къ индійскому совѣту, онъ настойчиво подчеркнулъ, что время не терпитъ и Англія должна вспомнить о стоящей передъ ней политической необходимости: закрѣпить за собой, въ качествѣ области своего особеннаго вліянія, весь «средній Востокъ», то есть всѣ земли между обоими проходами въ Индійскій океанъ при Суэцѣ и при Сингапурѣ,—Индію и сосѣднія страны, Аравію, Персію, Персидскій заливъ и все, что лежитъ отъ него къ западу по направленію къ Средиземному морю.

Англійская идея созданія протектората надъ областями, расположенными около Багдада и вдоль англійской багдадской дороги, должна разсматриваться въ связи съ общимъ измѣненіемъ восточной политики Англіи. Съ того времени, какъ Англія перестала видѣть въ Турціи преграду русскому движенію на Востокъ, а стала смотрѣть на нее, какъ на пѣшку въ политической игрѣ Германіи, для нея уже не представляло интереса сохраненіе неприкосновенности Турціи, въ пользу которой она рѣшительно выступала еще на берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 году. На мѣсто идеи неприкосновенности Турціи на первый планъ выступаетъ теперь новая идея: созданіе подъ англійскимъ протекторатомъ великаго магометанскаго госу-

дарства, во главѣ котораго сталъ бы не турецкій, а арабскій элементъ. Турки и безъ того не пользуются любовью въ арабскихъ областяхъ имперіи; уже пятнадцать лѣтъ назадъ въ Багдадѣ и Дамаскѣ можно было слышать рѣчи о чужеземномъ господствѣ турецкихъ варваровъ. Если бы Турція потеряла эти области, то турецкій султанъ не могъ бы сохранить свое положеніе халифа, то есть духовнаго вождя всѣхъ правовѣрныхъ. Въ этомъ случаѣ было бы наиболѣе послѣдовательно, чтобы халифомъ сдѣлался князь самой обширной «арабской» области, а именно египетскій хедивъ. А послѣдній является англійскимъ вассаломъ, что естественно должно содѣйствовать цѣлямъ англійской политики. Англія могла бы тогда приступить къ фактическому объединенію всѣхъ арабскихъ земель, находящихся въ настоящее время подъ дяйствительнымъ или номинальнымъ господствомъ Турціи. Багдадъ, Мекка, Іерусалимъ, Каиръ, можетъ быть, даже Дамаскъ стали бы городами въ новой имперіи египетскаго и арабскаго халифа, находящагося подъ опекой Англіи. Насколько возросла бы прочность англійскаго положенія въ мусульманскихъ странахъ въ особенности въ Индіи уже въ силу того, что городъ Мекка попалъ бы подъ англійскій протекторатъ!

Мы врядъ ли ошибемся, если будемъ разсматривать эти идеи, какъ послѣднія цѣли англійской политики, которая со времени вступленія на престолъ короля Эдуарда въ теченіе цѣлаго десятилѣтія была занята тѣмъ, чтобы создать полную изоляцію Германіи, послѣ того какъ ей не удалось обезвредить Германію путемъ заключенія съ нею союза. Англійскій король долженъ былъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что желательная для Англіи ампутація турецкаго политическаго тѣла можетъ удасться лишь послѣ того, какъ будутъ сломлены оппозиція, а можетъ быть, и фактическое сопротивленіе Германіи, ибо послѣ сказаннаго не требуетъ особыхъ поясненій, что исчезновеніе Турціи съ политическаго горизонта нанесло бы чувствительный ударъ тѣмъ средствамъ, которыми располагаетъ Германія для защиты своихъ политическихъ интересовъ. Слѣдовательно съ точки зрѣнія англійской политики необхо-

димо было создать такую сильную политическую комбинацію, чтобы Германія или вовсе нерѣшилась бы оказывать сопротивленіе или, рѣшившись на него, была бы разбита.

Обѣ державы, съ которыми приходилось въ первую очередь считаться Англіи, были Россія и Франція. Россія, представлявшаяся въ то время достаточно сильной, повидимому, проявила мало желанія служить только пособницей англійской политики по ликвидаціи турецкаго владычества за узкими предѣлами малоазіатскаго полуострова, и въ то же время не добиться полнаго признанія своихъ историческихъ задачъ на Востокѣ. Союзъ, заключенный между Англіей и Японіей, и послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ объявленіе Японіей войны Россіи имѣли въ виду заставить Россію сдѣлаться болѣе уступчивой по отношенію къ англійской восточной политикѣ. Японская война осуществила это желаніе Англіи и въ достаточной степени уменьшила и русскія силы и русскія притязанія, правда, настолько основательно, что впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, въ самый рѣшающій моментъ желанное средство дало противоположный эффектъ. Черезъ два года послѣ русско-японскаго мира, въ 1907 году, былъ заключенъ русско-англійскій договоръ о Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ. Въ опубликованныхъ статьяхъ этого договора рѣчь идетъ только о разграниченіи сферъ вліянія въ Центральной Азіи и о раздѣленіи Персіи на русскую, англійскую и условно нейтральную зоны, но и помимо того договоръ предвидѣлъ возможность разрѣшенія турецкаго вопроса въ соотвѣтствіи съ англійскими планами, предоставляя при томъ Россіи принять участіе въ дѣлежѣ.

Тѣмъ временемъ Англія уладила свои недоразумѣнія также и съ Франціей, предоставивъ французамъ право пріобрѣсти въ будущемъ Марокко. Въ качествѣ компенсаціи за эту чрезвычайно важную уступку оффиціально было выставлено признаніе со стороны Франціи англійскихъ правъ на Египетъ. Однако для каждаго внимательнаго наблюдателя было ясно, что пріобрѣтеніе Марокко имѣло для Франціи съ положительной стороны гораздо большее значеніе, чѣмъ простой отказъ отъ давно оставленныхъ притязаній на Египетъ. Очевидно въ основѣ лежало

нѣчто болѣе значительное чѣмъ простое и само по себѣ невѣроятное уравненіе Египетъ—Марокко. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Франція не только дала Англіи практически мало существенное завѣреніе о своемъ отказѣ отъ какихъ-либо интересовъ въ Египтѣ, но и выразила свое полное согласіе на поддержку временныхъ задачъ англійской политики на Востокѣ.

Однако уже эти первые англо-французскіе переговоры о Марокко вызвали конфликтъ съ Германіей. Германская политика не могла быть настолько наивной, чтобы повѣрить тому, что за соглашеніемъ о Марокко не скрывается ничего другого, кромѣ показной вывѣски съ надписью «Египетъ», а такъ какъ не трудно было догадаться, что за этимъ скрывается, то мы ни въ коемъ случаѣ не могли разыгрывать изъ себя роль искусственно незаинтересованныхъ зрителей марокканскаго соглашенія. Къ тому же еще Франція и Англія заключили соглашеніе о Марокко самостоятельно, не доведя объ этомъ до свѣдѣнія германскаго правительства, не сохранивъ даже видимости того, что они хотятъ считаться съ нами въ политическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ. Поэтому для того чтобы избѣжать опаснаго и соблазнительнаго умаленія нашего международнаго престижа, намъ, несмотря на критическое положеніе вещей, не оставалось ничего другого, какъ настоять на томъ, чтобы вопросъ о Марокко былъ бы во всѣхъ его частяхъ подвергнутъ новому обсужденію и окончательно рѣшенъ при нашемъ участіи.

Такъ какъ не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, что Германія, потребовавшая созыва европейской конференціи о Марокко, не удовлетворится тѣмъ, чтобы санкціонировать уже совершившіяся событія, а выступитъ съ собственными требованіями, то понятно то сопротивленіе, которое идея конференціи встрѣтила у противной стороны, а именно у французовъ. Нѣмецкія требованія сводились къ тому, чтобы Англія и Франція представили текстъ заключеннаго между ними договора о Марокко на судъ конференціи и согласились бы на то, чтобы договоръ былъ пересмотрѣнъ, а въ случаѣ необходимости совершенно отмѣненъ, и составленъ заново и въ своемъ новомъ видѣ учелъ бы инте-

ресы обиженнаго противника. Самый тотъ фактъ, что при такихъ условіяхъ Франція согласилась на созывъ Алжезираской конференціи, долженъ во всякомъ случаѣ разсматриваться, не только какъ формальное удовлетвореніе Германіи, но и какъ удовлетвореніе ея по существу.

Какъ извѣстно, французская оппозиція была настолько сильна что тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Делькассе, готовъ былъ лѣтомъ 1905 года скорѣе довести дѣло до войны, чѣмъ уступить. Большинство его коллегъ по кабинету воспротивилось этому во-первыхъ въ виду затрудненій Россіи, являвшихся слѣдствіемъ войны съ Японіей, во-вторыхъ въ силу неподготовленности французской арміи вопреки всѣмъ принятымъ мѣрамъ. Поэтому результаты Алжезирасской конференціи свелись къ тому, что съ одной стороны была провозглашена независимость и цѣлость Марокко, а съ другой признаны извѣстные спеціальные интересы и права Франціи и Испаніи. Добиться полнаго отступленія французовъ изъ Морокко мы, конечно, не могли, если не имѣли серьезнаго намѣренія начать изъ-за него войну, а объ этомъ никто не могъ думать серьезно. Во всякомъ случаѣ въ марокканскомъ вопросѣ мы добились необходимаго для насъ удовлетворенія. Однако было ясно, что на этой конференціи не было сказано еще послѣднее слово ни о Марокко ни о всемъ томъ, что привело насъ и нашихъ противниковъ въ Алжезирасъ. Съ формальной стороны наряду съ вопросомъ нѣмецкаго престижа должны были быть выдвинуты наши торговые интересы въ Марокко, а также подчеркнута та особая позиція, которую мы занимаемъ по отношенію къ мусульманскому міру, ибо конечно ни въ коемъ случаѣ не представлялось возможнымъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи и всей Европы освѣщать закулисную сторону марокканскаго вопроса во всей его опасности для будущаго какъ Германіи такъ и европейскаго мира. Посвященнымъ политикамъ было ясно, что добившись созыва алжезирасской конференціи и вынудивъ французовъ отступить съ выставленной ими и отчасти уже занятой позиціи, мы добились не окончательнаго а только предварительнаго результата, который не имѣлъ рѣ-

шающаго значенія для устраненія наличныхъ принципіальныхъ разногласій *).

Всѣ мѣропріятія англійской политики были направлены къ тому, чтобы въ ближайшіе годы послѣ окончанія русско-японской войны нанести рѣшительный ударъ на турецкомъ востокѣ. Для этой цѣли было намѣчено и особое средство для оказанія давленья на Германію: дрэдноты. Основная идея этого новаго и могущественнаго типа боевыхъ судовъ была такова. До этого времени тяжелое вооруженіе линейныхъ кораблей состояло изъ четырехъ орудій большого калибра, находившихся во вращающихся бронированныхъ башняхъ, кромѣ того изъ болѣе или менѣе многочисленной артиллеріи средняго калибра, которая также была разсчитана на значителынья пораженія корпуса непріятельскаго судна, но дальнобойность которыой была меньше, чѣмъ самыхъ тяжелыхъ орудій. Первые дрэдноты, построенные Англіей, вовсе были лишены артиллеріи средняго калибра, но зато были снабжены не четырьмя а двѣнадцатью башенными орудіями. Вмѣстѣ съ этимъ дрэдноты развивали нѣсколько большую скорость по сравненію съ старыми линейными кораблями. Цѣль была ясна. Дрэдноты, пользуясь своимъ преимуществомъ въ ходѣ, могли вести сраженіе на такомъ разстояніи, которое затрудняло дѣйствіе непріятельской артиллеріи средняго калибра или дѣлало его совсѣмъ невозможнымъ, а четыремъ непріятельскимъ орудіямъ они могли противопоставить двѣнадцать. Преимущества дрэднотовъ были настолько велики, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ судно новаго типа могло разсматриваться, какъ равное или почти

*) Авторъ въ данномъ случаѣ сознательно или безсознательно умалчиваетъ о томъ дипломатическомъ пораженіи, которое потерпѣла въ Алжезирасѣ германская политика. Даже дружественныя Германіи Италія и Соединенные Штаты признали ея предложенія непріемлемыми. Президентъ Рузвельтъ заявилъ объ этомъ открыто въ отвѣтной телеграммѣ германскому императору (4 марта 1906 года). Кромѣ того рѣзкое выступленіе Германіи въ марокканскомъ вопросѣ совершенно очевидно подготовило англо-русское соглашеніе 1907 года. (Ср. ниже сужденія Руэдорфера о вліяніи марокканскаго вопроса на созданіе анти-германской коалиціи стр. 81). *Прим. перев.*

равное по силѣ тремъ старымъ броненосцамъ. Для того, чтобы эта политика устрашенія при помощи дрэднотовъ, оказалось удачной, было, конечно, необходимо, чтобы окончательное разрѣшеніе англо-нѣмецкаго соперничества, въ видѣ ли вынужденной уступки Германіи или ея военнаго пораженія, было достигнуто прежде, чѣмъ Германія успѣетъ воспользоваться новымъ типомъ военнаго судна. Будь это осуществлено въ большихъ размѣрахъ, это повело бы не къ увеличенію, а къ ослабленью англійскаго перевѣса на морѣ, ибо благодаря дрэднотамъ военные корабли старой постройки были бы одинаково обезцѣнены для обѣихъ сторонъ, и Германія въ этомъ случаѣ значительно легче могла бы догнать Англію, чѣмъ при прежнемъ уже сложившемся четверномъ или тройномъ перевѣсѣ англійскихъ морскихъ силъ.

Однако на этотъ счетъ въ Англіи сравнительно мало безпокоились. Повидимому, отвѣтственные военно-морскіе инженеры и руководящіе политики твердо полагалась на то, что въ случаѣ отсрочки окончательнаго политическаго или военнаго рѣшенія, Германія съ технической и финансовой стороны не будетъ въ состояніи въ свою очередь перейти къ постройкѣ дрэднотовъ. Эта слишкомъ низкая оцѣнка противника должна въ политическомъ отношеніи еще дорого обойтись англичанамъ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ разсчетъ изолировать Германію вкрались и другія ошибки.

IV.

ОБОСТРЕНІЕ И СМЯГЧЕНІЕ ОТНОШЕНІЙ СЪ АНГЛІЕЙ.

При всѣхъ комбинаціяхъ важнымъ факторомъ въ англійскихъ разсчетахъ являлась Россія. Безъ ея согласія Англія не могла добиться ликвидаціи Турціи въ желательномъ для нея смыслѣ, то есть ограниченія турецкаго владычества главнымъ образомъ малоазіатскимъ полуостровомъ. Россія, какъ мы видѣли, въ эпоху высшаго подъема своего международнаго значенія, непосредственно передъ войной съ Японіей, ни въ коемъ случаѣ не была склонна вступать въ соглашенія по вопросамъ Ближняго Востока, оставаясь въ роли простой помощницы Англіи. Этимъ была обусловлена та помощь, которую Японія въ войнѣ съ Россіей получила со стороны Англіи и безъ которой она вообще не могла бы вести борьбы; отсюда вытекало также и упомянутое выше соглашеніе Англіи съ Россіей по вопросамъ центральной Азіи, Персіи и Азіатской Турціи. На долю Россіи естественно должны были достаться Арменія и примыкающія къ ней части Малой Азіи. Какъ далеко въ дѣйствительно простирались русскія ожиданія, можно заключить изъ заявленія одного высокопоставленнаго русскаго лица. Это заявленіе, ставшее извѣстнымъ вскорѣ по заключеніи русско-англійскаго договора, предсказывало, что въ ближайшіе годы русская политика проявитъ особую дѣятельность въ области малоазіатскаго сирійскаго побережья Средиземнаго моря, у залива Александретты. Такимъ образомъ Россія имѣла въ виду ни болѣе ни менѣе, какъ выйти черезъ Арменію прямо къ Средиземному морю [1]). Конечно

[1]) Читатель долженъ имѣть въ виду, что это заявленіе неизвѣст-

остается подъ большимъ вопросомъ, простирались ли такъ далеко англійскія обѣщанія Россіи въ случаѣ удачнаго разрѣшенія турецкаго кризиса; это кажется скорѣе невѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ по ту сторону малоазіатскаго Тавра отъ нѣмецкаго вліянія, нѣмецкихъ интересовъ, желѣзнодорожныхъ линій и всего прочаго ничего бы не осталось.

Въ 1907 году англо-русскій договоръ былъ заключенъ, и въ слѣдующимъ году можно было ожидать рѣшительныхъ событій. Въ іюнѣ 1908 года между королемъ Эдуардомъ VII и русскимъ Императоромъ состоялось свиданіе на ревельскомъ рейдѣ. Полтора мѣсяца спустя послѣ этого, въ концѣ іюля, послѣдовало посѣщеніе Царя президентомъ республики. Между тѣмъ въ Константинополѣ разразилась младо-турецкая революція и отношенія на Востокѣ временно совершенно измѣнились. Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, какъ велики были во всей Европѣ лѣтомъ 1908 года не только страхъ передъ войною, но и фактическая опасность ея. Конечно, и поѣздка французскаго президента въ Россію была подготовлена задолго до того, и никто не могъ предвидѣть, что за нѣсколько дней передъ этимъ на берегахъ Босфора произойдетъ великій переворотъ. Ближайшей цѣлью англо-русскихъ и франко-русскихъ переговоровъ въ Ревелѣ служилъ вопросъ о выступленіи державъ въ Македоніи. Вопросъ о македонской реформѣ въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ самый трудный пунктъ внутреннихъ турецкихъ отношеній и одновременно являлся наиболѣе удобнымъ предлогомъ для вмѣшательства иностранныхъ державъ. Представители германской политики были, конечно, хорошо освѣдомлены о готовящихся событіяхъ, и въ настоящее время ни для кого не составляетъ тайны, что германскія морскія силы такъ же, какъ и флотъ остальныхъ державъ, находились въ то время въ положеніи непосредственной боевой готовности.

наго лица другому неизвѣстному лицу далѣе кладется авторомъ въ основу оцѣнки русской политики на ближнемъ Азіатскомъ Востокѣ.

Прим. пер.

Англо-русско-французскія требованія къ Турціи по вопросу о Македоніи, вѣроятно, были бы по своему содержанію непріемлемы для султана. Въ отвѣтъ на отказъ Турціи принять эти требованія могли бы послѣдовать рѣшительныя дѣйствія какъ со стороны Россіи, такъ и со стороны Англіи и Франціи. Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, державы согласія, и прежде всего Англія, получили бы дѣйствительный контроль надъ областями своихъ интересовъ и притязаній. Передъ Германіей сталъ бы тогда вопросъ о войнѣ или мирѣ. Можно питать полную увѣренность въ томъ, что самъ руководитель этой политики изоляціи Германіи, король Эдуардъ, имѣлъ въ виду не столько довести дѣло до войны, сколько заставить Германію сдаться безъ боя; болѣе того, достаточно извѣстно, что онъ опредѣленно расчитывалъ на то, что глава Германіи не найдетъ въ себѣ достаточно рѣшимости для того, чтобы начать войну. Но вотъ наступила младо-турецкая революція, и она явилась для англичанъ основаніемъ не ускорять насильственнаго рѣшенія восточнаго кризиса. Именно въ первый моментъ казалось, вполнѣ возможнымъ, что младотурки могутъ быть отвлечены отъ близости съ Германіей и направлены по фарватеру англійской политики. Среди младотурецкихъ либераловъ различныхъ оттѣнковъ господствовало убѣжденіе, что Германія всѣми силами поддерживала тиранническое правленіе стараго султана Абдулъ-Гамида и что поэтому новой либеральной эпохѣ угрожаетъ враждебное отношеніе именно съ нѣмецкой стороны. Эта идея усиленно поддерживалась вліяніемъ англійской и французской печати въ Константинополѣ. Младотурецкій либерализмъ въ первое время своего существованія проявлялъ исключительно восторженное отношеніе къ Англіи. Англія—родоначальница свободы, англійское народное представительство—мать парламентовъ, вотъ тѣ лозунги, которые можно было ежедневно читать въ газетахъ. Если бы при помощи этихъ вліяній удалось разрушить связь между Турціей и германской политикой и поставить младотурецкое правительство подъ такой моральный и политическій протекторатъ Англіи, въ какомъ молодая

Италія временно находилась по отношенію къ Наполеоновской Франціи, то, быть можетъ, англійская политика выиграла бы больше, чѣмъ при прямомъ соглашеніи съ Россіей и Франціей.

Естественная логика событій скоро заставила младотурецкій комитетъ стремиться къ возстановленію прежнихъ отношеній съ Германіей; однако кризисъ и, повидимому, неожиданно приблизился съ другой стороны. 5-го октября 1908 года былъ провозглашенъ австро-венгерскій суверенитетъ надъ Босніей. Хотя это нисколько не измѣняло фактическаго положенія вещей, ибо Боснія уже въ теченіе тридцати лѣтъ находилась подъ австрійскимъ владычествомъ и управленіемъ, тѣмъ не менѣе результатомъ аннексіи явилось сильнѣйшее возбужденіе въ Сербіи, подстрекаемой противъ Австро-Венгріи Россіей. Россія послѣ несчастной японской войны дѣлала первую попытку вмѣшаться въ балканскія дѣла и уже задолго до этого обезпечила себѣ содѣйствіе Италіи. Итальянская политика, послѣ неуспѣховъ въ Тунисѣ и Абиссиніи, а отчасти благодаря женитьбѣ теперешняго короля на черногорской принцессѣ обратила свои взоры на балканскій полуостровъ, а общественное мнѣніе Италіи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, воспламенялось цѣлью захватить часть восточнаго берега Адріатическаго моря. Это подвергало бы опасности жизненные интересы Австро-Венгріи, которая не могла допустить укрѣпленія Италіи на обоихъ берегахъ Отрантскаго залива, что лишало бы Австро-Венгрію обезпеченнаго выхода изъ Адріатики. Напротивъ, надежда получить Албанію являлась той особенной и дѣйствительной приманкой, которая могла отколоть Италію отъ тройственнаго союза и привлечь ее въ группу державъ тройственнаго согласія, враждебно настроенныхъ по отношенію къ Германіи. Съ особенной энергіей эта цѣль преслѣдовалась русской дипломатіей. Россія, очевидно, надѣялась, благодаря совмѣстному выступленію съ Италіей, добиться для себя особыхъ выгодъ при ликвидаціи турецкаго вопроса. Въ началѣ 1909-го года положеніе вещей въ этомъ отношеніи оставалось еще въ высшей степени критическимъ. Позиція, занятая Сербіей, заставила Австро-Венгрію произвести частичную, до-

вольно широкую мобилизацію; русская политика заняла такое положеніе, которое говорило о полной готовности къ войнѣ, а русская печать и безотвѣтственныя панславистскія органазаціи самымъ опаснымъ образомъ играли съ огнемъ.

Такая перспектива—вызвать ради разрѣшенія кризиса общеевропейскую войну—вовсе не отвѣчала цѣлямъ англійской политики. Однако война была бы почти неизбѣжна, если бы между Австро-Венгріей и Сербіей, за которой стояла Россія, дѣло дошло до вооруженнаго конфликта. Франція въ финансовомъ отношеніи была сильно заинтересована въ Турціи и въ балканскихъ государствахъ, но помимо всего другого, французскій флотъ находился въ состояніи полной боевой непригодности вслѣдствіе плохого качества пороха. Главная же причина заключалась въ томъ, что Россія была еще совершенно не въ состояніи выступить въ походъ. Русскія вооруженныя силы со времени войны съ Японіей и революціи были такъ мало возстановлены, что участіе Россіи въ великой европейской войнѣ не давало надежды на успѣхъ. Вся политическая агитація, которая стремилась поднять духъ Сербіи и выступала съ угрожающимъ видомъ по отношенію къ Германіи и Австріи, была разсчитана только на запугиваніе и должна была тотчасъ же примолкнуть, какъ только 20-го марта Германія заявила въ Петроградѣ, что она намѣрена предоставить австро-венгерскому правительству полнѣйшую самостоятельность въ дальнѣйшемъ разрѣшеніи боснійскаго вопроса, а въ случаѣ необходимости готова выступить со всѣми вооруженными силами имперіи на поддержку жизненныхъ интересовъ своего союзника. Послѣ этого стало очевиднымъ, что вся русская шумная агитація потерпѣла неудачу и, что было важнѣе съ точки зрѣнія какъ русскихъ интересовъ, такъ и въ интересахъ англійской политики изоляціи Германіи, передъ всѣмъ свѣтомъ ясно обнаружилось, что у Россіи еще нѣтъ военной опоры для ея политическихъ выступленій.

Однако для будущаго представляло опасность то обстоятельство, что въ русскихъ политическихъ кругахъ сложилось опредѣленное убѣжденіе, будто уступчивость въ боснійскомъ

вопросѣ была вызвана личнымъ письмомъ императора Вильгельма къ Царю, написаннымъ въ угрожающемъ тонѣ. Это мнимое рѣзкое давленіе германской политики на Россію, начиная съ весны 1909 года явилось въ Россіи источникомъ враждебнаго къ Германіи политическаго настроенія. Съ этого времени прямая враждебность къ Германіи проникла въ широкіе круги русскаго общества и стала особенно острой. Нельзя забывать, что соглашеніе съ Англіей 1907 года означало собой для русской политики возвратъ къ вѣковой задачѣ: достиженію Средиземнаго моря. Осуществленіе этой цѣли и въ настоящее время съ полной опредѣленностью и энергіей преслѣдуется какъ правительствомъ, такъ и политически сознательной частью общественнаго мнѣнія Россіи. Понятно, что она можетъ быть достигнута только послѣ распаденія Турціи. Русскіе не могутъ поэтому понять той необходимости, которая заставляетъ Германію поддерживать Турцію; и въ самомъ дѣлѣ чужая нація, живо преисполненная своими собственными надеждами и желаніями, только съ трудомъ можетъ представить себѣ всю внутреннюю необходимость нѣмецкой восточной политики. Какъ бы то ни было, налицо имѣется тотъ фактъ, что живущее во всемъ русскомъ народѣ страстное стремленіе во что бы то ни стало достичь выхода къ Средиземному морю сталкивается съ жизненнымъ интересомъ Германіи, который сводится къ тому, чтобы и на будущее время сохранить Турцію въ качествѣ политически самостоятельнаго фактора; этотъ послѣдній фактъ имѣетъ громадное значеніе для оцѣнки всего современнаго политическаго положенія.

Все положеніе вещей ведетъ къ тому, что Турція, со всѣхъ сторонъ окруженная завистливыми сосѣдями, находитъ поддержку у той державы, которая меньше всѣхъ имѣетъ какія-либо территоріальныя притязанія на Востокѣ. И такая держава—Германія. При исчезновеніи Турціи съ политической карты мы въ свою очередь понесли бы значительный ущербъ. Если Россія и Англія являются главными наслѣдниками Турціи, то совершенно ясно, что послѣ раздѣла онѣ значительно усилятся въ политическомъ отношеніи. Но даже въ томъ случаѣ,

если при раздѣлѣ Турціи на нашу долю выпадетъ значительная часть турецкой территоріи, для насъ возникнутъ безконечныя трудности. Россія и Англія, а въ извѣстномъ отношеніи Франція и Италія, являются сосѣдями теперешнихъ турецкихъ владѣній, и онѣ смогутъ или сухопутнымъ, или морскимъ путемъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ занять свою часть турецкой территоріи и защитить ее. Мы, напротивъ, отрѣзаны отъ всякаго прямого сообщенія съ Востокомъ. На сухопутномъ пути между нами и Турціей находится не только Австро-Венгрія, но и Румынія и Болгарія, а морской путь къ берегамъ Малой Азіи и Сиріи лежитъ для насъ вокругъ всей Европы, черезъ Гибралтаръ и другіе англо-французскіе проходы Средиземнаго моря. При современныхъ политическихъ условіяхъ сохраненіе за Германіей какой-либо области ея непосредственныхъ владѣній на Востокѣ легло бы на насъ тяжестью почти невыполнимой задачи. Малая Азія и Месопотамія только въ томъ случаѣ могли бы дѣйствительно стать нѣмецкими, если бы до этого, по крайней мѣрѣ, Россія и вмѣстѣ съ нею и Франція были бы вынуждены отказаться отъ своихъ теперешнихъ политическихъ цѣлей и идеаловъ, то есть, другими словами если бы возникшая міровая война получила бы рѣшительный и благопріятный для Германіи исходъ. Однако, отвѣтственные германскіе политики въ настоящее время ни въ коемъ случаѣ не могутъ серьезно считаться съ такого рода перспективой. Такова наша точка зрѣнія въ восточномъ вопросѣ. Русская же—является попросту выраженіемъ достигшихъ крайняго возбужденія національныхъ страстей, но онѣ совпадаютъ съ дѣловой программой правительства, поставившаго себѣ ту же цѣль. Сами собой напрашиваются выводы, вытекающіе отсюда для общаго характера политическаго положенія; о нихъ намъ еще придется говорить болѣе подробно.

Вслѣдствіе младо-турецкой революціи, и спустя годъ въ виду военной неподготовленности Россіи послѣ японскаго пораженія, англійская политика изоляціи Германіи по ея первоначальному смыслу и первоначальнымъ задачамъ потерпѣла крушеніе. Эти цѣли, какъ мы видѣли, можно было бы

формулировать слѣдующимъ образомъ: благодаря совмѣстнымъ политическимъ выступленіямъ Англіи, Россіи и Франціи, а также благодаря быстрому созданію значительнаго превосходства Англіи на морѣ при помощи постройки первыхъ дрэднотовъ, Германія должна была быть вынуждена фактически, а можетъ быть только психологически, немедленно или постепенно примириться съ англійской программой въ восточномъ вопросѣ, то есть съ пріобрѣтеніемъ Англіей всей арабо-месопотамской области, расположенной передъ Египтомъ отъ Средиземнаго моря и до Персидскаго залива, съ созданіемъ арабскаго халифата подъ протекторатомъ Англіи и, наконецъ, съ занятіемъ Россіей Арменіи и Малой Азіи. Пораженіе, понесенное въ этомъ случаѣ Германіей, было бы громадно. Его можно было бы сравнить только съ отступленіемъ Пруссіи послѣ Ольмюца, съ той, правда, разницей, что, вѣроятно, уже не оказалось бы болѣе случая вновь исправить послѣдствія нанесеннаго удара. Быть можетъ, позволено будетъ сказать, что смерть короля Эдуарда VII, послѣдовавшая черезъ годъ послѣ этого, въ маѣ 1910 года, явилась случайнымъ или ниспосланнымъ судьбой подтвержденіемъ того, что политика, начатая этимъ правителемъ со дня вступленія его на престолъ, потерпѣла крушеніе. Со смертью Эдуарда отношенія между державами и именно между Германіей и Англіей, въ принципѣ, правда, не измѣняются, но съ англійской стороны исчезаетъ неопредѣленный, хотя и вліятельный факторъ: воля государя, соединенная съ исключительнымъ дарованіемъ, перестала сознательно работать надъ развитіемъ политическихъ отношеній въ направленіи, враждебномъ къ Германіи.

Съ этого времени началъ оказывать свое вліяніе уже упомянутый выше моментъ, который долженъ былъ улучшить положеніе Германіи въ ея отношеніи къ Англіи: а именно уже сказались послѣдствія постройки дрэднотовъ. До этого Англія обладала безусловнымъ многократнымъ превосходствомъ надъ германскимъ флотомъ. Для того, чтобы догнать ее въ этомъ отношеніи, съ нашей стороны потребовались бы невѣроятныя усилія, которымъ Англія въ свою очередь могла бы или противопоставить повышенныя затраты на флотъ или рѣшиться на борьбу, пока

она еще располагала безспорнымъ перевѣсомъ силъ. Однако, если бы одновременно съ постройкой первыхъ англійскихъ дрэднотовъ Германія въ свою очередь создала себѣ флотъ этихъ броненосцевъ-гигантовъ, то она могла бы по численности новаго флота гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, приблизиться къ Англіи, между тѣмъ какъ старыя суда для обѣихъ сторонъ въ сильной степени утратили бы свое значеніе, что, очевидно, было гораздо чувствительнѣе для Англіи, чѣмъ для Германіи. Съ одной стороны, англійская политика не могла предусмотрѣть турецкой революціи; когда же это событіе совершилось, то явилось сильное искушеніе привлечь турецкихъ политиковъ всецѣло на сторону Англіи. Съ другой стороны, въ англійскіе разсчеты не входило, что русское пораженіе въ войнѣ съ Японіей будетъ настолько значительнымъ, что его послѣдствія, въ связи съ полной потерей флота и вліяніемъ революціи, внесутъ такую дезорганизацію во все русское государство въ цѣломъ и въ русскую военную готовность въ частности. Японскій курсъ лѣченья былъ въ извѣстномъ смыслѣ предписанъ Россіи англичанами, но онъ оказалъ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ того требовали англійскіе интересы[1]). Въ-третьихъ, наконецъ, о чемъ намъ уже пришлось говорить, въ Англіи ошибочно полагали, что даже въ случаѣ отсрочки окончательнаго разрѣшенія турецкаго вопроса Германія не будетъ въ состояніи сразу усвоить себѣ новый типъ военныхъ судовъ и, кромѣ того, остановится передъ связанными съ нимъ издержками. Дѣло было не только въ томъ, что дрэдноты обходились вдвое дороже, чѣмъ прежніе линейные корабли, но и въ томъ, что они потребовали бы перестройки Кильскаго канала съ затратами въ сотни милліоновъ, да и кромѣ того значительныхъ жертвъ на перестройку и расширеніе многихъ военныхъ гаваней. Въ Англіи, гдѣ ложная оцѣнка внутреннихъ нѣмецкихъ отношеній

---

[1]) Авторъ, чрезвычайно преувеличивая роль Англіи при возникновеніи русско-японской войны, обходитъ полнымъ молчаніемъ вліяніе германской политики, которая въ этомъ случаѣ совершенно опредѣленно учитвала отвлеченіе Россіи отъ ея политическихъ задачъ въ Европѣ и на Ближнемъ Востокѣ. *Прим. перев.*

страннымъ образомъ распространена вплоть до руководящихъ отвѣтственныхъ политическихъ круговъ, не допускали мысли, что Германія сумѣетъ правильно оцѣнить положеніе и принести необходимыя жертвы.

Въ 1908 году, когда у насъ уже было принято рѣшеніе въ свою очередь перейти къ постройкѣ дрэднотовъ, но ни одинъ изъ нихъ еще не былъ спущенъ на воду, Англія уже обладала нѣкоторымъ числомъ кораблей новаго класса. Въ то время, съ точки зрѣнія взаимнаго соотношенія морскихъ военныхъ силъ, для Англіи былъ послѣдній благопріятный моментъ, когда она могла съ разсчетомъ на вѣрный и непосредственный успѣхъ напасть на германскія морскія силы. Вполнѣ понятно, что Англія не произвела такого нападенія, такъ какъ ей приходилось считаться и съ общими соображеніями и съ затрудненіями Россіи, которыя въ свою очередь должны были неблагопріятно отразиться на Франціи. Не такъ-то легко рѣшиться начать міровую войну, исходя только изъ тѣхъ соображеній, что впослѣдствіи придется считаться съ противниками въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Однако, по существу мы должны придти къ выводу, что англійская политика, отказавшись въ 1908—1909 годахъ отъ прямого выступленія, въ принципѣ сама нанесла ударъ абсолютному преобладанію Англіи на морѣ, на чемъ главнымъ образомъ держалась начатая и такъ долго преслѣдуемая политика изоляціи Германіи.

Успѣхи въ постройкѣ германскаго флота и не только въ отношеніи большихъ военныхъ судовъ, но также и торпедныхъ и подводныхъ лодокъ, сыграли свою роль два года спустя, когда снова опаснымъ образомъ обострился вопросъ о Марокко. На конференціи въ Алжезирасѣ Франція сдѣлала вынужденную уступку и согласилась на то, что Марокко должно остаться независимымъ государствомъ, а его территорія неприкосновенной. Но съ другой стороны въ заключеніяхъ конференціи Франція получила такія точки опоры, пользуясь которыми, она путемъ цѣлаго ряда мелкихъ незначительныхъ перемѣщеній, пріобрѣтала дѣйствительныя преимущества въ Марокко. Въ теченіе нѣкотораго времени французы были достаточно осто-

рожны, чтобы не предпринимать никакихъ значительныхъ шаговъ, которые могли бы дать Германіи очевидный поводъ для болѣе рѣзкихъ протестовъ. Эта умная со стороны французскаго правительства политика была нарушена слишкомъ нетерпѣливымъ и поспѣшнымъ походомъ цѣлой французской арміи на столицу Марокко. Этотъ шагъ былъ такимъ очевиднымъ нарушеніемъ алжезирасскаго договора, что давалъ намъ прямой поводъ къ самому активному протесту, который выразился въ посылкѣ маленькаго крейсера «Пантеры» въ южномарокканскій портъ Агадиръ.

Страннымъ образомъ, именно съ этого момента, въ части нѣмецкой печати значительно усиливается уже и ранѣе раздававшаяся рѣзкая критика нашей международной политики, которая, въ особенности въ вопросѣ о Марокко, съ самаго начала подвергалась рѣзкимъ нападкамъ. Вся наша марокканская политика, какъ мы видимъ, должна разсматриваться подъ угломъ зрѣнія англо-французскаго соглашенія и англійскихъ политическихъ задачъ на Востокѣ. Мы должны вспомнить, что Англія для обезпеченія своей позиціи въ Египтѣ преслѣдовала планъ захвата Аравіи и земель по Евфрату вплоть до Средиземнаго моря. Она стремилась при этомъ получить согласіе Франціи путемъ уступки французамъ Марокко. Поэтому, если бы мы въ свою очередь выступили въ Марокко съ широкими притязаніями и интересами, это вызвало бы одновременное энергичное сопротивленіе Франціи и Англіи, ибо подарокъ Франціи Марокко только въ томъ случаѣ могъ принести желательные для англійской политики результаты, если бы послѣдняя смогла обезпечить за французами желанныя для ихъ владѣнія. При такомъ положеніи вещей значительный успѣхъ Германіи заключался уже въ томъ, что ей заднимъ числомъ удалось поставить на судъ европейской конференціи частное англо-французское соглашеніе о Марокко и ограничить притязанія Франціи.

При этомъ всегда необходимо имѣть въ виду, что, считаясь съ неподготовленностью нашего флота, мы не могли безъ дѣйствительной нужды довести дѣло до крайняго обостренія, что естественно нашимъ противникамъ не могло быть неизвѣстно.

Вотъ почему, если со стороны такъ называемыхъ пангерманистовъ бросается упрекъ въ слабости германской политики во время марокканскаго кризиса 1911 года, то эта ложная идея опровергается уже тѣмъ фактомъ, что въ моментъ посылки «Пантеры» въ Агадиръ перестройка Кильскаго канала была еще въ полномъ ходу, преобразованіе Гельголанда въ сильную морскую крѣпость было еще далеко не закончено, и нашъ флотъ по числу дрэднотовъ и вспомогательныхъ судовъ находился въ гораздо менѣе благопріятномъ отношеніи къ англійскому, чѣмъ три года спустя. Какъ и Кильскій каналъ, Гельголандъ, такъ и наши морскія силы по сравненію съ нынѣшнимъ 1914 годомъ были частью далеко позади, частью совершенно неподготовлены къ войнѣ. Было бы просто неразумно вызывать рѣшительную войну въ такомъ положеніи, при которомъ хорошо знаешь, что впослѣдствіи будешь обладать гораздо болѣе благопріятными шансами. Если бы мы, однако, стали настаивать на пріобрѣтеніи южнаго Марокко, то, вѣроятно, вынудили бы Англію и Францію принять окончательное рѣшеніе. Допустить Германію въ качествѣ сосѣда въ Марокко французы согласились бы только послѣ проигранной войны: если мы тамъ укрѣпимся, то мы будемъ въ состояніи снабжать марокканцевъ, алжирцевъ, сенегальцевъ и другихъ подчиненныхъ французамъ народовъ оружіемъ, деньгами и вождями, въ любой моментъ, когда намъ вздумается, вызывать безпорядки во всей колоніальной имперіи французовъ въ Сѣверной Африкѣ и въ благопріятный моментъ поднять въ ней возстаніе[1]). Всякая разумная политика вынуждена считаться не только со своими собственными жизненными интересами, но и съ таковыми другихъ народовъ соперниковъ, и оно должна ясно представлять себѣ, что покушеніе на эти интересы можетъ быть предпринято только въ томъ случаѣ,

---

[1]) Это характерное признаніе автора получаетъ оссбенное значеніе въ связи съ цѣлымъ рядомъ спубликованныхъ въ настоящее время документовъ о стремленіи германскаго правительства поднять возстаніе въ мусульманскихъ земляхъ Франціи и Англіи. (Ср. между прочимъ секретную записку германскаго правительства, опубликованную во французской «Желтой Книгѣ»). *Прим. перев.*

если его послѣдствія для противника не только намъ извѣстны, но и желательны и прежде всего необходимы для нашего собственнаго существованія.

Когда въ 1911 году французы выступили въ походъ во внутреннія области Марокко и заняли марокканскую столицу, то Германія, если только она вообще нехотѣли отказаться отъ всякаго выступленія, не могла долѣе медлить съ протестомъ противъ такого открытаго нарушенія алжезирасскаго договора. Мы должны были, однако, имѣть въ виду и дѣйствительно съ этимъ вполнѣ считались, что французы могли отвѣтить на наше выступленіе двоякимъ образомъ. Одинъ отвѣтъ могъ быть таковъ: «руки прочь отъ Марокко или мы бьемъ!» Другой отвѣтъ: «что вы возьмете за то, чтобы уйти изъ Марокко и отказаться отъ занятія марокканскихъ областей?» Германская политика, рѣшившаяся на выступленіе въ Агадирѣ, несмотря на тройное неблагопріятное условіе для вооруженнаго конфликта—Кильскій каналъ, Гельголандъ и состояніе флота,—естественно разсчитывала при этомъ на извѣстную ей военную готовность или вѣрнѣе неподготовленность Россіи. И дѣйствительно состояніе русской арміи еще въ такой сильной степени отражало на себѣ послѣдствія японской войны, ея реорганизація дала еще такъ мало удовлетворительные результаты, что можно было твердо разсчитывать на то, что Россія не рѣшится вмѣшаться активно въ войну, ставъ на сторону англичанъ и французовъ. Безъ такого рода вѣроятности попытка въ Агадирѣ была бы шагомъ политическаго легкомыслія, притомъ самаго опаснаго свойства.

Франція, въ концѣ концовъ, согласилась дать Германіи компенсацію, потребованную ею за отказъ отъ политическихъ притязаній на Марокко, однако съ самаго начала она не проявила къ этому большой склонности и въ теченіе переговоровъ настойчиво пыталась побудить Англію непосредственно вмѣшаться въ конфликтъ, желая такимъ путемъ поставить Германію передъ выборомъ между войной и полнымъ отступленіемъ. Въ настоящее время извѣстно, что угрожающее настроеніе въ Англіи въ теченіе марокканскаго конфликта и не разъ, казавшаяся опасной, позиція англійской политики была вызвана

ложными воздѣйствіями и вводящими въ заблужденіе указаніями Франціи[1]). Послѣднія касались не только мнимыхъ антифранцузскихъ, но и прежде всего антианглійскихъ намѣреній Германіи въ марокканскомъ вопросѣ. Рисуя возможное будущее, французы особенно настойчиво указывали на яко бы извѣстныя имъ намѣренія Германіи въ Марокко: послѣдняя будто бы имѣетъ въ виду ни больше ни меньше, какъ основать морскую станцію, чтобы захватывать морскіе пароходы съ хлѣбомъ, ежегодно весной плывущіе изъ Аргентины въ Англію и проходящіе недалеко отъ марокканскаго берега, и такимъ образомъ воспрепятствовать снабженію Англіи хлѣбомъ. Только впослѣдствіи во всемъ своемъ объемѣ сталъ извѣстенъ тотъ фактъ, что французы всѣми силами старались подогрѣть въ Англіи общее враждебное отношеніе къ германской политикѣ и опасенія передъ ней. Только поэтому становится понятной та страстность, съ которой англійское общественное мнѣніе выступило противъ насъ лѣтомъ 1911 года, и если бы въ то время дѣло дошло до войны, то это прежде всего явилось бы результатомъ французскихъ усилій. Насколько трудно было для французовъ дать намъ, въ концѣ концовъ, компенсацію въ видѣ Новаго Камеруна за наше признаніе ихъ преимущественныхъ политическихъ правъ въ Марокко, видно уже изъ тѣхъ усилій, которыя они дѣлали для вовлеченія Англіи въ совмѣстную съ ними войну несмотря даже на то, что они далеко не вполнѣ могли разсчитывать на силы своей союзницы, Россіи.

При переговорахъ между Франціей и Англіей, англійская помощь на сушѣ имѣла рѣшающее значеніе. Съ французской стороны было, повидимому, предъявлено требованіе, чтобы Англія выставила корпусъ въ 150 тысячъ вспомогательныхъ войскъ, но послала бы ихъ не на короткій фронтъ Дувръ—Кале, и безъ того достаточно защищенный, а черезъ Сѣверное море.

---

[1]) Здѣсь авторъ совершенно забываетъ о томъ чрезвычайно важномъ государственномъ интересѣ Англіи—обезпечить за собой полное господство надъ морскими путями въ Южную Африку, Египетъ и Индію,— о чемъ онъ такъ убѣдительно говоритъ въ другомъ мѣстѣ (Ср. ниже стр. 22—23). *Прим. перев.*

Отъ Кале англичанамъ пришлось бы передвигаться по тѣмъ же желѣзнодорожнымъ линіямъ, по которымъ должна была развертываться мобилизація французской арміи, что могло бы внести безпорядокъ въ передвиженія французскихъ войскъ, или же вспомогательныя войска пришли бы на театръ военныхъ дѣйствій слишкомъ поздно. Напротивъ, если бы 150 тыс. англійскихъ войскъ были направлены въ Бельгію и, нарушивъ бельгійскій нейтралитетъ, помѣшали бы германскому наступленію на нижнемъ Рейнѣ, то такая помощь Франціи со стороны Англіи могла бы представлять для насъ дѣйствительную опасность, значительно большую, чѣмъ, напримѣръ, когда-то проектированная высадка англичанъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Какъ извѣстно, Бисмаркъ на вопросъ о томъ, что онъ сдѣлалъ бы, если бы тамъ появилось 100,000 англичанъ, отвѣтилъ шуткой, что онъ ихъ просто велѣлъ бы арестовать. Однако, отъ англійскаго берега до устья Шельды разстояніе по морю значительно больше, чѣмъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ канала. Несмотря на все еще значительное превосходство въ составѣ морскихъ боевыхъ судовъ, англійскій морской штабъ не считалъ возможнымъ поручиться за успѣхъ такой значительной перевозки войскъ. Именно, выражались опасенія, что германскія подводныя и въ высшей степени технически совершенныя торпедныя лодки могутъ представить серьезную опасность для военныхъ транспортовъ [1]). Возможно, что на окончательное рѣшеніе оказали свое вліяніе и другія причины. Во всякомъ случаѣ, неспособность Россіи принять серьезное участіе въ войнѣ противъ Германіи составляла серьезное препятствіе. Возможно, что сохраненію мира въ концѣ концовъ содѣйствовало и то, что короля Эдуарда VII уже не было среди живыхъ. Послѣ его смерти у новаго англійскаго короля, вліяніе котораго,

---

[1]) Всѣ эти переговоры, которые велись между англійскими и французскими военными и морскими экспертами въ 1911-мъ году носили только предварительный характеръ, нисколько не должны были связывать правительства Франціи и Великобританіи и ничего не предрѣшали; дѣло шло не о заключеніи военнаго союза, а только о выясненіи технической возможности совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій. (См. рѣчь Эдуарда Грея въ Палатѣ Общинъ 21 іюля, 3 августа 1914 г.). *Прим. перев.*

несмотря на всѣ конституціонныя ограниченія, остается такимъ значительнымъ, уже не было того твердаго убѣжденія, которое при Эдуардѣ VII составляло основу англійской политики въ отношеніи Германіи, а именно убѣжденія въ томъ, что германскій императоръ въ послѣдній моментъ не рѣшится начать войну.

Торговля изъ-за Марокко кончилась тѣмъ, что французы въ нѣсколько иносказательной, но практически удовлетворительной формѣ отказались отъ своего преимущественнаго права на покупку бельгійскаго Конго. Въ экваторіальной Африкѣ они уступили часть своихъ владѣній, съ присоединеніемъ которыхъ къ Камеруну нѣмецкая граница въ двухъ мѣстахъ непосредственно примкнула къ бельгійской области. Необходимо съ нѣкоторымъ вниманіемъ остановиться только на этихъ фактахъ, чтобы ясно понять, какъ неосновательны съ самаго начала были многочисленныя нападки на такъ называемую германскую политику Марокко—Конго. Нужно исходить изъ того, что въ 1911 году, получить южное Марокко безъ войны было по всей вѣроятности невозможно. Даже послѣ нашего заявленія о томъ, что мы готовы уйти изъ Марокко, получивъ компенсацію въ Южной Африкѣ, мы еще непосредственно стояли передъ опастностью войны. Требованіе: «Южное Марокко должно быть нѣмецкимъ» было, во всякомъ случаѣ, непріемлемо ни для Франціи, ни для Англіи, которая именно въ этомъ вопросѣ питала къ намъ особенное недовѣріе, горячо поддержанное французами. Фактическое занятіе территоріи или подготовка къ этому непосредственно поставили бы насъ передъ выборомъ между войной и полнымъ отступленіемъ. Можно какъ угодно относится къ Марокко, и если въ будущемъ Франція одна или съ союзниками вынудитъ насъ на рѣшительную борьбу, то среди другихъ трофеевъ Марокко также станетъ добычей побѣдителя; но лѣтомъ 1911 года ввергнуть Германію въ войну изъ-за Марокко было бы не только глупостью, но и преступленіемъ. Прежде всего, у насъ не было бы сознанія своего нравственнаго права, то есть не было давленія непосредственной жизненной національной необходимости, которая одна только могла бы оправдать такое невѣроятное рѣшеніе; во-вторыхъ,

было бы крайне неразумно добровольно начать войну, если нѣсколькими годами позднѣе въ двухъ или трехъ рѣшающихъ пунктахъ мы были бы значительно лучше вооружены, чѣмъ въ то время; въ третьихъ, Марокко, если ему дѣйствительно суждено стать когда-либо предметомъ борьбы, сдѣлается не хуже, а лучше отъ той работы, которую пока прилагаютъ къ нему французы.

Эти соображенія уже доказываютъ всю ложность той точки зрѣнія, которая самое соглашеніе о Конго—Марокко разсматриваетъ только въ связи съ вопросомъ отомъ, какую колоніальную и хозяйственную цѣнность представляетъ для насъ Новый Камерунъ. Я лично былъ тамъ и могу засвидѣтельствовать, что, несмотря на столь прославленныя болота и сонную болѣзнь, Камерунъ—вовсе уже не такая плохая земля, какъ ее изображаютъ лица, не побывавшія тамъ. Болота не препятствуютъ ни проникновенію въ страну, ни ея использованію; съ сонной болѣзнью можно бороться; и значительныя части уступленной территоріи вполнѣ способны къ развитію, какъ только они будутъ пріобщены къ культурѣ постройкой желѣзныхъ дорогъ, безъ чего вообще во внутренней Африкѣ нельзя ничего достичь. Все это, однако, не рѣшаетъ вопроса. Рѣшающее значеніе имѣетъ то, что мы заставили французовъ отказаться отъ ихъ права, которое давалъ имъ прежде берлинскій договоръ о Конго и по которому они могли выступить въ качествѣ единственнаго покупателя, какъ только Бельгія захотѣла бы полностью или частично ликвидировать свои колоніальныя владѣнія. Съ другой стороны мы сами стали сосѣдями Конго по его западной границѣ, гдѣ мы, разумно разсуждая, не можемъ встрѣтить конкуренціи англійскихъ интересовъ.

Что касается Конго, то мы ни въ коемъ случаѣ не собираемся завладѣть имъ силой, или хитростью. Конго принадлежитъ Бельгіи, и тотъ, кто приписываетъ намъ желаніе захватить его, или судитъ легкомысленно, или сознательно клевещетъ. Иной однако вопросъ, смогутъ ли бельгійцы въ финансовомъ отношеніи удержать за собой Конго. Въ эпоху леопольдовскаго режима страна была истощена, ростъ дефицитовъ создаетъ ростъ финансовыхъ затрудненій, и съ самаго начала тѣхъ пере-

говоровъ, которые велись съ королемъ Леопольдомъ о присоединеніи Конго къ Бельгіи въ качествѣ колоніи, и до настоящаго времени въ широкихъ кругахъ бельгійскаго народа господствуетъ рѣзко отрицательное отношеніе ко всей той тяготѣ, которая создается колоніальными владѣніями. Такое отношеніе уже вызвало публичныя предложенія о частичной продажѣ Конго—симптомъ, самъ по себѣ достаточно краснорѣчивый. Допустимъ тотъ случай, что мы вовсе не интересовались бы судьбой Конго. Какъ только бы возникъ вопросъ о его продажѣ, немедленно явилась бы Франція и, конечно, съ предварительнаго согласія Англіи предъявила бы свои права. Какъ велико было бы тогда негодованіе на недостаточную предусмотрительность германской политики? А, между тѣмъ, къ Конго съ юга и съ запада примыкаетъ Ангола, которая граничитъ съ нѣмецкой юго-западной Африкой. Конечно, подобно тому, какъ Конго составляетъ собственность Бельгіи, такъ и Ангола принадлежитъ португальцамъ, а не намъ; но и въ этомъ случаѣ мы не знаемъ, какъ долго еще Португалія сможетъ или захочетъ удерживать за собой Анголу.

Участіе Англіи въ марокканскомъ конфликтѣ между Германіе и Франціей въ качествѣ французскаго секунданта явилось высшей точкой десятилѣтняго періода обостренія англо-германскихъ отношеній. Но въ то время какъ въ предшествовавшій періодъ главнымъ движущимъ моментомъ были сознательныя стремленія англійской политики изолировать Германію и со всѣхъ сторонъ подготовить окончательное выступленіе Англіи за счетъ Германіи, въ теченіе марокканскаго кризиса опасность войны коренилась скорѣе въ недовѣріи Англіи къ нашимъ непосредственнымъ намѣреніямъ въ Марокко. Согласно съ этимъ, одинъ англійскій министръ выразился такимъ образомъ: «Если бы германское правительство опредѣленно заявило, что оно не желаетъ дѣйствовать насиліемъ противъ Франціи и не предполагаетъ занять Марокко, то этимъ самымъ была бы устранена временная опасность положенія». То, что мы хотѣли, мы выразили достаточно ясно, но въ то время у

Англіи не было къ намъ достаточнаго довѣрія, которое начало развиваться только впослѣдствіи.

Оглядываясь на политическое развитіе со времени окончанія послѣднихъ переговоровъ о Марокко и считаясь съ тѣмъ, что соображенія въ пользу войны почти привели Англію къ открытію военныхъ дѣйствій, приходится признать, что послѣ рѣзкихъ, направленныхъ противъ Англіи дебатовъ въ германскомъ рейхстагѣ въ ноябрѣ 1911 года, въ настроеніи Англіи наступила быстрая перемѣна. Причины ея различны, но онѣ всѣ дѣйствовали въ одномъ направленіи. Первая изъ нихъ довольно своеобразнаго характера. Личность теперешняго канцлера фонъ-Бетманъ-Гольвега и прежняго, князя Бюлова, встрѣчаетъ въ Англіи различную оцѣнку. Почему именно, трудно сказать. По отношенію къ князю Бюлову было распространено извѣстное недовѣріе, какъ-будто бы цѣлью его политики было не только развитіе германскихъ интересовъ, но и противодѣйствіе англійскимъ. Это было несомнѣнное заблужденіе, но оно существовало. При теперешнемъ канцлерѣ въ Англіи постепенно убѣдились, что политика, которой онъ держится, въ такой же мѣрѣ считается съ жизненными интересами Англіи, въ какой мы могли бы желать этого съ ея стороны по отношенію къ намъ. Кажется страннымъ, что долженъ былъ появиться новый рейхсъ-канцлеръ для того, чтобы убѣдить англичанъ въ томъ, что для каждаго сознательнаго политика должно быть очевиднымъ. Но мы слишкомъ часто забываемъ то старое положеніе, что для противника имѣютъ значеніе не столько наши дѣйствительныя мысли и намѣренія, сколько то, что онъ за нихъ принимаетъ.

Вторая причина заключалась въ томъ, что введеніе во флотъ новаго типа суда, дрэднота, фактически сыграло такую невыгодную для Англіи роль. Поскольку въ рѣшительный моментъ отсутствовала та политическая комбинація, которая имѣлась въ виду при постройкѣ первыхъ судовъ этого типа, дрэдноты уже не усиливали морской мощи Англіи: напротивъ, постройка дрэднотовъ, успѣшно предпринятая Германіей и другими державами, повела къ относительному ослабленію

морскихъ силъ Англіи. Въ особенности, быть можетъ, это относится къ Германіи, такъ какъ у насъ переходъ къ новому типу былъ проведенъ удачнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ настоящее время отношеніе между крупными боевыми судами Германіи и Англіи выражается 10 къ 16. Безъ постройки дрэднотовъ, это отношеніе никогда не могло быть достигнуто. Можно сказать, что Англія, совершивъ съ ея точки зрѣнія первую ошибку—уступку Гельголанда, пятнадцать лѣтъ спустя присоединила къ ней вторую—постройку дрэднотовъ.

Третья причина заключается въ соціальномъ законодательствѣ о страхованіи. Германія въ этомъ отношеніи пошла впереди другихъ странъ, и у насъ все время раздавались голоса, указывавшіе на то, какъ неблагопріятно это отражалось на нашей конкуренціи съ другими промышленными народами. Однако, моральное давленіе нѣмецкаго примѣра было такъ велико, что такой промышленный народъ, какъ англичане, не могли долго противостоять ему. Англія въ области соціальной политики должна была послѣдовать за нами, что стоило англійскому народу большихъ затратъ изъ общественныхъ средствъ. Въ связи съ этимъ увеличеніемъ общественныхъ повинностей, расходы на флотъ, доведенные въ виду соперничества съ Германіей до грандіозныхъ размѣровъ, поставили наконецъ вопросъ о томъ, что же, въ концѣ концовъ, обойдется дороже: поддержаніе ли этого состоянія скрытой борьбы съ Германіей или же соглашеніе съ ней?

Въ-четвертыхъ, въ Англіи совершенно неожиданно убѣдились въ томъ, что извѣстная слабая сторона Германіи, съ которой считались, какъ съ фактомъ, а именно—финансовая неподготовленность нѣмецкаго народнаго хозяйства въ случаѣ войны—существуетъ только въ воображеніи. Не только въ Англіи и Франціи, но даже и въ самой Германіи по этому вопросу существовали еще недавно ложныя представленія. Къ общему удивленію оказалось, что во время какъ марокканскаго кризиса, такъ и обѣихъ балканскихъ войнъ, неблагопріятно отразившихся на всей финансовой Европѣ, Германія осталась почти незатронутой. Одно-

временно съ этимъ цѣлый рядъ опубликованныхъ изданій довелъ до всеобщаго свѣдѣнія о блестящемъ прогрессѣ народнаго благосостоянія Германіи въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Наиболѣе важной въ этомъ отношеніи является работа директора Нѣмецкаго банка, Карла Гельфериха «О народномъ благосостояніи Германіи съ 1888 по 1913 годъ». Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что взятое въ цѣломъ богатство Германіи превосходитъ богатство Англіи и Франціи, а въ отношеніи его къ численности населенія оно только немногимъ уступаетъ среднему достатку этихъ странъ. Именно благодаря этому изъ разсчетовъ Англіи исчезалъ главный моментъ ея превосходства надъ Германіей, съ которымъ до тѣхъ поръ серьезно считалась англійская политика.

Послѣдняя, но не рѣшающая въ конечномъ счетѣ причина, побудившая Англію къ соглашенію, заключалась, по свидѣтельству самихъ англичанъ, въ опредѣленномъ военно-техническомъ прогрессѣ Германіи: въ нашемъ превосходствѣ въ постройкѣ воздушныхъ кораблей. Въ морской войнѣ, какъ и въ сухопутной, побѣждаетъ большею частью та сторона, которая раньше знаетъ, гдѣ находится противникъ и каковы его силы. Другими словами, воздушные корабли, поскольку мы въ этомъ отношеніи стоимъ впереди англичанъ, даютъ намъ преимущество въ развѣдкѣ передъ морской битвой. Сторона, въ общемъ болѣе слабая, можетъ тѣмъ не менѣе одержать побѣду, если она сумѣетъ съ превосходными силами произвести рядъ послѣдовательныхъ нападеній на части непріятельскихъ силъ. Этому исключительно служитъ успѣшная развѣдка непріятельскаго расположенія и сокрытіе собственныхъ передвиженій. Въ случаѣ войны съ Англіей съ помощью нашихъ воздушныхъ кораблей, мы могли бы одержать въ Сѣверномъ морѣ побѣду, которая больше бы ослабила англичанъ, чѣмъ насъ. Эту опасность Англія врядъ ли могла бы допустить.

Не только вышеуказанныя прямыя причины оказали вліяніе на измѣненіе всей англійской политики къ Германіи, но тому же содѣйствовали и другіе вопросы, сильно затрагивавшіе интересы Англіи. Сюда прежде всего относится ходъ событій на

балканскомъ полуостровѣ и въ Турціи. Для того, чтобы правильно оцѣнить его, мы должны взять за исходную точку Россію,— однако русскія дѣла требуютъ гораздо болѣе подробнаго и точнаго разсмотрѣнія въ послѣдовательной связи, которое мы оставляемъ до слѣдующей главы. Тѣмъ не мѣнѣе, на основаніи ранѣе перечисленныхъ мотивовъ, повліявшихъ на перемѣну англійской политики по отношенію къ Германіи, мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что несомнѣнно существуетъ цѣлый рядъ необходимыхъ предпосылокъ для взаимнаго соглашенія, которое было бы куплено не цѣной одностороннихъ уступокъ, а урагненіемъ обоюдныхъ существенно важныхъ интересовъ.

Конечно, нельзя при этомъ скрывать отъ себя, что Англія не въ одинаковой степени съ нами заинтересована въ сохраненіи Турціи въ тѣхъ предѣлахъ и такъ надолго, сколь это только возможно; какъ только позволятъ обстоятельства, она несомнѣнно предпочтетъ всякой другой возможности отдѣленіе сосѣднихъ съ Египтомъ областей, начиная отъ Палестины и до устья Тигра, и сліяніе ихъ съ Египтомъ въ большой англо-арабскій халифатъ. Все же существуетъ большое различіе между этими англійскими желаніями, которыя Англія ради германскихъ интересовъ временно отодвигаетъ на задній планъ, и русскими требованіями подѣлить Турцію, начиная съ сѣвера. Египетскій вопросъ теряетъ для Англіи свою остроту, если она можетъ быть увѣрена, что мы совершенно искренне стремимся къ миру при условіяхъ, обезпечивающихъ наше міровое политическое развитіе. Признаніе этого положенія въ Англіи составляетъ самую глубокую и серьезную основу для соглашенія. Англія долго питала сильное подозрѣніе, что наши морскія вооруженія должны служить цѣлямъ нападенія. Послѣдній источникъ этого совершенно неосновательнаго недовѣрія коренится въ народной психологіи. Англичане не могутъ или вѣрнѣе не могли до сихъ поръ вдуматься въ положеніе народа, который, подобно намъ, пережилъ могучее развитіе своихъ міровыхъ хозяйственныхъ интересовъ и желаетъ позаботиться о томъ, чтобы имѣть возможность защитить эти интересы достаточно сильнымъ флотомъ. Зачѣмъ нуженъ

Германіи флотъ?—говорятъ они. Совершенно достаточно, чтобы мы имѣли первенствующій флотъ, ибо мы защищаемъ свободу мореплаванія. Если же Германія, несмотря на это, строитъ столько судовъ, въ которыхъ она собственно не нуждается—для Германіи флотъ—роскошь!—то она имѣетъ въ виду когда-нибудь напасть на насъ. Только очень постепенно англичане начинаютъ понимать теперь, что, строя свой флотъ, мы только слѣдуемъ жизненному закону, вынуждающему всѣ великія націи создавать себѣ такое вооруженіе, которое дастъ имъ возможность ввѣрять всюду свои интересы не доброжелательству другихъ государствъ, а средствамъ собственной защиты.

Мы не должны поэтому упускать изъ виду, что Англія пошла на соглашеніе о сохраненіи Турціи, только отсрочивъ осуществленіе своихъ пожеланій въ Аравіи, на Евфратѣ и на египетской границѣ. Задача нашей политики должна заключаться въ томъ, чтобы, поскольку возможно, отодвинуть тотъ моментъ, когда эта отсрочка пріобрѣтетъ опасное практическое значеніе. При этомъ мы должны разсчитывать на то, что англичане въ принципѣ предпочтутъ поступиться своими желаніями, если такимъ путемъ они смогутъ не допустить Россію продвинуться къ Средиземному морю. Въ отношеніи къ Германіи англійская политика дала, повидимому, необходимыя гарантіи своихъ честныхъ и добрыхъ намѣреній, не отказываясь, разумѣется, отъ своихъ конечныхъ цѣлей. Въ то время, какъ при королѣ Эдуардѣ VII съ большой опредѣленностью преслѣдовалась политика изоляціи Германіи и еще въ 1911 году серьезно обсуждался вопросъ о военномъ союзѣ Англіи и Франціи противъ Германіи, въ настоящее время Англія уже не возражаетъ противъ постройки багдадской дороги, которой она такъ долго противилась. Багдадская дорога строится и притомъ при помощи нѣмецкаго капитала. Временно мы отказались отъ постройки конечнаго участка дороги между Багдадомъ и моремъ. Мы предоставили его англичанамъ и получили въ обмѣнъ право соединить сирійскій участокъ дороги съ лучшей гаванью тѣхъ областей, Александреттой. Теперь Англія отказалась также отъ руководительства при постройкѣ конечнаго участка и пере-

дала его намъ. Конечная станція багдадской дороги будетъ находиться не въ Кувейтѣ, лежащемъ въ области англійскаго господства, а въ безспорно турецкой гавани Басрѣ, при устьѣ соединенныхъ рѣкъ. Работы по устройству гавани въ Басрѣ и проведенію судоходства въ устьѣ Шата-Эль-Араба будутъ вестись акціонерными обществами, располагающими бо́льшей долей нѣмецкихъ, чѣмъ англійскихъ капиталовъ. Къ сѣверу отъ 31-го градуса широты англичане не должны прокладывать ни одного рельса, не добиваться ни одной банковой концессіи.

Желѣзнодорожныя концессіи, предоставленныя Турціей Россіи и Франціи въ сѣверо-восточной части Малой Азіи и Сиріи, не затронули области германскихъ хозяйственныхъ интересовъ вдоль багдадской дороги, не перерѣзали этой области чужой линіей и нисколько не съузили ее. Уступки, достигнутыя Франціей, имѣютъ меньшее практическое значеніе, чѣмъ это предполагаетъ французское общественное мнѣніе и чѣмъ это хотѣло представить въ печати французское правительство. Русско-французскія желѣзныя дороги, концессіи на которыя были предоставлены въ мѣстностяхъ между армянскимъ Тавромъ и Чернымъ моремъ, вѣроятно, останутся ближайшее время только на бумагѣ въ силу значительныхъ трудностей рельефа. Но и кромѣ того германскимъ правительствомъ были приняты мѣры къ тому, чтобы багдадская дорога получила хорошіе соединительные пути, и чтобы при этомъ были соблюдены требованія военной мобилизаціи Турціи. Въ этомъ главная суть. Ни Франція, ни Россія не могутъ отказаться въ такого рода дѣлахъ отъ своего престижа. Онѣ должны были, во что бы то ни стало, показать общественному мнѣнію успѣшные результаты своей политики и если бы таковыхъ не было, то создать впечатлѣніе, что они существуютъ. Германская политика держится скорѣе противоположнаго принципа.

Къ основанію нѣмецко-англійскаго соглашенія принадлежитъ также признаніе Англіей за нами права использовать каждую возможность увеличить область нашего вліянія въ Африкѣ, не возбуждая возраженія со стороны Англіи. Мы видѣли, что здѣсь прежде всего имѣются въ виду

опредѣленныя западно-африканскія области и при томъ на тотъ случай, если владѣющія ими въ настоящее время державы окажутся не въ состояніи собственными силами использовать всѣ возможности ихъ экономическаго развитія и поэтому предпочтутъ заключить какое-либо соглашеніе, выгодное для нихъ съ финансовой или политической стороны. Сама по себѣ такая готовность участниковъ не имѣла бы для насъ значенія, пока Англія была противъ. Теперь по всей видимости этого уже нѣтъ. Никому нельзя поставить въ вину, если, несмотря ни на что, онъ питаетъ извѣстное недовѣріе къ Англіи, если онъ призываетъ къ осторожности и склоненъ критически изслѣдовать искренность и цѣнность англійскихъ уступокъ. Именно нельзя поручиться, что не существуетъ какихъ-либо опасныхъ для насъ соглашеній на случай германско-русской войны. Съ другой стороны не слѣдуетъ закрывать глаза на достигнутыя дѣйствительныя преимущества и измѣрять ихъ масштабомъ только желательнаго, но недостижимаго.

V.

РУССКАЯ ОПАСНОСТЬ.

Для полноты и правильности сужденій объ европейской политикѣ со времени заключенія мира между Россіей и Японіей въ 1905 году необходимо въ высшей степени внимательно отнестись къ тому, что съ этого времени Россія со всей энергіей возобновила свои стремленія къ пріобрѣтенію восточнаго побережья Средиземнаго моря. Россія желаетъ теперь пробиться или черезъ Дарданеллы или къ южному побережью Малой Азіи. Мы напоминаемъ уже упомянутое въ другой связи выступленіе одного очень высокопоставленнаго лица послѣ заключенія англо-русскаго договора въ 1907 году: настойчивая дѣятельность русской политики будетъ направлена въ настоящее время къ заливу Александретты. Выступленіе Россіи было задержано тѣми тяжелыми послѣдствіями, которыя имѣла восточно-азіатская война для боеспособности русской арміи; къ тому же и внутреннія русскія событія 1905 года оказали свое вліяніе въ томъ же направленіи. Въ 1908 и 1909 годахъ, при свиданіи въ Ревелѣ и во время сербско-боснійскаго кризиса, Россія еще не была способна къ серьезному выступленію и должна была пойти на уступки, какъ только увидала, что мы твердо рѣшились въ балканскомъ вопросѣ при всякихъ комбинаціяхъ стать на сторону Австро-Венгріи.

Русская политика такимъ образомъ убѣдилась, что на пути къ достиженію своей цѣли на Востокѣ она во всякомъ случаѣ встрѣтитъ совмѣстное сопротивленіе Германіи и Австро-Венгріи. Поэтому въ качествѣ своей непосредственной задачи

она должна была поставить себѣ цѣлью сломить сопротивленіе обѣихъ державъ тройственнаго союза. Уже въ промежутокъ времени между заключеніемъ мира съ Японіей и аннексіей Босніи и Герцеговины Россія пыталась путемъ соглашенія съ Италіей расшатать тройственный союзъ. Если бы ей удалось создать конфликтъ между Австро-Венгріей и Италіей, то русскіе шансы въ войнѣ съ Австріей и Германіей были бы значительно выше, и, быть можетъ, Россія могла бы надѣяться достигнуть своей цѣли на Средиземномъ морѣ и не вступая въ борьбу на жизнь и на смерть. Мы видѣли, какъ въ началѣ 1909 года дѣло едва не дошло до столкновенія австрійскихъ и итальянскихъ интересовъ въ западной части балканскаго полуострова. Въ то время и непосредственно передъ этимъ русско-итальянское сближеніе достигло опасной степени.

Послѣ неудачи 1909 года русская политика на первый планъ выдвинула новое средство для достиженія преслѣдуемой цѣли: объединеніе противъ Австро-Венгріи небольшихъ балканскихъ народовъ, чтобы съ этой стороны удержать военныя силы противника. Теперь уже стало извѣстно, что балканскій союзъ между Болгаріей, Сербіей, Черногоріей и Греціей первоначально былъ направленъ вовсе не противъ Турціи, а противъ Австро-Венгріи, и что возникъ онъ при прямомъ содѣйствіи Россіи. Почему гроза сперва разразилась надъ Турціей, это— вопросъ особый; во всякомъ случаѣ Россіи не приходилось возражать противъ такого оборота дѣла при условіи, что она осталась бы покровительницей союза, что союзъ не распался бы, и что онъ могъ бы служить орудіемъ противъ Австро-Венгріи и послѣ того, какъ его участники увеличили бы свои владѣнія за счетъ Турціи. Надежды на это были, повидимому, вполнѣ благопріятны, но всѣ русскіе разсчеты потерпѣли крушеніе, какъ только непосредственно послѣ побѣды надъ Турціей между союзниками разразилась война, вызванная преувеличенными требованіями Болгаріи, и между славянскими народами на балканскомъ полуостровѣ была посѣяна на долгое время непримиримая рознь. Россія сдѣлала все, что она могла, чтобы предотвратить вторую внутреннюю балканскую войну, но ей

это не удалось.[1]) Общая балканская конфедерація, направленная противъ Австріи, на ближайшее время была такимъ образомъ похоронена, но взамѣнъ этого Россія стремится теперь всѣми средствами привлечь на свою сторону Румынію. На случай войны съ Австріей она по всей вѣроятности можетъ разсчитывать на Сербію. Если бы Россія пріобрѣла еще помощь Румыніи, то съ военной точки зрѣнія она имѣла бы приблизительно то же самое, къ чему она стремилась при созданіи прежняго балканскаго союза, и могла бы такимъ образомъ въ случаѣ войны удержать на югѣ значительную часть австро-венгерской арміи. Конечно, Румынія должна была предъявить большія политическія требованія: по всей вѣроятности не менѣе, чѣмъ уступку большей части Бессарабіи съ болѣе чѣмъ милліоннымъ румынскимъ населеніемъ. Эта полоса земли до 1878 года принадлежала Румыніи. На берлинскомъ конгрессѣ Россія—въ видѣ благодарности за неоцѣнимую военную помощь Румыніи во время турецкой войны,—принудила ее уступить себѣ Бессарабію и дала ей взамѣнъ этого малоцѣнную Добруджу.[2])

Энергія русскаго стремленія къ Средиземному морю стала совершенно очевидной, когда въ январѣ 1913 года Россія готовилась вступить въ турецкую Арменію. Этимъ путемъ должно было быть оказано давленіе на Турцію, чтобы она согласилась на условія мира союзниковъ. Для Россіи однако не такъ важно было добиться уступчивости со стороны Турціи, какъ сдѣлать наконецъ рѣшительный шагъ впередъ въ своемъ движеніи въ азіатскую Турцію. Однако оккупація Россіей Арменіи

---

[1]) Здѣсь Рорбахъ совершенно не касается той роли, которую сыграла австрійская, а отчасти и германская дипломатія въ возникновеніи второй балканской войны. Какъ извѣстно изъ разоблаченія Джіолити въ итальянскомъ парламентѣ и нѣкоторыхъ документовъ, опубликованныхъ болгарской печатью, Австрія собиралась напасть на Сербію еще лѣтомъ 1913 года и безъ разсчета на обѣщанную австрійскую помощь болгарская военная партія врядъ-ли рѣшилась бы на выступленіе 17 іюля.

[2]) Нѣмецкая публицистика обычно доходитъ до такого преувеличенія, что утверждаетъ будто бы безъ румынской помощи Россія проиграла бы русско-турецкую войну. Русскому читателю не приходится доказывать, что роль Румыніи въ войнѣ была несравненно скромнѣе. Съ другой стороны

означила бы для Турціи начало конца и поэтому ни въ коемъ случаѣ не могла быть оставлена безъ возраженія съ нашей стороны. Географическое положеніе и общій физическій рельефъ Арменіи настолько своеобразны, что Турція и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніяхъ должна утратить свою жизнеспособность, какъ только она потеряетъ Арменію, въ особенности, если она потеряетъ ее въ пользу Россіи.

Тотъ, кто владѣетъ Арменіей, непосредственно господствуетъ какъ надъ восточной частью Малой Азіи, такъ и надъ Мессопотаміей. Арменія—рѣзко выраженная страна переваловъ. Двѣ большихъ естественныхъ дороги ведутъ съ востока на западъ. Сѣверная идетъ изъ Персіи, переваливаетъ черезъ пограничную ирано-армянскую горную область, направляется черезъ Баязетъ и Каракилиссу къ Эрзеруму, представляющему собой ключъ къ Малой Азіи и затѣмъ далѣе черезъ долину западнаго Евфрата на Эрзингіанъ. Оттуда открывается проходъ къ сѣверной части анатолійскаго плоскогорья въ тѣсномъ смыслѣ слова. Другая дорога беретъ свое начало отъ бассейна озера Ванъ, которое различными перевалами связано съ иранскимъ плоскогорьемъ, и идетъ по долинѣ восточнаго Евфрата черезъ Мушъ-Палу на Харпутъ и Малатію. Эти послѣднія мѣстности въ свою очередь также господствуютъ надъ дорогами въ среднюю и южную Анатолію, какъ Эрзерумъ и Эрзингіанъ господствуютъ надъ перевалами въ сѣверную. Еще болѣе доминирующимъ является положеніе Арменіи къ югу, по направленію къ Мессопотаміи. Глубоко опущенная горная складка у Битлиса открываетъ дорогу въ долину Тигра и оттуда внизъ по рѣкѣ въ Мосулъ; перевалъ Аргана-Маденъ открываетъ второй переходъ черезъ таврійскія горы отъ Харпута на Діарбекиръ, который

послѣдующія событія показали, что сами румыны значительно выше цѣнятъ Добруджу, чѣмъ ихъ нѣмецкіе доброжелатели. Что же касается Бессарабіи или, вѣрнѣе, двухъ ея уѣздовъ, уступленныхъ Россіи въ 1878 году, то не надо забывать, во-первыхъ, того обстоятельства, что по Адріанопольскому миру эта область уже входила въ составъ Россіи и что, съ другой стороны, присоединеніе ея къ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ поддерживалъ никто иной, какъ самъ Бисмаркъ. *Прим. перев.*

въ свою очередь господствуетъ надъ дорогой въ юго-восточномъ направленіи черезъ Мардинъ и Незибинъ къ Мосулу, а въ юго западномъ—черезъ Зеверекъ и Урфу къ среднему Евфрату и Алеппо.

Подъ русскимъ владычествомъ въ Арменіи немедленно была бы проведена желѣзнодорожная линія отъ Карса черезъ Эрзерумъ на Эрзингіанъ и вторая отъ Эривани вдоль западнаго берега озера Ванъ къ Битлису, можетъ быть съ вѣтками на Харпутъ и Малатію. Съ этого момента Россія получила бы полнѣйшее господство надъ Анатоліей и Мессопотаміей, и въ то же время стала бы неприступной въ естественной крѣпости армянскаго плоскогорья. Съ арміей совершенно невозможно пройти въ Арменію съ юга или съ запада, иначе, какъ пробившись черезъ одинъ изъ указанныхъ горныхъ проходовъ. Взятіе съ фланговъ или обходъ русской позиціи въ Арменіи не могли бы быть выполнены вслѣдствіе того, что горы Тавра и понтійскія краевыя цѣпи непроходимы для регулярныхъ войскъ. Россія въ Арменіи заняла бы неприступную позицію, а сама смогла бы воспользоваться любымъ удобнымъ моментомъ для наступленія. Турція, потерявшая Арменію, совершенно не въ состояніи противопоставить достаточно сильныя оборонительныя крѣпости на тѣхъ проходахъ, по которымъ Россія можетъ вторгнуться на югъ и на западъ. Думать же о нападеніи на русскую Арменію, снабженную крѣпостями и желѣзными дорогами, вообще немыслимо. Если допустить нежелательный и, будемъ надѣяться, невѣроятный случай, что когда-либо турецкое владычество будетъ ограничено анатолійскимъ полуостровомъ и Мессопотамія вплоть до горной цѣпи Тавра сдѣлается англійской, то русская позиція будетъ представлять собой самую серьезную угрозу по отношенію къ этимъ двумъ сосѣдямъ. Россія тогда господствовала бы надъ всей передней Азіей отъ Персидскаго залива и до Средиземнаго моря, какъ крѣпость надъ гласисомъ. Нельзя представить себѣ никакой позиціи, болѣе грозной по отношенію ко всей западной Азіи, чѣмъ соединеніе Арменіи, Закавказья и сѣверной Персіи въ рукахъ Россіи. Поэтому если нужно сохранить Турцію, то и Арменія должна остаться ту-

рецкой, а такъ какъ намъ необходимо поддерживать Турцію, пока это только возможно, то мы не можемъ допустить, чтобы Арменія перешла въ руки Россіи.

Поэтому, когда въ началѣ 1913 года Россія почти приняла рѣшеніе вступить въ Арменію, германскому правительству не оставалось ничего иного, какъ заявить Россіи, что такой ея шагъ долженъ нарушить европейскій миръ. До извѣстной степени это было повтореніе событій 1909 года: мы и тогда помѣшали выступленію Россіи, сообщивъ ей о томъ, что при извѣстныхъ предпосылкахъ мы выступимъ противъ ея стремленій съ оружіемъ въ рукахъ. Россія не считала себя еще въ состояніи вступить въ борьбу съ нами и съ Австро-Венгріей, тѣмъ болѣе, что силы балканскаго союза были ослаблены борьбой съ Турціей,—и уступила[1]). Однако, можно себѣ представить, что это событіе не вызвало дружескихъ чувствъ по отношенію къ Германіи. Напротивъ, вынужденная уступка заставила Россію только сдѣлать тотъ выводъ, что необходимы гораздо болѣе широкія приготовленія, чтобы сломить сопротивленіе Германіи и Австріи. Повидимому, Россія обратилась къ своей союзницѣ, Франціи, съ широкими требованіями и настаивала не болѣе не менѣе, какъ на возстановленіи во Франціи трехгодичной службы. Франція, увеличивъ контингентъ своей арміи въ мирное время до 800,000 человѣкъ, въ случаѣ войны съ Германіей еще до окончанія общей мобилизаціи союзниковъ могла бы вступить съ превосходными силами въ первыхъ и, какъ предполагалось тогда, рѣшительныхъ сраженіяхъ. Теодоръ Шиманъ неоднократно приводилъ заслуживающія вниманія доказательства въ пользу того предположенія, что трехгодичная военная служба была возстановлена не по свободному рѣшенію Франціи, но подъ вліяніемъ рѣши-

---

[1]) Напоминаемъ читателю, что всѣ эти указанія автора на, будто бы, предполагавшееся выступленіе Россіи въ 1913 году ничѣмъ имъ не документированы. Россія не имѣла въ виду вооруженное выступленіе противъ Турціи во время балканской войны. Думается, что послѣдующія событія въ этомъ отношеніи оправдали политику русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. *Прим. перев.*

тельныхъ настояній Россіи; онъ же указывалъ, что требованіе Россіи было предъявлено въ очень рѣзкой формѣ, и послѣдняя будто бы прямо угрожала выйти изъ союза, если французы не согласятся на него[1]). Въ связи съ этимъ Россія обязалась значительно улучшить свою стратегическую желѣзнодорожную сѣть на западѣ, свое вооруженіе и прочія подготовительныя мѣропріятія для мобилизаціи противъ Германіи, а французы согласились въ теченіи пяти лѣтъ предоставить ей для этой цѣли колоссальный заемъ въ $2^1/_2$ милліарда франковъ.

Эти событія привели къ тому, что и намъ пришлось значительно увеличить нашу армію и ввести грандіозный милліардный военный налогъ[2]). Мы могли бы избѣжать и того и другого, если бы предоставили русскимъ Арменію, а вмѣстѣ съ ней по крайней мѣрѣ и весь востокъ Малой Азіи до Средиземнаго моря. Азіатская Турція представляла бы тогда приблизительно слѣдующую картину. Предѣлы Турецкой имперіи были бы ограничены небольшой областью по обѣимъ берегамъ проливовъ, въ Азіи, быть можетъ, только мѣстностями, начиная отъ Эрегли или Синопа, Ангоры и Смирны. Русскія владѣнія тянулись бы широкой полосой черезъ Арменію, Курдистанъ, всю восточную Анатолію до Киликіи и залива Александретты, лежащей противъ Кипра. Поэтому небольшая турецкая область на западѣ сама по себѣ естественно не обладала бы достаточной силой политическаго и военнаго сопротивленія. Мессопотамія, Вавилонія, Аравія и Сирія были бы отрѣзаны отъ остатковъ турецкихъ владѣній и перешли бы къ Англіи въ то время, какъ Франція получила бы удовлетвореніе въ Сиріи. Такимъ путемъ былъ бы созданъ англо-арабскій халифатъ съ Каиромъ, Іерусалимомъ и Меккой подъ англійскимъ владычествомъ.

---

[1]) Утвержденіе Рорбаха, что трехлѣтняя военная служба была установлена во Франціи только подъ вліяніемъ угрозы со стороны Россіи явно противорѣчитъ всей политической исторіи Франціи 1913 и 1914 г., той ожесточенной политической кампаніи, которую вели въ парламентѣ и въ странѣ сторонники двухлѣтней и трехлѣтней службы, и исходъ которой только и рѣшилъ вопросъ о военной реформѣ.

[2]) Напоминаемъ читателю, что послѣдовательность событій была какъ разъ обратная. См. также стр. 71. *Прим. перев.*

Возможно, что Италія и Германія, если бы онѣ придавали этому значеніе, получили бы незначительный клочекъ земли въ Малой Азіи. Однако само по себѣ ясно, что послѣ паденія и раздѣла Турціи между державами, фактически безъ участія Германіи, надъ всѣмъ великимъ будущимъ германской политики былъ бы поставленъ крестъ. При современномъ политическомъ положеніи Европы, жизненные интересы Германіи, требующіе возможно болѣе полнаго и продолжительнаго сохраненія Турціи, не могутъ быть согласованы со стремленіемъ Россіи добиться выхода къ Средиземному морю около киликійскаго берега, между прочимъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится морская начальная станція багдадской дороги, Александретта, и гдѣ тянется широкая киликійская долина, пригодная для хлопковой культуры. Если русская политика, стремясь осуществить свои цѣли, не перестанетъ ради этого вносить тревогу въ Евро пуповсюду, гдѣ она найдетъ точки приложенія своей дѣятельности, то представляется труднымъ указать тотъ путь, который могъ бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта.

Уже въ эпоху балканскаго союза, тенденціи русской политики должны были вызвать со стороны Англіи фактическое противодѣйствіе, которое все возрастало. Англійская политика всегда отличалась большой дальновидностью въ предугадываніи будущихъ событій. Доказательствомъ тому служитъ занятіе Кипра въ 1878 году. Въ то время, на берлинскомъ конгрессѣ, Англія гарантировала Турціи неприкосновенность ея тогдашнихъ азіатскихъ владѣній, но взамѣнъ того выговорила себѣ управленіе (а не полное господство, какъ теперь) островомъ Кипромъ. Кипръ представляетъ собой сторожевой постъ, охра-

[1]) Мы обращаемъ особенное вниманіе на то громадное значеніе, которое Рорбакъ придаетъ тому или иному разрѣшенію вопроса о Малой Азіи. Съ точки зрѣнія защищаемой имъ программы внѣшней политики Малая Азія представляетъ собой главное яблоко раздора между Германіей съ одной стороны, Россіей и Анліей съ другой. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно и то упорство, съ которымъ Германія стремится защищать Турецкую имперію. По мнѣнію Рорбаха, одна только неудача на Ближнемъ Востокѣ явилась бы для Германіи такимъ же тяжелымъ пораженіемъ, какъ пораженіе Пруссіи при Ольмюцѣ. *Прим. перев.*

няющій Англію отъ опасности со стороны Россіи, когда она, захвативъ Арменію, продвинется въ Киликію. Это событіе было бы весьма непріятно для англичанъ. Если даже русскій флотъ врядъ ли когда будетъ въ состояніи вступить въ борьбу съ тѣми морскими силами, которыя Англія держитъ въ Средиземномъ морѣ для защиты Египта, то все же укрѣпленіе русскаго господства на широкомъ пространствѣ между Араратомъ и восточнымъ побережьемъ Средиземнаго моря создало бы для Англіи цѣлый рядъ опасныхъ точекъ соприкосновенія на сушѣ и на морѣ. Такимъ образомъ противодѣйствіе движенію Россіи къ Средиземному морю создало между Англіей и Германіей неожиданную солидарность интересовъ, которая поддерживалась уже извѣстными намъ фактами, вызвавшими внутреннія перемѣны въ отношеніяхъ этихъ двухъ странъ.

Если бы послѣ образованія балканскаго союза подъ руководствомъ и вліяніемъ Рсссіи и послѣ побѣды союза надъ турками, Россіи удалось создать такое равновѣсіе силъ въ балканскихъ государствахъ, что каждый изъ членовъ союза нуждался бы въ ея поддержкѣ, то такое положеніе косвенно привело бы къ укрѣпленію Россіи на Эгейскомъ, а слѣдовательно и на Средиземномъ морѣ. А именно, если бы турецко-болгарская граница проходила бы на такомъ близкомъ разстояніи отъ Константинополя и Дарданеллъ, какъ это первоначально предполагалось, то легко себѣ представить, что въ рѣшающій моментъ закрытіе Босфора и Дарданеллъ могло быть отмѣнено въ интересахъ Россіи. Для Англіи такая возможность явилась бы нежелательной, не столько сама по себѣ, сколько по связаннымъ съ ней дальнѣйшимъ перспективамъ. Поэтому, чѣмъ яснѣе намѣчалось стремленіе Россіи къ захвату малоазіатской области, преграждающей путь отъ Арменіи къ Средиземному морю, тѣмъ болѣе сдержанной становилась Англія въ своемъ отношеніи къ Россіи и тѣмъ больше переходила она на сторону Германіи въ вопросѣ о сохраненіи Турціи.

Сравнивая теперешнее положеніе въ Европѣ съ тѣмъ, что было въ 1908 или 1909 годахъ, мы находимъ въ немъ глубокія

перемѣны. Основную проблему европейской и прежде всего германской политики представляетъ собой соперничество уже не Германіи и Англіи, а Германіи и Россіи. Англія,—на короткое или на долгое время, остается невыясненнымъ,—отказалась отъ такъ называемой политики изоляціи Германіи. Мы разсмотрѣли причины этого: смерть короля Эдуарда, опасенія передъ нѣмецкимъ флотомъ, бóльшее довѣріе къ тенденціямъ нѣмецкой политики, ростъ налоговъ благодаря соперничеству въ вооруженіяхъ съ Германіей и новому соціальному законодательству, наконецъ сознаніе того, что Германія въ финансовомъ и политическомъ отношеніи значительно сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось. Къ этому присоединилось опасеніе передъ вновь пробудившейся дѣятельностью Россіи на Востокѣ. Ключъ для пониманія европейскаго соотношенія силъ въ настоящее время слѣдуетъ искать въ русской политикѣ.

Въ 1905 году Россія вышла изъ японской войны съ значительно уменьшеннымъ флотомъ, съ ослабленной и внутренно дезорганизованной арміей и съ крайне стѣсненными финансами. Въ первые годы послѣ войны Россія проявляетъ полную неспособность къ дѣятельной внѣшней политикѣ, что особенно дало себя знать въ тщетныхъ попыткахъ запугать Австро-Венгрію и Германію во время боснійскаго кризиса. Расходы на злосчастную войну достигали двухъ съ половиной милліардовъ рублей, свыше пяти милліардовъ марокъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить огромныя потери во флотѣ и всевозможномъ военномъ матеріалѣ. Еще до войны финансы не были въ нормальномъ положеніи и средній перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ втеченіе послѣднихъ десятилѣтій не былъ достаточенъ для покрытія заграничныхъ платежныхъ обязательствъ. Изъ тѣхъ десяти—пятнадцати милліардовъ марокъ золота, которые въ новый періодъ русской финансовой политики, при министрахъ Вышнеградскомъ и Витте, были стянуты въ Россію, къ началу войны, по тогдашнимъ оффиціальнымъ вычисленіямъ, въ странѣ не осталось и половины. Только продолженіе политики займовъ могло поддержать русскую валюту. . . . . .

. . . . . .

Здѣсь сыграло роль особое событіе: урожай 1909 года оказался неслыханно высокимъ, за нимъ до 1912 года послѣдовали два такихъ же урожая. Вслѣдствіе этого избытокъ вывоза сравнялся съ ежегодными платежами Россіи золотомъ за границу и даже превзошелъ ихъ. Размѣры этихъ платежей опредѣлились отъ 800 до 850 и 900 милліоновъ марокъ. Избытокъ вывоза съ 1909 по 1912 годъ составлялъ ежегодно 930 милліоновъ марокъ, въ то время какъ въ оба предыдущія десятилѣтія онъ не превышалъ 450. Въ 1913 году онъ нѣсколько превысилъ 400 милліоновъ; въ 1914 году онъ будетъ зависѣть также главнымъ образомъ отъ урожая, но пока торговый балансъ складывается для Россіи неблагопріятно. Итакъ, въ ближайшемъ будущемъ на рѣшенія русской политики должна оказывать давленіе разстроенная финансовая система, неизлѣчимая нормальнымъ путемъ. Однако чрезвычайно благопріятные урожаи втеченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ дали могучій толчокъ политическимъ стремленіямъ Россіи.

Это выразилось прежде всего въ возобновленіи восточной политики. Уже подъ вліяніемъ англо-русскаго соглашенія 1907 года Россія направила свой политическій курсъ въ сторону осуществленія своихъ прежнихъ задачъ въ Турціи. Россія должна была временно отказаться отъ міровой политики въ восточной Азіи. Ради Англіи она отказалась также отъ давно преслѣдуемаго плана окончательно превратить Персію въ русское вассальное государство и выйти въ Индійскій океанъ, построивъ желѣзную дорогу къ Персидскому заливу. Вмѣсто этого съ Англіей было заключено соглашеніе, подававшее надежду взамѣнъ этихъ потерь на Дальнемъ Востокѣ получить въ возможно скоромъ времени компенсацію на Ближнемъ при ликвидаціи турецкаго господства. Различные моменты содѣйствуютъ усиленію этой тенденціи русской политики. Первый изъ нихъ заключается въ желаніи вновь поднять русскій военный престижъ. Второй мотивъ составляетъ общая перемѣна въ настроеніи политическихъ круговъ и народа, который требуетъ возвращенія отъ восточно-азіатскихъ фантазій къ такъ называемому «завѣщанію Петра Великаго», то есть къ политикѣ,

направленной противъ Турціи. Третьей причиной явилась все сильнѣе разгорающаяся борьба между внутренне-политической реакціей и либерализмомъ. . . . . .

. . . . . .

Лучшимъ выходомъ при этихъ условіяхъ представляется возбужденіе національныхъ страстей, какъ противъ инородцевъ, населяющихъ имперію, такъ и по отношенію къ чужимъ народамъ. Въ связи съ этимъ на первый планъ весьма энергично и съ весьма большимъ успѣхомъ выдвигается общеславянская идея, которая дѣйствительно объединила собой большую часть образованныхъ круговъ и политически сознательныя народныя массы.

Разрѣшеніе восточнаго вопроса выдвигается съ невѣроятной энергіей и въ правительственныхъ, и въ общественныхъ сферахъ. Въ русской печати, даже въ оффиціозныхъ военныхъ журналахъ, на собраніяхъ, въ панславистскихъ и другихъ политическихъ банкетахъ развертывается опредѣленная политическая программа: наши цѣли лежатъ на востокѣ, въ Константинополѣ, въ проливахъ, въ Малой Азіи, туда ведутъ насъ наши историческія и національныя задачи! Столько было пролито русской крови за балканскихъ славянъ, столько затрачено дня нихъ русскаго золота, что мы имѣемъ право на руководство ими! Мы должны это сдѣлать еще и потому, что при обладаніи проливами намъ придется ихъ защищать! Намъ стоитъ на пути восточная политика Австріи и Германіи. Австрія—нашъ врагъ, который стремится подчинить себѣ балканскихъ славянъ, а Германія—ея союзница и помощница и даже больше: она сама преисполнена стремленія на востокъ. Тамъ ей нечего дѣлать, и тѣмъ не менѣе она стремится ограбить наслѣдіе Россіи.

Противъ насъ въ Россіи существуетъ теперь настоящая ненависть, охватившая не только отдѣльные круги, но и весь русскій народъ. Въ политически сознательныхъ кругахъ такое отношеніе еще обострилось подъ вліяніемъ необходимости дважды пойти на уступки, именно въ виду выступленія Германіи: въ 1909 и 1913 годахъ. Съ 1909 года Россія начала лихорадочно вооружаться не только съ цѣлью возстановить свою вооруженную силу, но и спеціально, имѣя въ виду рѣши-

тельную борьбу изъ-за турецкаго Востока. Высокіе урожаи давали одновременно возможность создать за границей впечатлѣніе, что финансовое положеніе страны внутренне укрѣпилось. Притокъ золота изъ-за границы поддерживался только совсѣмъ втихомолку при помощи городскихъ и промышленныхъ займовъ и другихъ аналогичныхъ пріемовъ. Что касается государственныхъ займовъ, то правительство дѣлало видъ, что теперь оно станетъ выше этихъ искушеній. Въ 1913 году такому положенію былъ нанесенъ двойной ударъ: рѣшительное поведеніе Германіи вновь заставило отойти отъ кавказско-армянской границы, гдѣ, казалось, уже все было готово къ выступленію; платежный балансъ потерялъ свое равновѣсіе.

Русское правительство поняло теперь, что рѣшенія нельзя откладывать надолго. Какъ только Россія предъявила къ союзной Франціи требованіе ввести трехгодичный срокъ службы съ цѣлью увеличенія непосредственной боевой способности Франціи и предоставить Россіи дальнѣйшій кредитъ непосредственно для цѣлей вооруженія въ размѣрѣ $2^1/_2$ милліардовъ марокъ, мы отвѣтили на эти, ставшіе намъ извѣстными, планы увеличеніемъ контингента нашей арміи и военнымъ налогомъ. Русскій министръ финансовъ первоначально пытался обосновать потребность въ займѣ не финансовыми затрудненіями и необходимыми расходами на вооруженіе, а грандіознымъ планомъ меліораціонныхъ работъ въ Азіатской Россіи, постройкой желѣзныхъ дорогъ и оросительныхъ каналовъ. Однако прежде чѣмъ эта попытка могла удасться, положеніе вполнѣ выяснилось. Грандіозная постройка стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ по направленію къ германской границѣ, крѣпости, осадная артиллерія, всякаго рода подготовительныя мѣропріятія для мобилизаціи и неслыханное повышеніе мирнаго состава арміи—вотъ къ чему стремились въ дѣйствительности. Согласно послѣднему законопроекту, вотированному Думой, составъ русской арміи въ мирное время въ 1916 году долженъ увеличиться до 1,8 милліоновъ человѣкъ, въ зимніе же мѣсяцы до 2,2 милліоновъ. При этомъ, конечно, такое государство, какъ Россія, теряетъ возможность вести правильное финансовое хозяй-

ство. Населеніе Россіи въ настоящее время опредѣляется около 170 милліоновъ, Германіи—около 70 милліоновъ. Такимъ образомъ населенію Россіи, въ два съ половиной раза превышающему населеніе Германіи, соотвѣтствуетъ также и въ два съ половиной раза болѣе сильная армія мирнаго состава. Однако, при этомъ необходимо учесть различіе въ хозяйственной производительности обѣихъ націй. Общая сумма оборотовъ внѣшней торговли въ 1912 году составляла въ Германіи 21 милліардъ марокъ, а въ Россіи колебалась между 6 и 7 милліардами, то есть составляла менѣе трети. Величина налоговъ по отношенію къ численности населенія значительно ниже въ Россіи, чѣмъ въ Германіи. Поэтому Россія не сможетъ долгое время выдержать невѣроятную тяготу содержанія такой арміи; она можетъ быть объяснена только тѣмъ, что Россія стремится быстро добиться окончательнаго рѣшенія[1]).

Русскій государственный долгъ, составлявшій до начала войны съ Японіей нѣсколько болѣе 6 милліардовъ рублей, въ настоящее время возросъ круглымъ счетомъ до 10 милліардовъ, включая сюда и послѣдній военный заемъ во Франціи, платежи по которому должны будутъ поступать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ почти исключается возможность того, чтобы платежныя обязательства за границу въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени покрывались избыткомъ торговаго баланса. . . . . .

. . . . . .

Все еще обстоитъ благополучно, поскольку заграничные рынки не отказываются выпускать русскіе займы. Однако, послѣдніе снова стали недовѣрчиво относиться къ русскимъ финансамъ, какъ только миновали урожайные годы. Англія всегда очень сдержанно относилась къ русскимъ займамъ.

---

[1]) Насколько неточны всѣ эти разсужденія Рорбаха объ относительной финансовой тяжести военныхъ вооруженій для Россіи и Германіи видно изъ такого сопоставленія: Германія въ 1914 году по обыкновенному бюджету затрачивала на войско и флотъ приблизительно около 12 руб. на человѣка, Россія — около 5 руб. Ср. Almanach de Gotha 1915. *Прим. перев.*

Въ Германіи, хотя къ сожалѣнію и поздно, начинаютъ понимать, что деньги, даваемыя взаймы Россіи, служатъ для вооруженія противъ Германіи. Никакая другая страна въ свѣтѣ не согласится на то, чтобы снабжать Россію средствами для веденія будущей войны. Остается такимъ образомъ одна Франція. Французы, по ихъ собственнымъ признаніямъ, предоставили Россіи государственный и частный кредитъ на сумму около 20 милліардовъ франковъ. Они поэтому тѣсно связаны съ судьбой Россіи. Они не только связаны съ ней, но такое положеніе отвѣчаетъ ихъ желаніямъ, ибо съ Россіей соединяется ихъ единственная надежда на реваншъ. Французы разсчитывали своими вооруженіями истощить наши финансовыя силы и увидали теперь, что и въ этомъ отношеніи мы сильнѣе ихъ. Они взяли на себя тяжесть трехгодичной службы, однако каждый французъ знаетъ, что такую тяготу Франція не можетъ вынести въ теченіе долгаго времени. Россія стоитъ передъ выборомъ: или начать войну до тѣхъ поръ, пока ея громадный золотой запасъ еще остается неприкосновеннымъ и сохраняется ея платежеспособность, или сдѣлать выборъ между разоруженіемъ и банкротствомъ. Франція стоитъ передъ выборомъ: или начать войну, покуда для нея еще оказывается посильной трехгодичная военная служба, или отказаться отъ тѣхъ надеждъ, которыя она питала болѣе сорока лѣтъ. Если Россія и Франція одержатъ побѣду, то онѣ обѣ могутъ разсчитывать на то, что разбитый противникъ оплатитъ издержки войны. Въ случаѣ же, если будутъ разбиты русскіе, имъ придется занести въ свою исторію еще одну проигранную войну, но въ то же время они освободятся отъ своихъ долговъ: первая мѣра, на которую могла бы рѣшиться побѣжденная Россія, было бы объявленіе государственнаго банкротства. При теперешнемъ положеніи русское правительство меньше всего побоится такой опасности.

Мы, конечно, считаемся съ возможностью того, что непредвидѣнныя событія могутъ въ послѣднюю минуту придать дѣлу совсѣмъ иной оборотъ. Внутреннее политическое положеніе въ Россіи достаточно серьезно. . . . . .

. . . . . .

Также и во Франціи раздаются осторожные голоса, ко-

которые призываютъ къ благоразумію, но до сихъ поръ они имѣли мало значенія въ общественномъ мнѣніи. Однако, прежде всего, что остается дѣлать французамъ, если русскіе предоставятъ имъ выборъ попытать счастья въ войнѣ вмѣстѣ съ ними или допустить сокращеніе платежей по русскимъ долгамъ?

По опредѣленію авторитетныхъ лицъ Россія въ 1915 году въ извѣстной мѣрѣ будетъ готова въ боевомъ отношеніи. До этого времени, естественно, не смогутъ быть построены на западной границѣ всѣ стратегическія желѣзнодорожныя линіи, важныя съ русской точки зрѣнія, однако, къ 1915 году могутъ быть приняты извѣстныя существенныя мѣры по подготовкѣ мобилизаціи и общей боевой готовности арміи. Готовность къ войнѣ, вообще, понятіе относительное. Никогда нельзя быть вполнѣ готовымъ, ибо противникъ также продолжаетъ работать, и для того, чтобы не отстать отъ него, постоянно необходимы новыя мѣропріятія. Это примѣнимо и въ отношеніи къ Германіи и Россіи. Проектированныя, и повидимому, особенно важныя съ точки зрѣнія французскаго генеральнаго штаба, стратегическія желѣзныя дороги потребовали бы для своей постройки нѣсколькихъ лѣтъ. Точно также согласно новому закону о наборѣ русская армія только въ 1916 году была бы доведена до своего высшаго состава. Все это, однако, не исключаетъ возможности, что Россія уже въ 1915 году или даже еще раньше пойдетъ на рѣшительное военное столкновеніе въ томъ случаѣ, если общее политическое положеніе будетъ повелительно требовать этого.

Новѣйшія разоблаченія о недостаткахъ французской арміи, если даже они сознательно сильно преувеличены, и были выдвинуты на первый планъ ради цѣлей внутренней политики, дѣйствуютъ несомнѣнно охлаждающимъ образомъ на общественное настроеніе какъ во Франціи, такъ и въ Россіи. Для сохраненія мира это, конечно, благопріятное условіе, но мы не должны думать, что здѣсь идетъ рѣчь о чемъ-либо серьезномъ, что могло бы задержать выступленіе Франціи, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ вслѣдствіе непригодности пороха во французскомъ флотѣ. Все сводится къ тому, создастся ли такое положеніе, которое съ точки зрѣнія франко-рус-

скихъ интересовъ, а также русской агрессивной партіи, потребуетъ немедленнаго выступленія. Въ этомъ случаѣ не вполнѣ законченныя приготовленія какъ въ Россіи, такъ и во Франціи не составятъ безусловнаго препятствія, чтобы начать войну. Я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть, что самая большая опасность заключается въ критическомъ положеніи русскихъ финансовъ. При нормальныхъ условіяхъ, они врядъ ли могутъ быть улучшены мирнымъ путемъ, если не считать той возможности, что Россія теперь же откажется отъ своей политики вооруженій и всѣ свои силы направитъ на необходимыя внутреннія реформы. Государственное банкротство представляется неизбѣжнымъ, если только не послѣдуетъ новаго ряда невѣроятно высокихъ урожаевъ и французы не будутъ представлять новаго кредита до безконечности[1]). Расчетъ на такой исходъ приводитъ правящіе круги къ весьма опасному искушенію— путемъ войны поставить все на карту, ибо какъ въ случаѣ побѣды, такъ и пораженія, впереди рисуется заманчивая перспектива полнаго освобожденія отъ долговыхъ обязательствъ. Непреодолимая сила завоевательныхъ русскихъ традицій, достигшая небывалыхъ размѣровъ ненависть къ Германіи и Австріи и все возрастающая энергія русскихъ національныхъ стремленій на Востокѣ, все это создаетъ со стороны Россіи такое угрожающее положеніе, серьезность котораго не можетъ быть переоцѣнена, и сохраненіе мира давно уже не подвергалось такой опасности, какъ въ настоящее время. Поэтому представляется вполнѣ естественнымъ и необходимымъ рѣшеніе Германіи съ своей стороны принять наивысшія мѣры предосторожности.

---

[1]) Вся эта мрачная характеристика русскихъ финансовъ, находящихся будто бы наканунѣ банкротства, указаніе на неблагопріятное положеніе нашего торговаго баланса—все это и до войны составляло обычный лозунгъ нѣмецкихъ публицистовъ имперіалистическаго лагеря. Здѣсь не приходится подробно опровергать отдѣльныя неправильныя утвержденія Рорбаха тѣмъ болѣе, что онъ ихъ ничѣмъ не доказываетъ, а только декретируетъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 69) самъ Рорбахъ признаетъ, что урожаи послѣднихъ лѣтъ улучшили нашъ платежный балансъ. Съ другой стороны, улучшеніе финансовъ за эти годы было вызвано не только хорошими урожаями, но и повышеніемъ производительныхъ силъ страны, отчасти упорядоченіемъ финансоваго хозяйства. *Прим. перев.*

VI.

ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНІИ.

Врядъ ли можно представить себѣ въ настоящее время задачу болѣе трудную, чѣмъ руководство германской политикой. Благодаря участію въ міровомъ хозяйствѣ, мы были съ полной неизбѣжностью вовлечены въ міровую политику и намъ не оставалось выбора, хотимъ мы или нѣтъ, разрѣшать поставленныя тѣмъ самымъ передъ нами новыя задачи. Наряду съ нами существуютъ различныя великія націи съ болѣе давними притязаніями въ міровой политикѣ и онѣ естественно смотрятъ на наше появленіе съ точки зрѣнія умаленія своихъ интересовъ.

Полвѣка назадъ Россія имѣла по численности приблизительно такое же населеніе, какъ въ настоящее время Германія, около 70 милліоновъ. Съ тѣхъ поръ ея населеніе увеличилось вдвое, и теперь оно опредѣляется цифрою около 170 милліоновъ. Процентъ прироста населенія въ Россіи довольно высокъ, гораздо выше, чѣмъ у насъ, и онъ еще возрастетъ, когда въ Россіи въ связи съ успѣхами гигіены начнетъ понижаться процентъ смертности. Въ теченіе ближайшихъ двадцати лѣтъ населеніе Россіи должно возрасти до 200 милліоновъ. Безъ сомнѣнія, политическія, хозяйственныя и культурныя условія Россіи недостаточно надежны, и весьма возможно, что въ ближайшемъ будущемъ они вступятъ еще въ болѣе критическій періодъ. Благодаря этому, активныя силы Россіи могутъ быть временно задержаны въ своемъ развитіи, однако ростъ русскаго населенія будетъ итти безостановочно. Съ теченіемъ времени живыя силы Россіи, хотя бы послѣ сильныхъ потрясеній, все же начнутъ увеличиваться. Русское сельское хозяйство съ единицы площади

даетъ въ настоящее время доходъ въ четыре раза меньше нѣмецкаго. Но оно, несомнѣнно, должно усовершенствоваться; если бы оно достигло хотя бы половины нѣмецкой производительности, то и въ этомъ случаѣ оно могло бы прокормить населеніе вдвое большее, чѣмъ теперь. Прибавимъ къ этому колонизацію Сибири и Туркестана. Какое же положеніе займетъ Германія по отношенію къ трехсотмилліонной русской имперіи во второй половинѣ 20-го вѣка?

Англіи, конечно, предстоитъ иное будущее, однако не менѣе великое. По всей вѣроятности, ея развитіе пойдетъ такимъ путемъ, что въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій образуется могучее союзное государство, охватывающее весь свѣтъ: англійская метрополія, стоящая во главѣ иноплеменныхъ колоній въ Азіи и Африкѣ, съ Канадой, Австраліей, Южной Африкой. Изъ этихъ трехъ странъ въ Канадѣ всего скорѣе увеличится теперешнее населеніе. Прежде считалось, что Австралія, благодаря рѣзко выраженной сухости своего климата, всегда останется страной скудно населенной. Современные сельско-хозяйственные успѣхи въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ осадками, открываютъ для австралійскаго материка болѣе благопріятныя перспективы, а болѣе счастливые въ климатическомъ отношеніи острова Новозеландіи одни могутъ прокормить свыше 20 милліоновъ людей. Хотя въ Южной Африкѣ голландскіе туземцы получаютъ неожиданное преобладаніе за счетъ англійскаго элемента, однако, чѣмъ независимѣе эти прежніе буры будутъ въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе будутъ они склонны оставаться на положеніи могущественнаго члена англійской міровой имперіи.

Американскіе Соединенные Штаты могутъ пережить такое хозяйственное и политическое будущее, которое превзойдетъ все, что можно себѣ представить въ настоящее время; необходимо только, чтобы американцы въ будущемъ прониклись болѣе высокимъ государственнымъ сознаніемъ и создали себѣ настоящую армію. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи ихъ воспитаютъ политическія условія. Во всякомъ случаѣ, они представляютъ изъ себя міровой народъ, естественный удѣльный вѣсъ котораго будетъ самъ опредѣлять дальнѣйшее развитіе событій.

Къ этимъ великимъ націямъ, находящимся въ состояніи гигантскаго роста, слѣдуетъ присоединить также французовъ, которые, несмотря на элементарныя трудности своего положенія, прилагаютъ крайнія усилія для сохраненія своего мірового политическаго значенія. Далѣе, идутъ итальянцы, которые желаютъ предъявлять свои все растущія требованія. Русскіе, англичане, американцы располагаютъ по ту или по другую сторону океана возможностью неограниченнаго расширенія своихъ владѣній; намъ же въ этомъ отказано самой природой. Поговорка, что мы явились къ раздѣлу земли слишкомъ поздно, имѣетъ для насъ роковое значеніе. Въ настоящее время мы можемъ еще ссылаться на то, что силы народа подлежатъ не только вычисленію, но и взвѣшиванію. Однако, въ міровой политикѣ также есть предѣлъ, за которымъ разница въ количествѣ уже не можетъ быть уравнена качествомъ. Другіе народы могутъ строить свое хозяйственное и національно-политическое будущее на неизмѣримо болѣе широкомъ внѣшнемъ основаніи; мы же въ нашемъ теперешнемъ положеніи должны воздвигать его все выше и выше, подобно башнѣ, на узкомъ основаніи нашихъ земельныхъ владѣній въ Европѣ, заключенныхъ со всѣхъ сторонъ въ твердыя границы. Но деревья и башни не ростутъ до неба. Разъ мы хотимъ упрочить свое положеніе въ качествѣ міровой державы, мы должны тѣмъ или инымъ путемъ расширить основы своего національнаго существованія.

Извѣстная нашумѣвшая брошюра «Міровая политика Германіи безъ войны», выводы которой слѣдуетъ отклонить самымъ рѣшительнымъ образомъ, хотя и отрицаетъ въ конечномъ счетѣ дѣйствительныя цѣли міровой политики Германіи, все же должна была признать необходимость постановки хотя бы только мнимой міровой политической задачи. Объ авторѣ этой брошюры,—справедливо или нѣтъ—говорили, что его идеи находились подъ вліяніемъ весьма высокопоставленнаго лица въ Германіи. Такъ или иначе, высказанныя имъ мнѣнія имѣли, во всякомъ случаѣ, тотъ благопріятный результатъ, что большинство нашихъ сознательныхъ независимыхъ политиковъ выступило противъ такого ограниченія нашихъ цѣлей. Въ настоящее время этой брошюрѣ можно

противопоставить другой, болѣе энергичный и отрадный голосъ, который уже не предположительно, а навѣрное исходитъ изъ круга лицъ, занимающихся вопросами внѣшней политики въ силу своего оффиціальнаго положенія. Я говорю о книгѣ, появившейся подъ псевдонимомъ Руэдорфера «Основныя черты современной міровой политики». Автору этой книги принадлежатъ превосходныя слова объ обоихъ руководящихъ принципахъ нашей политической дѣятельности, *концентраціи и расширеніи*.

«Бисмаркъ», говорится въ этой книгѣ, «послѣ удачной войны съ Франціей видѣлъ главную свою задачу въ укрѣпленіи достигнутаго единства. Для того, чтобы отвлечь Францію отъ границы Рейна, онъ старался насколько возможно содѣйствовать расширенію французскихъ владѣній въ Африкѣ и Азіи. Когда онъ къ концу своей дѣятельности, желая создать для Германіи возможность въ будущемъ вести колоніальную политику, пытался обезпечить за нею еще незанятыя области Африки, онъ тщательно избѣгалъ продвигаться дальше, чѣмъ это допускали англійскіе интересы. Онъ избѣгалъ расширенія границы германскихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ въ сторону Капской колоніи, теперешней Родезіи. Бисмаркъ держалъ германскую міровую политику въ границахъ, которыя, по его мнѣнію, предписывались интересами континентальной политики. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ выдвигалъ ее на первый планъ, и міровой политикѣ предоставлялъ только то, что не противорѣчило ея задачамъ.

Однако, молодая Германская имперія стремится къ міровому расширенію. Населеніе возрастаетъ ежегодно отъ 800 до 900 тысячъ человѣкъ, и для этой новой массы людей должно быть найдено пропитаніе или, что то же, работа. Для того, чтобы страна могла прокормить возрастающее населеніе, одновременно долженъ возрастать сбытъ нашихъ товаровъ за границей. Извѣстенъ тотъ колоссальный хозяйственный подъемъ, который послѣдовалъ за политическимъ объединеніемъ Германіи. Благодаря упорному прилежанію, основательности, научной образованности и жизненности нашего народа, намъ удалось

вывозить не людей, а товары. Интересы и произведенія нѣмецкаго хозяйства охватываютъ весь міръ: во многихъ отрасляхъ оно завоевало первое мѣсто и во всѣхъ—второе или третье. Экономическое развитіе создаетъ политическіе интересы. Огромная производительность стремительно развивающагося народа вынуждаетъ молодую имперію принять участіе въ міровой политикѣ.

Это развитіе хозяйственныхъ интересовъ и міровыхъ политическихъ стремленій съ одной стороны, и условія континентальнаго положенія Германской имперіи съ другой—опредѣляютъ своеобразное политическое положеніе современной Германіи. Германія со всѣхъ сторонъ окружена странами съ развитой и уже старой государственной культурой. Она не примыкаетъ ни къ какой области, которая давала бы возможность колоніальнаго расширенія; она расположена среди великихъ державъ. Никакое другое государство не находится въ подобномъ положеніи. Всѣ сосѣднія державы непосредственно примыкаютъ къ областямъ, гдѣ есть возможность колонизаціи. У Россія есть Азія, у Австро-Венгріи—Балканы, у Франціи и Италіи—сѣверный берегъ Африки, у Англіи, окруженной морями,—весь міръ. Всѣмъ этимъ государствамъ приходится въ большей или меньшей мѣрѣ защищать только одну сторону своей границы. Германія, расположенная въ серединѣ Европы, въ большей степени зависитъ отъ европейскаго политическаго положенія, чѣмъ ея сосѣди. Ей труднѣе защищать себя отъ враждебныхъ союзовъ,и она нуждается для этого въ большей затратѣ дипломатическихъ или военныхъ средствъ. На признаніи этого положенія покоилась политика Бисмарка, которая по существу являлась континентальной политикой и подчиняла своимъ требованіямъ интересы міровой политики. Очевидно, что при всѣхъ своихъ африканскихъ, турецкихъ, персидскихъ, китайскихъ выступленіяхъ Германія должна сначала поставить передъ собой вопросъ, какое вліяніе подобныя выступленія окажутъ на соотношеніе европейскихъ силъ на континентѣ. Поскольку она сталкивается въ европейской Турціи, Персіи или

Китаѣ съ интересами Россіи, она заставитъ ее еще тѣснѣе примкнуть къ неизмѣнно враждебной намъ Франціи, а если она затронетъ область англійскихъ интересовъ въ Месопотаміи, она увидитъ и Англію на сторонѣ своихъ противниковъ. Дѣйствительно, первыя выступленія Германіи въ міровой политикѣ именно и привели къ такого рода результатамъ. Восточная политика Германіи, которая началась съ проведенія багдадской дороги, показала русскимъ и англичанамъ возможнаго общаго противника и значительно содѣйствовала ихъ соглашенію. Поэтому многіе нѣмецкіе политики континентальнаго направленія считали постройку багдадской дороги совершенно ошибочнымъ шагомъ съ точки зрѣнія практической политики».

Руэдорферъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: наше первое уклоненіе отъ политики Бисмарка, было вызвано расширеніемъ французскихъ колоній въ 1904 году въ Марокко; несмотря на многіе второстепенные моменты и планы, которые еще не могутъ получить правильной исторической оцѣнки, оно все же явилось принципіальнымъ выраженіемъ и признаніемъ того взгляда, что наше собственное развитіе не позволяетъ намъ болѣе предоставлять чужому вліянію заокеанскія страны, имѣющія богатое будущее. Это не означаетъ, конечно, чтобы мы съ 1904 года намѣревались захватить Марокко, полностью или часть его, но это значитъ, что міровые политическіе интересы начинаютъ приходить въ столкновеніе съ традиціонными континентально-политическими взглядами. При этомъ въ основѣ нашего выступленія лежитъ, конечно, высказанная или скрытая мысль о компенсаціи. Не въ томъ дѣло, чтобы стремиться выхватить у конкуррента всякій разъ тотъ кусокъ, на который онъ разсчитываетъ; однако необходимо было усвоить себѣ то положеніе, что увеличеніе сферы заокеанскихъ владѣній другого народа не представляетъ опасности для насъ только въ томъ случаѣ, если мы можемъ сдѣлать равноцѣнныя пріобрѣтенія.

Ничто не можетъ быть поучительнѣе, какъ трудности германской политики въ марокканскомъ вопросѣ, начиная съ Алжезирасской конференціи 1906 года и кончая договоромъ о Марокко—Конго съ Франціей въ 1911 году. Франція, пытаясь

постепенно отнять независимость Марокко, вполнѣ сознательно шла на то, чтобы лишить всякаго практическаго значенія Алжезирасскій договоръ.

Руэдорферъ пишетъ: «Германія имѣла достаточно поводовъ, чтобы, опираясь на международные договоры, выступить противъ такого образа дѣйствій. Но всегда, когда она хотѣла это сдѣлать, она сталкивалась съ такой группировкой державъ, подъ защитой которыхъ французская политика чувствовала себя въ безопасности и нисколько не желала идти на уступки. Больше того, каждое выступленіе Германіи заставляло эту группу державъ еще тѣснѣе сплотиться. Такъ называемая, «политика изоляціи» Эдуарда VII выработалась и доказала свою силу на марокканскомъ вопросѣ. Незначительность отдѣльныхъ нарушеній Алжезирасскаго договора со стороны Франціи практически лишила германскую политику возможности прибѣгнуть въ качествѣ аргумента къ мечу. Такимъ образомъ, политика Германіи въ марокканскомъ вопросѣ была парализована создавшейся при этомъ группировкой европейскихъ державъ послѣдствія которой она должна была испытать также и въ другихъ отношеніяхъ. *Въ этой связи міровой и континентальной политики и заключается, если угодно, порочный кругъ внѣшней политики Германской имперіи.* Выступленія въ міровой политикѣ отражаются на континентальной, а эта послѣдняя заставляетъ Германскую имперію ограничить себя въ области міровыхъ задачъ».

Можно и должно ли ограничиться простымъ признаніемъ этого труднаго и противорѣчиваго положенія и продолжать нерѣшительно лавировать между міровой и континентальной политикой? Въ соотвѣтствіи съ все растущими политическими жизненными интересами Германіи мы отвѣчаемъ: нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ! Мы вспоминаемъ старую бременскую поговорку: Navigare necesse est, vivere non est necesse, мореплаваніе— необходимо, жизнь—нѣтъ. То же говоритъ и Руэдорферъ: «Міровую политику вести необходимо. Хозяйственное расширеніе и жизненная воля народа ищутъ выхода. Политика Германіи должна выйти изъ порочнаго круга. Задача, которая

вытекаетъ изъ этого положенія, есть въ сущности проблема внѣшней политики Германской имперіи. Все, что происходитъ, должно разсматриваться, какъ попытка ея разрѣшенія. Ясно, что Германская имперія будетъ тѣмъ свободнѣе въ своихъ выступленіяхъ въ области міровой политики, чѣмъ независимѣе будетъ она отъ политическаго положенія въ Европѣ на континентѣ. Важно поэтому прежде всего освободить германскую имперію отъ «cauchemar des coalitions», невыносимаго гнета враждебныхъ союзовъ, который подавлялъ еще политику Бисмарка. Поэтому первое требованіе міровой политики Германіи сводится къ такому усиленію ея на континентѣ, которое довало бы ей всѣ шансы на побѣду при всякой возможной группировкѣ силъ. Только въ этомъ случаѣ при своихъ выступленіяхъ въ области міровой политики она сможетъ не считаться съ ихъ неблагопріятными послѣдствіями въ Европѣ. Больше того, послѣднія совсѣмъ не возникнутъ какъ только міровые политическіе противники Германіи убѣдятся въ томъ, что никакія комбинаціи союзовъ не смогутъ обезпечить имъ успѣха, если они нападутъ на Германію на континентѣ. Судьбы міровой политики Германіи должны быть рѣшены на материкѣ Европы. Общественное мнѣніе Германіи еще недостаточно усвоило эту связь между военной позиціей Германіи на континентѣ и ея свободой въ міровыхъ политическихъ выступленіяхъ. Оно считаетъ флотъ главнымъ орудіемъ міровой политики. И именно потому, что міровая политика составляетъ сущность политическихъ стремленій націи, флотъ въ настоящее время пользуется большей популярностью, чѣмъ армія».

Послѣднее замѣчаніе *справедливо*, но также справедливо и то, что безъ постройки флота мы никогда не смогли бы заставить Англію занять ея теперешнюю позицію. Достиженіе извѣстнаго соглашенія съ Англіей при всѣхъ наличныхъ условіяхъ представляетъ для насъ одну изъ самыхъ достойныхъ задачъ нашей политики. Однако, если нашъ флотъ не будетъ достаточно силенъ для того, чтобы даже на случай конечной побѣды Англіи все же угрожать ея морскому владычеству, то передъ Англіей всякій разъ будетъ возникать новое

искушеніе—вмѣсто того, чтобы руководиться политикой взаимныхъ интересовъ, добиваться отъ Германіи уступокъ всѣмъ своимъ потребностямъ и желаніямъ.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что препятствія русскому движенію на Востокъ, созданныя германской политикой, въ Турціи и французская идея реванша заставляютъ все болѣе и болѣе напрягаться военныя и финансовыя силы обѣихъ державъ двойственнаго союза; Германія же благодаря этому была вынуждена къ послѣднему увеличенію арміи и введенію военнаго налога. Можно съ увѣренностью сказать уже теперь, что если раньше не произойдетъ мощнаго взрыва напряженныхъ европейскихъ отношеній, намъ придется въ ближайшемъ времени сдѣлать слѣдующій и пока послѣдній шагъ: привлечь къ отбыванію воинской повинности еще свободныхъ отъ нея молодыхъ людей, ежегодно составляющихъ излишекъ при наборѣ въ 40 тысячъ человѣкъ. Связанныя съ этимъ издержки будутъ значительны, около 100 милліоновъ ежегодно, кромѣ соотвѣтствующихъ единовременныхъ расходовъ, но въ такомъ угрожаемомъ положеніи, какъ наше, эти соображенія не могутъ имѣть значенія. Вѣдь очевидно, что въ финансовомъ отношеніи мы сможемъ выдержать дольше, чѣмъ французы и даже англичане, не говоря уже о русскихъ, которые живутъ только за счетъ французскаго кредита. Средства для 40 тысячъ солдатъ найдутся, они должны найтись. Однако, благодаря всѣмъ этимъ, уже принесеннымъ нами и непосредственно предстоящимъ жертвамъ, мы сдѣлали, наконецъ, рѣшительный шагъ къ такому укрѣпленію нашего положенія на континентѣ, которое даетъ намъ основаніе для свободныхъ выступленій и въ сферѣ міровой политики. Судорожныя усилія французовъ, которые, несомнѣнно, исчерпали свои силы и не могутъ даже помышлять о томъ, чтобы надолго сохранить степень ихъ теперешняго напряженія, ясно показываютъ, что мы собственно уже выиграли игру и уже не можемъ быть уничтожены ни въ военномъ, ни въ финансовомъ отношеніи. Въ связи съ этимъ, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Руэдорферъ, наши противнини должны измѣнить свое отношеніе къ нашимъ

міровымъ политическимъ выступленіямъ и планамъ, если только вообще человѣческія дѣйствія подчинены разуму и оцѣнкѣ реальнаго положенія вещей. Уже развитіе марокканскаго вопроса показало, что только при значительной затратѣ усилій и дипломатическихъ средствъ и съ большимъ политическимъ рискомъ мы могли добиться удовлетворительнаго отвѣта на наше предложеніе. «Эти трудности создаются нашимъ географическимъ положеніемъ, которое сковываетъ большія силы и затрудняетъ свободу политическихъ дѣйствій; поэтому *Германія для веденія міровой политики нуждается въ невѣроятномъ развитіи реальныхъ средствъ и силъ*». Вотъ это, дѣйствительно, значитъ понять самую сущность проблемы міровой политики Германіи! А правильное пониманіе должно повлечь за собой и рѣшительныя дѣйствія.

Всякая критика нашихъ мѣропріятій и успѣховъ въ области міровой политики должна считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что чѣмъ рѣшительнѣе мы выступаемъ въ этой сферѣ, тѣмъ болѣе благопріятныя условія мы создаемъ для образованія коалиціи въ остальной Европѣ. При этомъ условіи совершенно ложнымъ оказывается утвержденіе, что уже упущены широкія возможности упрочить положеніе Германіи, какъ міровой державы. Мы до сихъ поръ еще не были достаточно сильны ни на сушѣ, ни на морѣ, ни одновременно и тамъ и тутъ, чтобы передъ лицомъ любой существующей или возможной коалиціи рѣшиться на борьбу не на жизнь, а на смерть. Только теперь, послѣ того, какъ законъ о флотѣ, хотя еще не полно, но хотя бы приближенно, начинаетъ давать ожидаемые результаты, когда ради военнаго налога и послѣдняго значительнаго увеличенія арміи принесены великія жертвы, только теперь, когда въ руководящихъ кругахъ существуетъ рѣшимость скоро и окончательно провести всеобщую воинскую повинность, можно ожидать плодовъ политики концентраціи. *Мы должны понять, что мы только теперь становимся достаточно сильными для міровой политики и что достигнутые успѣхи только начало, на которомъ можно строить дальнѣйшіе разсчеты.* Политика—дѣло рукъ человѣческихъ и поэтому не свободна отъ человѣческихъ

ошибокъ. И у насъ были допущены ошибки, но развѣ ихъ можно сравнить съ обѣими ошибками англійской политики: съ уступкой Гельголанда и постройкой дрэднотовъ! И, несмотря на нихъ, Англія сохраняетъ все свое могущество. Вообще, плохая политика создается не отдѣльными ошибками, а благодаря неопредѣленности въ преслѣдованіи цѣли, въ оцѣнкѣ своихъ и чужихъ силъ, въ угадываніи того момента, который требуетъ рѣшительныхъ выступленій.

Возможно, что въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, приближается тотъ моментъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ. И мы также съ самаго начала стремились противопоставить враждебнымъ намъ коалиціямъ собственную систему союзовъ. Но союзы, говоритъ Бисмаркъ, только *тогда* въ критическій моментъ сохраняютъ силу, если они отвѣчаютъ обоюднымъ интересамъ. Если дѣло идетъ о рѣшеніяхъ не на жизнь, а на смерть, то для того чтобы союзныя государства могли притти другъ другу на помощь со всѣми своими силами, недостаточны хотя бы писанные и снабженные печатями договоры, требуется еще, чтобы судьбы государствъ равнымъ образомъ зависѣли отъ принимаемаго рѣшенія. Мы уже долгое время находимся въ тѣсномъ союзѣ съ Австро-Венгріей, но и въ моментъ заключенія союза, создатель его, Бисмаркъ, какъ о томъ можно прочесть въ его «Воспоминаніяхъ и мысляхъ», отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что писанные договоры требуютъ еще «прочной подкладки» общности интересовъ. Поэтому со времени заключенія тройственнаго союза, въ который вскорѣ перешли наши отношенія съ Австріей, съ обѣихъ сторонъ не было недостатка въ указаніяхъ, устанавливавшихъ границы нашихъ взаимныхъ политическихъ гарантій. Еще Бисмаркъ вполнѣ опредѣленно говорилъ о томъ, что австрійская политика не должна впадать въ искушеніе и преслѣдуя за нашъ счетъ свои особые интересы на Востокѣ, тѣмъ видоизмѣнять истинныя основы союза. Однако, въ настоящее время политическое положеніе приняло такой оборотъ, что Германіи и Австро-Венгріи въ интересахъ сохраненія ихъ государственнаго существованія необходимо дать единый от-

вѣтъ *на важный бля ихъ судьбы вопросъ:* можетъ ли еще быть сохраненъ миръ или нѣтъ.

Сербское преступленіе и само по себѣ и по предшествовавшей ему исторіи показало, какъ внутри Австро-Венгріи, такъ и внѣ ея, что теперь подвергаются опасности самыя основы государственнаго существованія монархіи. Если Австро-Венгрія не найдетъ никакого пути, чтобы разъ навсегда положить конецъ всесербскому движенію, то она съ неотвратимой необходимостью не сможетъ долѣе удерживать государство отъ національно-политическаго разложенія. Событія, подобныя убійству въ Сараевѣ, показываютъ, что положеніе обострилось до крайней степени. Совершенно ясно, что заговоръ исходилъ изъ Сербіи, что онъ нашелъ почву среди сербскаго населенія Австріи и что онъ имѣлъ цѣлью разрушеніе Австро-Венгріи. Если это преступленіе не найдетъ для себя извнутри и извнѣ столь сильной кары, которая навсегда уничтожитъ самую мысль о всесербскомъ движеніи и дастъ грозный урокъ всѣмъ другимъ націоналистическимъ движеніямъ, несущимъ съ собою государственную измѣну, то сосѣдней съ нами имперіи угрожаетъ близкій конецъ.

Для германской политики этимъ указанъ совершенно ясный путь. Если государство Габсбурговъ распадется, то въ ближайшее время намъ однимъ придется выдерживать тяжкій натискъ славянства съ Россіей во главѣ. Поддерживая и обороняя Австрію, мы заботимся о прочности нашего собственнаго существованія. Нужно добиться того, чтобы Сербія потеряла способность наносить вредъ. Если Россія захочетъ вмѣшаться и удержать Австрію отъ карательной экспедиціи противъ Сербіи, то мы совмѣстно съ Австріей должны будемъ сдѣлать отсюда всѣ необходимые хотя бы даже самые крайніе выводы. Австро-Венгрія должна быть сохранена, какъ великая держава.

Можетъ легко случиться, что тогда намъ придется вести войну на два фронта, возможно также, что, несмотря на всѣ успѣхи политики соглашенія съ Англіей, мы увидимъ и ее уже съ самаго начала или позднѣе въ ряду нашихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе именно тогда уже не можетъ быть перемѣны; придется выдерживать борьбу или до полной побѣды или до

горькаго конца. Отказаться сейчасъ отъ поддержки Австріи значило бы самимъ разрушить, быть можетъ, самый главный оплотъ въ борьбѣ, которой намъ все равно не избѣжать и послѣ. Если миръ не будетъ сохраненъ, то Англія не допуститъ того, чтобы мы или Россія съ Франціей одержали побѣду и воспользовались ея плодами. Однако съ нашей стороны и въ этомъ случаѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Для Италіи участіе въ войнѣ въ качествѣ члена тройственнаго союза судитъ самую большую награду: Тунисъ и Алжиръ. Итальянцы ежегодно теряютъ сотни тысячъ переселенцевъ, отправляющихся въ Сѣверную и Южную Америку. Въ теченіе одного или двухъ десятилѣтій Италія вмѣсто этого могла бы населить милліономъ людей теперешнія французскія сѣверо-африканскія владѣнія и создать изъ нихъ вторую Италію по ту сторону моря. *Тогда она станетъ міровой державой.*

Противъ Россіи должно быть вновь призвано къ жизни Польское государство. Русское колоссальное государство съ 170 милліонами населенія должно вообще подвергнуться раздѣлу въ интересахъ европейской безопасности, ибо русская политика въ теченіе продолжительнаго времени служитъ угрозой миру и существованію двухъ центральныхъ европейскихъ державъ: Германіи и Австро-Венгріи[1]). Россія и Франція должны поэтому серьезно подумать, прежде чѣмъ они вызовутъ рѣшительную борьбу на жизнь и на смерть. И мы также вполнѣ сознаемъ всю тяжесть этого рѣшенія, но мы не боимся его, ибо мы знаемъ свои силы и мы знаемъ также, что для насъ дѣло идетъ о войнѣ, которая не можетъ быть избѣгнута, и въ крайнемъ случаѣ могла быть только отсрочена. *Однако врядъ ли когда либо повторится такой моментъ, когда соотношеніе силъ Германіи и ея противниковъ будетъ для насъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ настоящее время!*

---

[1]) Мы обращаемъ особенное вниманіе на эти указанія Рорбаха о завоевательныхъ стремленіяхъ Германіи въ отношеніи къ Россіи. Повидимому, даже въ умѣренныхъ кругахъ германскаго общественнаго мнѣнія планъ раздѣла Россіи и отторженія отъ нея западныхъ и южныхъ областей (см. ниже стр. 106) пользовался широкимъ признаніемъ. Это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на «оборонительную» войну, въ которую якобы вовлечена Германія. *Прим. перев.*

VII.

ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.

Послѣднія слова предыдущей главы были написаны, когда надъ Европой послѣ убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда легла первая тѣнь военной опасности. Даже при знакомствѣ со всей серьезностью положенія передъ врученіемъ австрійскаго ультиматума, знакомствѣ болѣе близкомъ, чѣмъ это доступно для широкой публики, казалось почти не оставалось надежды на то, что наши противники уже теперь рѣшатся сдѣлать на Германію, то нападеніе, которое они намѣчали на 1916 г. Нельзя было сомнѣваться въ существованіи русско-французскаго агрессивнаго союза, направленнаго противъ Германіи, по крайней мѣрѣ послѣ 1912—1913 г., со времени начала значительныхъ русскихъ вооруженій и введенія трехгодичной службы во Франціи—какъ это, мнѣ кажется, я достаточно убѣдительно представилъ въ шестой главѣ. Два большихъ вопроса требуютъ отвѣта для объясненія того, почему война разразилась не весной 1916 года, а лѣтомъ 1914: почему Россія и Франція рѣшились выступить, несмотря на то, что первая не провела еще своихъ стратегическихъ линій на западѣ, а вторая еще не закончила перевооруженіе и снаряженіе своей арміи? Почему Англія, хотя ея рѣшительное давленіе въ Петроградѣ и въ Парижѣ могло бы временно сохранить миръ, отказалась отъ этого и тотчасъ же присоединилась къ обѣимъ воюющимъ противъ насъ державамъ?

Для насъ, то есть для Германіи и Австро-Венгріи, главная опасность на этотъ разъ заключалась въ томъ, что временная и только кажущаяся уступчивость Россіи могла морально при-

нудить насъ *выжидать того момента, когда Россія и Франція дѣйствительно будутъ готовы.* Для нашихъ противниковъ благопріятнымъ моментомъ было бы начало 1916 года, ибо тогда къ концу зимы большая часть нашего урожая была бы потреблена и боевая способность нашего флота ослаблена, благодаря незаконченному обученію третьяго октябрьскаго призыва. Пока можно найти объясненіе для поведенія нашихъ противниковъ только въ томъ, что русское правительство не чувствовало въ себѣ достаточной силы противостоять бурнымъ требованіямъ панславизма, вызваннымъ положеніемъ Сербіи. . . . . .

. . . . . .

Слѣдуетъ думать, что русскіе заявили французамъ и англичанамъ: мы хотимъ и должны вести войну теперь. Франція этимъ самымъ была вынуждена къ совмѣстному выступленію. Повидимому, это заявленіе Россіи было сдѣлано уже тотчасъ послѣ Сараевскаго убійства. Въ Россіи слишкомъ хорошо знали, какіе результаты даетъ разслѣдованіе нитей заговора, ведущихъ въ Сербію, и съ самаго начала, вѣроятно, считались съ возможностью, что на этотъ разъ Австро-Венгрія, подъ прикрытіемъ Германіи, рѣшится вести борьбу за свое существованіе [1]).

Австрія должна была это сдѣлать, если она не хотѣла добровольно обречь себя на политическое самоубійство. Если бы Сербія осталась безнаказанной и не была бы вынуждена дать дѣйствительныя гарантіи въ томъ, что она прекратитъ свою подземную разрушительную работу въ Австро-Венгріи, то имперія Габсбурговъ послѣ смерти Франца-Іосифа врядъ ли могла бы сохраниться. Съ другой стороны, только сильное, увѣренное въ себѣ русское правительство могло бы рѣшиться на смѣлый шагъ: допустить, чтобы военныя силы Сербіи были разгромлены австрійцами, и все таки неуклонно продолжать вооружаться противъ Австро-Венгріи и Германіи. Насколько

---

[1]) Приходится удивляться тому, съ какой поразительной смѣлостью даже серьезная германская плблицистика строитъ ни на чемъ не основанныя предположенія, съ которыми они въ дальнѣйшемъ оперируетъ, какъ съ твердо установленными фактами. *Прим. перев.*

невозможно было въ Россіи успокоить разбушевавшіяся страсти, доказываетъ уже тотъ фактъ, что хотя въ послѣдній моментъ императоръ Вильгельмъ рѣшился рекомендовать австрійскому правительству пойти на крайнія уступки, а именно занять только Бѣлградъ и части сѣверной Сербіи, а затѣмъ вступить въ переговоры съ Россіей о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, все же общая русская мобилизація уже не могла быть пріостановлена.

. . . . . .

. . . . . .

Трудно понять позицію Англіи. Если прослѣдить, начиная отъ объявленія войны въ обратномъ порядкѣ всѣ различныя, извѣстныя до сихъ поръ мѣропріятія англійской политики, то онѣ скорѣе всего объясняются тѣмъ, что непосредственно послѣ сараевскаго убійства Англія практически считалась съ опасностью войны и своимъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ противъ Германіи. Рѣшеніе Россіи вести войну поставило Англію передъ однимъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ политическихъ рѣшеній, которыя вообще могли ей представиться. Англійское правительство, несомнѣнно, вело переговоры съ Германіей о такъ называемомъ посредничествѣ, все время имѣя въ виду, что вовлеченіе Германіи въ войну и прежде всего нападеніе на Германію Франціи и Россіи во всякомъ случаѣ должно оказать услугу англійскимъ интересамъ и соотвѣтственно этому и должно быть использовано. Остается невыясненнымъ, были ли всѣ уступки Англіи по вопросу о багдадской дорогѣ и въ Африкѣ, на самомъ дѣлѣ только маской, скрывавшей за собой уже давно задуманный планъ совмѣстнаго нападенія на насъ съ Россіей и Франціей, или же рѣшеніе выступить въ настоящій моментъ противъ Германіи возникло только подъ вліяніемъ рѣшимости Россіи начать войну и вовлечь въ нее Францію.

Въ настоящее время, когда все такъ перевернулось, можно съ спокойной совѣстью сказать, что наши договоры съ Англіей о раздѣлѣ сферъ вліянія на Востокѣ и въ Африкѣ были заключены и подписаны и что переговоры велись только объ ихъ опубликованіи. Въ Африкѣ англійская политика пошла неожиданно

далеко намъ навстрѣчу. Въ турецкихъ дѣлахъ германская точка зрѣнія была не только вполнѣ принята во вниманіе въ вопросѣ о багдадской дорогѣ, но и всѣ связанныя съ нею предпріятія, какъ разработка нефтяныхъ залежей въ Мессопотаміи и судоходство по рѣкѣ Тигру, которое принадлежало исключительно Англіи, были урегулированы при участіи Германіи. На этомъ основаніи казалось, что Англія примирилась съ мыслью допустить на болѣе широкихъ, чѣмъ до сихъ поръ, основахъ общую конкуренцію Германіи, какъ въ африканскихъ тропикахъ, такъ и на турецкомъ Востокѣ. Истинная психологическая причина заключалась въ томъ, что постепенно стушевывались англійскія опасенія передъ планами германскаго нападенія, внушавшаго ложныя подозрѣнія. Старое, къ сожалѣнію, часто забываемое правило политической мудрости говоритъ о томъ, что въ области международной политики для взаимныхъ отношеній имѣютъ значеніе не столько дѣйствительныя цѣли правительствъ и націй, сколько тѣ мнѣнія, которыхъ держится одна сторона о намѣреніяхъ другой. Мнѣніе англичанъ въ теченіе долгихъ лѣтъ сводилось къ тому, что Германія подготовляетъ нападеніе на Англію, но со времени марокканскаго кризиса это подозрѣніе начало разсѣиваться.

Все растущая активность русской политики въ балканскомъ и восточномъ вопросахъ становилась неудобной для Англіи, такъ что съ начала перваго балканскаго кризиса англійская политика часто шла параллельно съ германской и даже подчасъ предпринимала совмѣстныя съ ней выступленія, чтобы не допустить Россію какимъ-либо образомъ продвинуться къ Средиземному морю [1]). Россія послѣ сараевскаго преступленія уже не могла себя болѣе внутренне сдерживать. послѣ того, какъ ея попытки выступленія на Балканахъ и про-

---

[1]) Если до возникновенія войны между Россіей и Англіей дѣйствительно существовали извѣстные противоположные интересы, то они ни въ коемъ случаѣ не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ полнымъ и рѣшительнымъ антагонизмомъ, который характеризуетъ собой германскую и англійскую политику, какъ на Востокѣ такъ и въ сѣверной Африкѣ.

Прим. перев.

тивъ Азіатской Турціи вторично потерпѣли крушеніе, не только вслѣдствіе твердости Германіи, но также и недовольства Англіи русской политикой на Средиземномъ морѣ. А разъ война двойственнаго союза противъ Германіи все-таки разразилась, то Англія должна была принять рѣшеніе, независимо отъ того, что съ ея точки зрѣнія это событіе наступило преждевременно и не было ею вызвано.

Если бы Англія оставалась нейтральной, то въ результатѣ легко могло бы случиться, что Франція была бы совершенно разбита и русское нападеніе побѣдоносно отражено. Но вмѣстѣ съ этимъ безспорно въ Россіи произошелъ бы финансовый крахъ, и она утратила бы возможность въ ближайшемъ будущемъ вновь пойти войной противъ Германіи. Если стать на англійскую точку зрѣнія, то легко можно представить себѣ непріятныя и даже опасныя стороны такого будущаго. Для Англіи далеко не безразлично вести ли ей переговоры съ Германіей, заключать съ ней договоры, дѣлать ей уступки на Востокѣ и въ Африкѣ въ то время, какъ Германія въ своемъ замкнутомъ положеніи на континентѣ находится подъ давленіемъ и съ русской и съ французской стороны; или же имѣть дѣло съ Германіей, которая не обязана считаться ни съ Франціей, ни съ Россіей. Прошу замѣтить: я аргументирую не съ нѣмецкой, а съ англійской точки зрѣнія. Кто въ мірѣ могъ бы помѣшать Германіи, послѣ побѣды, одержанной въ союзѣ съ Австріей надъ Россіей и Франціей, на деньги французской контрибуціи и въ огнѣ всеобщаго народнаго воодушевленія побѣдой построить флотъ, вполнѣ равный англійскому? Кто могъ бы помѣшать Италіи, если бы она осталась активнымъ участникомъ тройственнаго союза и помогла бы намъ разбить Францію, захватить себѣ сѣверо-африканскія французскія колоніи и сдѣлать Средиземное море итальянскимъ озеромъ? Италія, обладая Тунисомъ и Сициліей, была бы въ состояніи, по своему желанію, такъ прочно запереть проходы между Гибралтаромъ и Суэцомъ, что ни одинъ корабль не могъ бы пройти мимо безъ ея согласія.

Намъ нечего поэтому обманываться на тотъ счетъ, будто бы для Англіи вопросъ шелъ только о томъ, остаться или не остаться

нейтральной; вспросъ для нея стоялъ гораздо шире: не пришлось ли бы ей въ возможномъ или вѣроятномъ будущемъ считаться съ новой Германіей,которая смогла бы добиться преобладанія надъ Англіей?

Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы англійская политика была бы готова принципіально допустить послѣ войны извѣстное перемѣщеніе силъ въ отношеніяхъ Англіи и Германіи, то она имѣла бы достаточно способовъ получить съ нашей стороны гарантію въ томъ, что ея интересы не будутъ нарушены въ цѣломъ рядѣ рѣшающихъ пунктовъ.Тѣмъ не менѣе для націи и для правительства съ такимъ политическимъ самосознаніемъ,какъ въ Англіи, принять рѣшеніе было нелегко. Англія такъ и не прищла къ нему, но предпочла идти другимъ путемъ и давала гарантіи своего нейтралитета на тотъ случай, если Германія въ войнѣ съ Франціей добровольно наложитъ на себя военныя ограниченія и при томъ двоякаго рода. Первое ограниченіе сводилось къ тому, что мы не будемъ дѣлать никакихъ нападеній на берега Франціи въ Сѣверномъ морѣ, въ Ламаншѣ и Атлантическомъ океанѣ, такъ что французы смогутъ послать весь свой флотъ противъ Италіи и Австріи въ Средиземное море, второе требовало нашего отказа отъ прохода черезъ Бельгію. Первое условіе еще возможно было обсуждать, второе ни при какихъ обстоятельствахъ.

Бельгія—несомнѣнно, нейтральное государство. Точно также и Данія въ 1807 году была государствомъ нейтральнымъ; тѣмъ не менѣе датскій флотъ былъ въ мирное время захваченъ англичанами. Этотъ случай типиченъ для вопроса о томъ, уважаютъ или не уважаютъ могущественныя воюющія стороны нейтралитетъ маленькихъ государствъ, которыя по какимъ-либо особымъ причинамъ имѣютъ для нихъ значеніе. Данія въ 1805 году при возникновеніи, такъ называемой третьей коалиціонной войны противъ Франціи оставалась нейтральной. На материкѣ противъ Наполеона сражались Австрія и Россія, на морѣ—Англія. Для англичанъ все сводилось къ тому, чтобы не дать Наполеону захватить морскія силы, которыя дали бы ему возможность прикрыть транспорты войскъ, предназначен-

ныхъ для вторженія въ Англію. Датскій флотъ былъ для своего времени значительной величиной, и такъ какъ существовала опасность, что Наполеонъ принудитъ Данію, какъ это уже было съ Испаніей, предоставить флотъ въ его распоряженіе, то англійское правительство обратилось къ Даніи съ ультиматумомъ: или заключить съ ней союзъ, или предоставить ей флотъ, или подвергнуться насилію. Данія отклонила ультиматумъ и послѣ этого англичане въ теченіе четырехъ дней съ 2 по 5 сентября 1807 г. бомбардировали Копенгагенъ и увезли въ Англію весь датскій флотъ. Для способа дѣйствія англичанъ характерно было то, что одновременно съ этимъ нападеніемъ былъ выпущенъ многорѣчивый манифестъ къ датскому народу. Въ этомъ манифестѣ говорилось о томъ, что эта мѣра принята не изъ вражды къ Даніи, но въ интересахъ мира и человѣчности, то есть для того, чтобы лишить возможности Наполеона, этого нарушителя мира, напасть на Англію, оплотъ свободы.

Поучительно сравнить это нарушеніе датскаго нейтралитета Англіей съ нарушеніемъ бельгійскаго—Германіей. Англія дѣйствовала въ интересахъ своей безопасности противъ грозящаго нападенія французовъ. Германія въ бельгійскомъ вопросѣ дѣйствовала въ интересахъ не только своей безопасности, но и своего существованія. Германскій народъ ведетъ войну на два фронта, противъ Франціи и противъ Россіи. Эта война можетъ принести побѣду только въ томъ случаѣ, если удастся всѣ силы направить сначала на одного противника, затѣмъ на другого. Раздѣленіе германской арміи на двѣ половины,—противъ Франціи и противъ Россіи не дало бы намъ достаточныхъ силъ для побѣды ни на одномъ фронтѣ. Намъ не помогъ бы при этомъ и союзъ съ Австріей, ибо русскій боевой фронтъ на западной границѣ такъ великъ, а русская армія такъ многочисленна, что Германія и Австро-Венгрія могутъ одновременно подвергнуться нападенію. Поэтому на русскомъ фронтѣ намъ придется вести войну съ меньшими силами, отражая нападенія и обороняясь, въ то время, какъ на западномъ фронтѣ должны быть пущены въ ходъ всѣ средства съ наибольшей энергіей.

Россія мобилизуется медленно и нуждается въ длинномъ

промежуткѣ времени для выступленія; напротивъ, французская мобилизація стоитъ на высотѣ германской. Однако, германско-французская граница тянется только на нѣсколько сотъ километровъ, изъ которыхъ значительная часть падаетъ на горную цѣпь Вогезовъ, затрудняющихъ всѣ крупныя военныя операціи. Французы уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій такъ укрѣпили въ военномъ отношеніи область наступленія вдоль открытаго участка границы, что здѣсь было бы невѣроятно трудно добиться скораго рѣшенія, то есть полнаго пораженія непріятельскихъ силъ. Если германская армія хочетъ разбить французскую прежде, чѣмъ громадныя массы русской арміи набросятся на Германію съ востока, то она, во всякомъ случаѣ, должна удлинить фронтъ своего нападенія на Францію. Только въ этомъ случаѣ она сможетъ обойти французовъ и заставить ихъ отступить. Однако, безъ прохода черезъ Бельгію это невозможно. Поэтому германское правительство предъявило требованіе къ Бельгіи, чтобы она мирно пропустила германскую армію.

Если бы Германія подчинилась требованію Англіи соблюдать бельгійскій нейтралитетъ, то сила французскаго сопротивленія значительно возрасла бы. Въ борьбѣ съ невѣроятными трудностями, которыя представляютъ французскія позиціи въ Лотарингіи, германскія войска потеряли бы много времени и понесли бы громадныя потери. Въ современной войнѣ совершенно невозможно захватить фронтальной атакой хорошо укрѣпленныя позиціи, къ тому же занятыя большими силами. Слѣдовательно, Россія имѣла бы достаточно времени, чтобы закончить стягиваніе своей арміи, и русское милліонное войско вторглось бы въ Германію въ то время, какъ главныя германскія силы были бы еще заняты во Франціи. Исходъ войны въ этомъ случаѣ былъ бы губителенъ для Германіи. Наилучшимъ выходомъ въ этомъ случаѣ еще было бы заключеніе мира вслѣдствіе взаимнаго истощенія.

Такого рода исходъ міровой войны, конечно, отвѣчалъ бы англійскимъ интересамъ. Если бы, тѣмъ не менѣе германской арміи съ несравнимыми жертвами удалось бы своевременно разбить французовъ, то для Англіи оставался бы еще открытымъ

путь вмѣшательства, то есть возможность заключенія военнаго союза съ Франціей и Россіей противъ ослабленной Германіи. Не приходится также сомнѣваться въ томъ, что Англія безъ дальнѣйшихъ колебаній прибѣгла бы къ этому средству, какъ только этого потребовали бы ея интересы. Противоположность интересовъ Англіи и Германіи уже давно была указана въ получившей широкую извѣстность статьѣ лондонскаго еженедѣльника «Saturday Review»: *торговое соревнованіе Германіи и Англіи изъ ряда безчисленныхъ мелкихъ треній въ концѣ концовъ создастъ величайшее военное столкновеніе, которое когда-либо видѣлъ міръ. Если бы Германія завтра была стерта съ лица земли, то послѣ завтра не было бы англичанина, который не разбогатѣлъ бы отъ этого. Народы въ теченіе многихъ лѣтъ боролись изъ-за обладанія городомъ или наслѣдственнымъ правомъ, почему же имъ не вести войны изъ-за торговли съ ежегоднымъ оборотомъ въ 5 милліардовъ марокъ?*

Съ того времени, какъ написаны эти слова, съ 1897 г., германская торговля, которая собственно и является побудительной причиной англійскаго соперничества, возрасла болѣе, чѣмъ вдвое. Тѣмъ большее значеніе получаетъ эта англійская угроза при современномъ положеніи. Поэтому если бы Германія отказалсь отъ прохода черезъ Бельгію, то она все равно рано или поздно увидали бы Англію въ числѣ своихъ враговъ; а несомнѣнно, что ограниченіе германскаго наступленія одной только Лотарингіей повлекло бы за собой самыя большія невыгоды съ военной точки зрѣнія и потерю безчисленныхъ человѣческихъ жизней. На бельгійско-французской границѣ французскія войска были готовы къ тому, чтобы съ своей стороны ударить черезъ Бельгію противъ праваго крыла германской арміи. Французскіе офицеры находились уже въ Льежѣ, когда на него послѣдовало нападеніе выдвинутыхъ впередъ частей германской арміи. Въ Мобежѣ, въ французской крѣпости, пограничной съ Бельгіей, уже въ 1913 году, какъ объ этомъ сообщали теперь французскія газеты, были запасены большія количества англійской артиллерійской аммуниціи. Англійскій орудія имѣютъ другой калибръ по сравненію съ французскими. Поэтому устрой-

ство этого склада ясно показываетъ о существованіи плана высадить англійскія войска во Франціи и вмѣстѣ съ французскими пустить ихъ въ дѣло на бельгійской границѣ. Кромѣ того, насколько мы припоминаемъ, англійскіе военные круги конфиденціально сами сообщали о томъ, что въ 1911 году, во время марокканскаго кризиса, между Англіей и Франціей обсуждался планъ, по которому въ случаѣ войны съ Германіей англійскій вспомогательный корпусъ долженъ былъ форсировать Шельду у Блиссингена, высадиться въ Антверпенѣ и, пройдя черезъ Бельгію, напасть на германскую армію.

Слѣдовательно, сама Англія ни въ коемъ случаѣ не имѣла въ виду соблюдать ею же гарантированный бельгійскій нейтралитетъ, если бы нарушеніе его оказалось необходимымъ въ ея интересахъ для сверженія военнаго могущества Германіи. Если бы могла существовать увѣренность или хотя бы вѣроятность того, что Англія за соблюденіе Германіей бельгійскаго нейтралитета сама сохранитъ свой нейтралитетъ въ той мѣрѣ, какъ это было въ 1870—1871 годахъ,—въ то время Англія, какъ извѣстно, поддерживала французовъ только поставкой для нихъ военной аммуниціи и провіанта,—то въ этомъ случаѣ Германія могла бы еще колебаться. Однако такой увѣренности не было. Скорѣе необходимо было считаться съ противоположной возможностью и не оставалось ничего другого, какъ потребовать прохода для германскихъ войскъ. Вооруженное сопротивленіе бельгійской арміи, конечно, должно было быть сломлено. Однако, германское правительство до вступленія въ Бельгію и еще разъ послѣ взятія Льежа предлагало бельгійскому полную гарантію того, что границы и независимость Бельгіи послѣ войны останутся неприкосновенными. Бельгія предпочла отказаться отъ этого лояльнаго предложенія и предоставила рѣшеніе спора силѣ оружія. Германское правительство болѣе, чѣмъ кто-либо, сожалѣло о необходимости такого исхода, но намъ приходится повторить, что только проходъ черезъ Бельгію давалъ германской арміи возможность настолько своевременно разбить французовъ, чтобы, одержавъ побѣду на Западѣ, оказать успѣшное сопротивленіе натиску превосходныхъ силъ русской арміи. Исходъ войны,

возможнымъ усиленіемъ Германіи за ея счетъ. Съ военной и судьба Германіи, будущее германской культуры въ средней Европѣ,—все это было связано съ бельгійскимъ вопросомъ.

Англійское требованіе, чтобы Германія при всѣхъ обстоятельствахъ соблюдала нейтралитетъ Бельгіи, имѣетъ еще особое основаніе, связанное съ самыми прочными традиціями англійской политики. Начиная съ эпохи Людовка XIV, Англія держалась того принципа, что Бельгія не должна находиться въ рукахъ какой-либо сильной континентальной державы. Франція въ царствованіе Людовика XIV въ теченіе ряда десятилѣтій неуклонно и всѣми силами стремилась овладѣть Бельгіей и какъ-разъ по этой причинѣ встрѣчала столь же долгую, неустанную и ничѣмъ неустранимую вражду Англіи. Кто владѣетъ Бельгіей, можетъ во всякое время оказывать давленіе на Голландію. Если бы эти богатыя, густо населенныя, промышленныя и мореходныя области—ихъ хозяйственное значеніе въ XVII и XVIII вѣкахъ по отношенію къ остальной Европѣ было еще выше, чѣмъ теперь—находились въ постоянномъ владѣніи Франціи, то это привело бы къ такому усиленію торговаго и морского могущества французской націи, что она, опираясь на эти земли, бывшія въ глазахъ англичанъ англійскими доменами, могла бы съ очевиднымъ успѣхомъ вступить въ соперничество съ Англіей. Этого не должно было случиться. Въ бельгійскомъ вопросѣ для Англіи естественно существуютъ тѣ же опасенія по отношенію къ намъ, что и по отношенію къ Франціи. Англія боится, что если нѣмцы займутъ Бельгію, они уже болѣе изъ нея не выйдутъ, и тогда значительный участокъ германскаго побережья въ Сѣверномъ морѣ внезапно окажется въ непосредственной близости съ Великобританіей. Вытекающія отсюда съ англійской послѣдствія точки зрѣнія не требуютъ дальнѣйшаго разъясненія.

Слѣдовательно, съ какой бы стороны мы ни пробовали подойти къ вопросу о позиціи Англіи, мы всюду сталкиваемся съ тѣмъ, что Англія должна или постáраться настолько затруднить побѣду Германіи надъ Франціей, чтобы она не могла быть использована нами въ области практической политики, и то же самое по отношенію къ Россіи, или же примириться съ

съ политической точки зрѣнія мы можемъ питать спокойную увѣренность въ томъ, что теперешніе разсчеты Англіи въ концѣ-концовъ окажутся благопріятными для насъ и неблагопріятными для нея. Мы разобьемъ Францію, мы справимся съ Россіей; въ теченіе войны намъ съ обѣихъ сторонъ вѣрно, окажутъ поддержку внутреннія затрудненія нашихъ противниковъ; послѣ войны мы въ союзѣ съ Австро-Венгріей будемъ занимать въ сердцѣ Европы болѣе могущественное положеніе, чѣмъ раньше, и Англія уже сможетъ предписывать намъ свою волю[1]). Со стороны Англіи было бы разумнѣе уже заранѣе считаться съ нашей побѣдой и установить съ нами дружественное соглашеніе на будущее время. Англія этого не захотѣла. Англія предпочла вести борьбу изъ-за того, что англійское самосознаніе, называетъ «господствомъ» Англіи на моряхъ и за океаномъ. Пусть такъ; мы сумѣемъ и въ борьбѣ противъ Англіи не только закрѣпить за собой будущее мірового народа, но и улучшить его. Правда позиція, занятая Англіей въ военномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, влечетъ для насъ неблагопріятныя послѣдствія въ другой области. Италія подъ давленіемъ Англіи вмѣсто того, чтобы предоставить намъ союзную помощь, объявила нейтралитетъ. Итальянцы съ формальной стороны ссылаются на то, что они были обязаны оказать помощь только въ томъ случаѣ, если бы Франція напала на насъ; но такъ какъ Франціи войну объявила Германія, а не обратно, то налицо нѣтъ casus foederis. Конечно, на это можно возразить, что дѣло не въ томъ, кто объявляетъ войну, а въ томъ, кто является нападающей стороной. Что ею не была Германія, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній, въ виду той крайне примирительной позиціи, которую занялъ императоръ Вильгельмъ и которой онъ твердо держался до тѣхъ поръ, пока это не угрожало безопасности государства[2]).

---

[1]) Не надо забывать, что эта часть книги была написана въ сентябрѣ 1914 года. Послѣ 11 мѣсяцевъ войны, даже послѣ отступленія русскихъ войскъ изъ Галиціи, нѣмецкая печать далеко не такъ увѣренно и спокойно говоритъ о конечной побѣдѣ. *Прим. перев.*

[2]) Та настойчивость, съ которой Рорбахъ говоритъ о примирительной позиціи Германіи, въ то же время разсматривая войну, какъ

Фактически поведеніе Италіи, опредѣляется конечно не толкованіемъ союзнаго договора, а страхомъ передъ враждебнымъ выступленіемъ Англіи.

Взглядъ на карту Италіи и на итальянскій торговый балансъ выясняютъ намъ эту связь. Итальянскія гавани лежатъ незащищенныя передъ всякимъ противникомъ, превосходящимъ ея силы на морѣ. Важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи, жизненныя артеріи итальянскихъ сухопутныхъ сообщеній, проходятъ въ непосредственной близости моря вдоль побережья. Вся хозяйственная жизнь Италіи, благодаря господству на морѣ враждебной державы, можетъ быть совершенно разстроена. Вывозъ Италіи по цѣнности равняется отъ двухъ до трехъ милліардовъ франковъ, а ввозъ по даннымъ оффиціальной статистики значительно превосходитъ милліардъ. Большая часть внѣшней торговли производится моремъ. Среди предметовъ ввоза мы встрѣчаемъ зерновой хлѣбъ и сѣмена на 450 милліоновъ франковъ, хлопокъ и хлопчато-бумажныя ткани на 400 милліоновъ, каменный уголь на 300 милліоновъ; животныя и растительные продукты питанія, не считая хлѣба, на 200 милліоновъ, промышленные сырые матеріалы, кромѣ угля, на 500 милліоновъ. Италія врядъ ли поэтому можетъ существовать въ хозяйственномъ отношеніи, если она будетъ отрѣзана отъ подвоза. И самое главное: она вовсе не имѣетъ угля, весь уголь для итальянской промышленности, для итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ, для итальянскаго судоходства получается изъ Англіи. Это— могущественныя побудительныя причины, которыя необходимо скрывать, разъ поднимается англійская угроза. Конечно, смѣлая и широкая итальянская политика могла бы любой цѣной противопоставить этимъ сомнѣніямъ и опасностямъ могучую идею итальянской сѣверной Африки. Убыль населенія, которую причиняетъ итальянская эмиграція, за вычетомъ возвратившихся обратно, составляетъ за послѣдніе пять лѣтъ, ежегодно около полумилліона. Этого было бы достаточно, чтобы въ теченіе десяти-

---

счастье, ниспосланное ей судьбой, производитъ впечатлѣніе почти сознательнаго лицемѣрія, если только не предположить, что и самъ авторъ находится подъ вліяніемъ общаго политическаго гипноза. *Прим. перев.*

лѣтія колонизировать итальянцами теперешнюю французскую сѣверную Африку. Именно это и есть идея великой Италіи будущаго, которая является мечтой всѣхъ дальновидныхъ итальянцевъ, и она много шире другой, постоянно подогрѣваемой идеи «Italia irridenta», Италіи неискупленной, гдѣ итальянцы живутъ подъ чужеземнымъ, именно подъ австрійскимъ владычествомъ. Такъ же и этотъ вопросъ, въ связи съ поставленнымъ на очередь общимъ разсчетомъ между европейскими странами, урегулировался бы самъ собой. Но Италія должна была бы помнить, что только на сторонѣ Германіи и Австро-Венгріи она можетъ разсчитывать достигнуть дѣйствительно великой цѣли. Англо-французская побѣда сохранитъ за нею въ Средиземномъ морѣ второе, если только не третье мѣсто,—тогда какъ съ тройственнымъ союзомъ она могла бы добиться перваго. Для великаго будущаго требуется однако и великая воля[1]).

Мы повторяемъ, что сила обѣихъ союзныхъ державъ и прежде всего Германіи покоится на полномъ единствѣ ихъ національной и государственной политической воли, которая стоитъ за ихъ военной организаціей, затѣмъ на превосходныхъ свойствахъ этой самой организаціи и на невозможности извести голодомъ Германію или Австро-Венгрію. Мы располагаемъ достаточнымъ производствомъ сельско-хозяйственныхъ растительныхъ продуктовъ и громаднымъ составомъ скота. Такъ же имѣются налицо такіе необходимые минералы, какъ уголь и желѣзо. Газъ, электричество, паровая сила могутъ производиться въ любомъ количествѣ; оружіе и военный матеріалъ— въ неограниченномъ числѣ, безъ помощи заграничныхъ странъ.

---

[1]) Этотъ краткій анализъ итальянской политики сознательно или безсознательно носитъ очень односторонній и въ частностяхъ невѣрный характеръ. Рорбахъ ничего не говоритъ о столкновеніи между австрійской и итальянской политикой въ Албаніи и на Балканахъ, о противоположныхъ интересахъ Германіи и Италіи въ Малой Азіи и о томъ первенствующемъ значеніи, которое получила для Италіи господство на Адріатическомъ морѣ. Послѣдующія событія ясно показали, что Италія нашла въ себѣ великую волю, но только въ противоположномъ направленіи, чѣмъ на это разсчитывала германская дипломатія. *Прим. перев.*

Керосинъ и другіе аналогичные продукты могутъ доставлять Румынія и Галиція, по крайней мѣрѣ, для военныхъ цѣлей. Пріостановка крупныхъ отраслей промышленности и вызванная этимъ безработица представляетъ, для многихъ милліоновъ людей естественно, тяжелое бѣдствіе. Мы повторяемъ, что съ этой стороны намъ угрожаетъ рѣшительная опасность только въ томъ случаѣ, если тѣ классы народа, которые и во время войны будутъ имѣть заработокъ или доходъ отъ капитала, откажутся понести достаточныя жертвы для необходимой поддержки безработныхъ. Если бы Германія была вынуждена заключить гибельный миръ *на этомъ основаніи*, то остается только *повторить*, что мы сами заслужили свою судьбу.

Для нашего успокоенія мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, что въ военномъ отношеніи вообще невозможно разбить соединенныя силы Германіи и Австро-Венгріи. Для того, чтобы это могло случиться, наши противники должны были бы не только превосходить насъ своей численностью, но и по крайней мѣрѣ быть равными намъ по своему политическому единству, національному воодушевленію, внутреннему и внѣшнему уровню военной организаціи и по нравственной силѣ тѣхъ основаній, которыя насъ привели къ войнѣ. Объ этомъ, однако, у нашихъ враговъ, взятыхъ въ цѣломъ, не можетъ быть рѣчи. Никто изъ нихъ не борется за свое существованіе. Россія и Франція дѣйствуютъ подъ вліяніемъ національныхъ стремленій, для которыхъ несомнѣнно наступитъ реакція, какъ только начнутся пораженія; Англія ведетъ предупредительную войну, пользуясь послѣднею, представляющейся ей, возможностью помѣшать Германіи достигнуть такого величія, которое само по себѣ устранило бы идею англійскаго господства на океанахъ и за океанами. Допустимъ исходъ въ который никто изъ насъ не вѣритъ: что Германія будетъ разбита. Англійская политика приметъ тогда всѣ необходимыя мѣры, чтобы не допустить такого усиленія Франціи и Россіи, которое могло бы угрожать англійскимъ интересамъ. Германія, какъ сильная континентальная держава во всякомъ случаѣ желательна для Англіи; она нежелательна для нея

только, какъ міровая держава. Также нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Англія рано или поздно воспользуется какимъ-либо поводомъ въ развитіи военныхъ операцій, чтобы заключить съ нами сепаратное соглашеніе. Она встрѣтитъ у насъ мало сочувствія! Извѣстно, что война противъ Германіи не была единымъ выраженіемъ народной воли въ Англіи, ни въ народѣ, ни въ образованныхъ классахъ.

Что касается Франціи, то также нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что широкіе слои народа были противъ войны. Тѣ, кто кричали на улицѣ, бряцали саблей, шумѣли въ редакціяхъ націоналистическихъ газетъ, тѣ хотѣли войны, ибо они въ теченіе сорока лѣтъ были загипнотизированы идеей войны и реванша. Но французскій буржуа, земледѣлецъ, виноградарь, крупный промышленникъ, экспортеръ и рабочій, въ глубинѣ души не хотѣли войны, и когда начнутся отступленія и пораженія, тогда будетъ имѣть громадное значеніе, стоитъ ли за рѣшеніемъ вести борьбу воля и нравственная сила цѣлаго народа, который жестокимъ и безсовѣстнымъ нападеніемъ противниковъ былъ поставленъ передъ выборомъ между побѣдой и гибелью— или же въ обманутой толпѣ станутъ раздаваться грозные клики: на фонарь негодяевъ, которые навлекли на насъ несчастье![1]) Мы, нѣмцы, не должны слишкомъ много воображать о нашихъ хорошихъ качествахъ и презрительно смотрѣть на другіе народы, какъ недостойные. Достаточно упомянуть только объ одномъ: позоръ и растлѣніе народа, уменьшеніе рождаемости, боязнь дѣтей, съ достаточной силой проявились и у насъ. Тѣмъ не менѣе остается тотъ объективный фактъ, что нравственное разложеніе во Франціи распространилось значительно больше,

---

[1]) Въ этой характеристикѣ французскаго общественнаго построенія передъ войной нѣкоторая доля правды искусно смѣшана съ ложью. По мнѣнію Рорбаха, миролюбивая Франція начала наступательную войну подъ вліяніемъ кучки арантюристовъ, мечтавшихъ о реваншѣ. Объединеніе съ начала войны всѣхъ живыхъ слоевъ націи, всѣхъ политическихъ партій, вступленіе въ коалиціонное министерство двухъ видныхъ вождей соціализма уже никакъ не укладываются въ рамки этого очевиднаго измышленія. *Прим. перев.*

чѣмъ у насъ, въ глубину націи. Семья, которая боится ребенка, не въ состояніи воспитать также и храбрости передъ смертью за отечество.

Меньше всего намъ должна внушать опасеній Россія. Только тотъ, кто не знаетъ Россіи, можетъ ея бояться. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Поэтому мы должны быть убѣждены въ томъ, что эта война принесетъ для насъ не несчастье, а благо. Конечно, превосходство непріятельскихъ силъ или собственныя наши ошибки могутъ привести къ временнымъ отступленіямъ, но въ общемъ нельзя себѣ представить, чтобы могъ наступить рѣшительный неблагопріятный для насъ поворотъ дѣла. Насъ могли бы сломить только стихійныя катастрофы, надъ которыми человѣкъ не властенъ, или же эгоизмъ среди насъ самихъ, эгоизмъ, который не согласится принести необходимыя жертвы для содержанія безработныхъ и нуждающихся соотечественниковъ до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ низвергнутъ.

Еще въ началѣ мы сказали въ предисловіи: *побѣда въ этой войнѣ испытаніе не столько военныхъ, сколько нравственныхъ силъ.* Военное испытаніе въ самой трудной части мы, быть можетъ, уже выдержали; что касается нравственнаго, то послѣ того, что мы пережили послѣ объявленія войны, мы можемъ выразить твердую надежду, ибо поставить вопросъ о готовности нашей націи къ жертвамъ, значитъ, одновременно отвѣтить на него утвердительно.

Поскольку мы увѣрены въ отвѣтѣ, мы можемъ также осмѣлиться сказать нѣсколько словъ о томъ, что будетъ послѣ войны. Пока побѣда еще не рѣшена, было бы безцѣльно строить планы о раздѣленіи міровыхъ территорій, но мы можемъ и должны провести основныя линіи мирнаго договора. Несмотря на ненависть, которою насъ преслѣдовала Франція въ теченіе сорока лѣтъ, мы должны сохранить за нею положеніе великой державы. Это означаетъ, что французская территорія въ Европѣ не должна быть сокращена, и что Франція должна въ главныхъ частяхъ

сохранить свои сѣверо-африканскія владѣнія. Только въ финансовомъ отношеніи къ ней должны быть предъявлены самыя рѣшительныя требованія. Русская громада въ 170 милліоновъ людей должна быть, во всякомъ случаѣ, сокращена и ея способность къ нападенію на среднюю Европу ограничена. Это и не представляетъ внутреннихъ трудностей, ибо какъ на западѣ, такъ и на югѣ современной Россіи живутъ не русскіе народы, которые будутъ только довольны отдѣленіемъ отъ имперіи. Однако нашъ настоящій врагъ и не только нашъ, но и врагъ всей европейской культуры, который ради своей коммерческой выгоды готовъ былъ выдать Германію московскому государству и уничтожить германскую мысль на землѣ, это—Англія. Съ Англіей не должно быть заключено мира прежде, чѣмъ ея вредоносное могущество не будетъ окончательно сломлено. Еще слишкомъ рано говорить о путяхъ и средствахъ, которыя къ этому могутъ привести и приведутъ, *но мы знаемъ, что такіе пути и средства существуютъ, и что имѣется рѣшимость ими воспользоваться. Только тогда будущее Германіи будетъ обезпечено.* Жалость къ Англіи въ настоящее время есть измѣна передъ будущимъ своего отечества. Поэтому: *долой морское пиратство Англіи!*

Институтъ В. И. Ленина

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе къ русскому переводу	I
	Предисловіе автора	IX
I.	Возникновеніе англійскаго мірового могущества	1
II.	Эволюція Германіи	20
III.	Англійская идея изоляціи Германіи	25
IV.	Обостреніе и смягченіе отношеній съ Англіей	34
V.	Русская опасность	58
VI.	Основныя идеи внѣшней политики Германіи	75
VII.	Германская война	88

ИЗДАНІЯ
Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.

В. ВИНДЕЛЬБАНДЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

(Изъ серіи учебниковъ и резюмирующихъ пособій: Grundriss der philosophischen Wissenschaften, издаваемой Фр. Медикусомъ).

Изъ предисловія автора: „Сочиненіе это должно развить всю совокупность философскихъ проблемъ и тѣхъ направленій, въ какихъ эти проблемы пытались рѣшить, изъ одной основной мысли: его задача—побудить къ живому передумыванію великихъ загадокъ жизни. Однако, оно не является введеніемъ въ одну какую-либо систему, оно хочетъ открыть самый широкій взглядъ на всѣ возможности мысленныхъ рѣшеній".

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Prolegomena.

I часть: Теоретическія проблемы (Вопросы знанія).

§ 1. Сущность и явленіе.

1-ая глава: Оптическія проблемы.

§ 2. Субстанція. § 3. Количество сущаго. § 4. Качественныя опредѣленія дѣйствительности.

2-ая глава: Генетическія проблемы.

§ 5. Процессъ (das Geschehen). § 6. Причинность. § 7. Механизмъ и телеологія. § 8. Психофизическій процессъ.

3-ья глава: Ноэтическія проблемы.

§ 9. Истина. § 10. Происхожденіе познанія. § 11. Значимость познанія. § 12. Предметъ познанія.

II часть: Аксіологическія проблемы (Вопросы цѣнности).

§ 13. Цѣнность.

1-ая глава: Этическія проблемы.

§ 14. Принципъ морали. § 15. Сообщества воль (Willensgemeinschaften). § 16. Исторія.

2-ая глава: Эстетическія проблемы.

§ 17. Понятіе эстетическаго. § 18. Прекрасное. § 19. Искусство.

3-ья глава: Религіозныя проблемы.

§ 20. Святость (das Heilige). § 21. Истина религіи. § 22. Дѣйствительность и цѣнность.

Выйдетъ осенью 1915 г.

Э. Л. РАДЛОВЪ.

ФИЛОСОФСКІЙ СЛОВАРЬ.

Логика,
психологія,
этика,
эстетика
и исторія философіи.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

ЦѢНА 2 руб.

СЪ ОСЕНИ 1915 г. БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ОСНОВНЫЯ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФІИ.

Подъ редакціей Э. Л. РАДЛОВА и Н. О. ЛОССКАГО.

ВЫПУСКЪ I.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Содержаніе:

Радловъ, Э. Л. Историческій очеркъ ученій о безсмертіи.

Смирновъ, К. Время, свобода воли и безсмертіе.

Болдыревъ, Д. Безсмертіе души.

Старынкевичъ, Идея безсмертія въ біологіи.

(Выйдетъ въ сентябрѣ 1915 г.).

ВЫПУСКЪ II.

СОВРЕМЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.

Содержаніе:

Бѣляевъ. Философія религіи Эйкена.

Смирновъ, К. Философія религіи Гефдинга.

Алексѣевъ, С. (Аскольдовъ). Міровоззрѣніе Фехнера.

(Выйдетъ въ ноябрѣ 1915 г.).
